

ВИКТОР САНЧЕС

ТОЛТЕКИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛИТИЯ

В этой книге читатель найдет уникальное описание магического сообщества - индейского народа виррарика, живущего на грани двух миров - обыденного и альтернативного, откроет для себя новые способы общения с иной реальностью

СОДЕРЖАНИЕ:

[Об авторе](#)

[Слова благодарности](#)

[Введение](#)

[Часть первая: Толтекская традиция](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Исторические Толтеки](#)

[Кетцалькоатль](#)

[Толтеки рассредоточиваются](#)

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Толтекайотль](#)

[Дух](#)

[Природа: доступное взгляду лицо Духа](#)

[Путь толтекского знания](#)

[Самообучение](#)

[Часть вторая: Они все еще с нами.](#)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[В поисках Толтеков](#)

Толтеки среди индейцев Мексики

Толтекская связь

Народы нахуа и виррарика: Уцелевшие потомки

толтеков

Практики «по Кастанеде»

Толтеки гор

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАДАЧА

За рамками антропологии

Ученые против эзотериков

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТРАДИЦИЯ ТОЛТЕКОВ НАШИХ ДНЕЙ

Живая религия

Маракаме

Ученичество у духа

Невидимые деревни

Недоступность

“Фиесты”

Хикури

Хикарерос

Часть третья: В МИРЕ ТОЛТЕКОВ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АНТИЭТНОГРАФИЯ В ДЕЙСТВИИ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗАТМЕНИЕ НА ЛА УНАРРЕ

Повествование о пейотной церемонии

Хикури неирра

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ЗНАМЕНИЕ НА СВЯТОЙ ГОРЕ
Дворец

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ХУМУН КУЛЛУАБИ

Захватывающее начало

Ксонаката

Матевамес

Ночь виррарика

Эль кавитеро

Смена имен

Танец хикарерос

Исповедь

Тау

Пища для Татевари

Татей Матиниери

Хумун Куллуаби

Охота на пейот

Человек, притягивающий пейот

Час матевамес

“Растения силы” вместо наркотиков

Коллективное сновидение

Истинный ключ к ритуалу

Земной рай

Трон Татевари

Песня Татевари

«Это»

Видения

Опекун

Поиски огня

Огненные люди

Свет мира

Приношения Ла Унарре

Исполнение обещания

ЭПИЛОГ

Врата силы на Унарре

Возвращение в горы

Сталкинг тени Дона Хуана

Журнал “Гнозис” (Gnosis Magazine),
зимний выпуск 1996 г.

Об авторе

Виктор Санчес обратился к изучению классической антропологии, придя в восторг и изумление от первых встреч с индейцами. Затем он вернулся в мир индейцев и изобрел “антиантропологию” — метод исследования, заключающийся в смещении акцента в исследовательской работе с узкого теоретизирования на личный опыт.

Несмотря на свою молодость, он уже семнадцать лет занимается исследованиями в различных сферах реальности и человеческого опыта, позволившими ему разработать собственное учение, изложенное в работе “Искусство целеустремленной жизни”.

Благодаря хорошему знакомству с природой (он немало путешествовал по пустыням, горам и джунглям, пытался общаться с китами и дельфинами в океане), Виктор пришел к выводу, что это — идеальное место для выявления нашего подлинного “я” и получения ответов на основные вопросы жизни. Речь идет не об умозрительных построениях или экологических проектах — нет, просто исходящее из сердца понимание природы и экологии становится основой для нового образа жизни.

Суть его общения с индейскими племенами в Мексике — наследниками великой духовной традиции толтеков — заключается в следующем: мы все — дети Солнца, наша природа солнечна, по сути, и мы должны научиться привносить в нашу обыденную жизнь осознание нашего иного “я”, скрытого глубоко внутри нас и ждущего пробуждения, чтобы обнаружить живущего в нас, но незнакомого, толтека.

Книги Карлоса Кастанеды вдохновили Санчеса на создание целой серии уникальных практик и методов личностного роста, духовного развития, и тем самым он сумел помочь миллионам читателей и поклонников Кастанеды, которые были не способны увязать свой

опыт городской жизни с методами Учителя. Благодаря Санчесу, эти люди получили в свои руки вместо фантазий и мечтаний реальные методы для развития личности и смогли превратить свой интерес к работам Кастанеды в практический опыт, обогативший их повседневную жизнь.

То, что предлагает нам Санчес, — это не пустые слова, которые забудутся сразу после того, как закрыта книга. Скорее, речь идет о живой практике, которую можно осуществить в реальной жизни. Многолетний опыт семинаров духовного развития показал, что послание Санчеса обращено не к рассудку, оно ориентировано на практическое применение.

Самое главное, что его книги стремятся увести нас от пустого умствования к гармоничному существованию души и тела, которого можно добиться в рамках повседневной жизни. Его книги обращаются непосредственно к нам, мы сами ответственны за свое развитие и вовсе не должны ждать появления каких-то учителей. Это возможно потому, что цель наших духовных поисков находится внутри, а не вне нас. Единственное условие — прислушаться к себе, проникнуть в то духовное измерение своего “я”, где кроется Дух, говорящий с нами без слов, общающийся с нами благодаря тому, что автор называет Безмолвным Знанием.

В “Учении дона Карлоса” автор описывает техники духовного развития, разработанные им самостоятельно на основании личного опыта и работ Кастанеды. Большое влияние оказал опыт общения автора с индейцами — наследниками толтеков.

“Толтеки нового тысячелетия” — это вторая часть трилогии, где Виктор Санчес повествует о своих странствиях в мире индейцев, унаследовавших знания толтеков.

На основании методов “антиантропологии” он открывает нам параллельную вселенную, где живут виррарика. Это рассказ об их Традиции, причем рассказ очевидца.

Сейчас Виктор Санчес работает над третьей частью трилогии, где собирается раскрыть суть методики, духовного самораскрытия на основании традиционных практик толтеков. Именно в ней содержатся важнейшие открытия, которые позволят нам вернуть в нашу жизнь — жизнь святящихся существ — величие и магию.

В настоящее время Санчес продолжает работу с толтекскими племенами, и не только ради своего личного духовного роста и углубленного самопознания, но и во исполнение обещания, данного старейшинам и *маракаме* виррарика в Сьерра Виррарика 15 ноября 1993 года: поведать о духовной традиции виррарика, причем не только миру, но, прежде всего, самим общинам виррарика, тем самым, разрушая сложившуюся в классической антропологии традицию не

передавать плоды своих трудов тем общинам, откуда эти плоды позаимствованы. Процесс ликвидации неграмотности, начатый мексиканским правительством, привел к неожиданным результатам: индейцы начали читать книги. Поэтому важно сохранить духовную традицию в письменном виде, чтобы последующие поколения грамотных виррарика могли читать книги не только, о, мире *теварис* (то есть, не индейцев), но и о своей Традиции.

Помимо этой работы Санчес проводит множество различных семинаров и конференций во многих странах мира, где старается передать жителям больших городов знания и магический опыт индейцев-толтеков, так как их Традиция сохранила одно из величайших человеческих сокровищ на земле: знание *иного*.

ТОЛТЕКИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Посвящается тем, кто выжил...

Слово благодарности

Я бы хотел выразить мою признательность существам, чье присутствие в мире внесло значительный вклад в появление на свет этой работы.

Моему *теокарису, хикареросу* Санта Марии, за простоту и удовольствие, с которыми они выполняли титаническую работу, поддерживая непрерывность традиции в эти трудные времена.

Тере и Мария дель Мар, за их поддержку и стремление в реализации моего сумасшествия.

Маноло, Рене и Армандо, за их дружбу и смелость, проявленные в наших общих битвах.

Моему отцу, Солнцу.

Моей матери, Земле.

Моему брату, Оленю.

Моему деду, Огню.

Духу

Введение

Я пишу эти строки не из прихоти или стремления заявить о себе как об избранном наследнике и продолжателе Традиции¹, с которой волей судьбы оказался связан. Написание этой книги — часть стоящей передо мной задачи, за выполнение которой я несу ответственность перед потомками толтеков, задачи, поставленной передо мной самим Духом. Поскольку все виденное мною, так или иначе, связано с ритуалами и обычаями Традиции, мне придется говорить о том, что лично я предпочел бы держать в секрете. Но выполнение поставленной задачи не является моим сугубо личным делом. Работа в этом направлении подразумевает принятие на себя ответственности за полное и достоверное описание одной из наиболее совершенных и могущественных традиций индейского мира Центральной Америки. Сохранение этих традиций может помочь удовлетворить ту острую потребность в изменении образа жизни. Это так необходимо людям современного общества, живущим в наше время, пронизанное ощущением надвигающегося кризиса, у самой грани нового тысячелетия.

Как вы поймете из последующего повествования, я не был “избран”, благодаря каким-то своим особым качествам, меня не делал своим доверенным лицом какой-нибудь индейский вождь — повелитель таинственных сил, ничего подобного. Скорее можно сказать, что я “просочился” в *отдельную реальность* индейцев и приобщился к их традиции вследствие вмешательства каких-то сил, находящихся за пределами моего понимания. Силы эти имеют какое-то отношение и к невероятному великодушию этих людей, и к настойчивости моих попыток.

Основной тезис этой книги заключается в том, что традиция толтеков жива. Это не мертвая традиция, упоминания о которой можно найти лишь в рассказах и легендах. Существуют ее живые носители из числа коренного населения Мексики. Традиция сохранилась благодаря усилиям искренне заинтересованных исследователей, поднявших над фанатизмом, плодами фантазии и догматами идеологии. Эти энтузиасты не жалели сил в борьбе за непрерывность ее существования; и в этом они подобны толтекам, как древним, так и тем, кого называют толтеками наших дней. К началу нового тысячелетия эта традиция не только продолжает существовать, она трансформировалась в готовое прорасти семя, способное привести к возрождению толтекского сообщества как духовного, а не этнического объединения.

¹ Здесь и далее во всех случаях, когда слово “Традиция” пишется с заглавной буквы, имеется в виду магическая традиция толтеков. (Прим. ред.)

Я уже отмечал в своей ранее опубликованной книге, “Учение дона Карлоса”, что представленный там материал отразил всего лишь часть результатов, полученных за более чем пятнадцать лет работы: общения с индейскими народами и руководства группами духовного развития. При этом материалы о некоторых других аспектах проделанной работы не публиковались.

Настоящая книга представляет собой вторую часть моего исследования, в ней описан конкретный опыт, приобретенный мною за время жизни бок о бок с коренным населением Америки. Вскоре я намерен опубликовать завершающую часть своей трилогии, в которой речь пойдет об истоках, характере и методах моей работы с группами духовного развития.

Итак, в этой книге речь пойдет о коренном населении Центральной Америки, об индейцах. Но не о таких, какими их привыкли описывать антропологи, низводя при этом до отсталой части человечества. И не о носителях фольклора, которые рано или поздно превращаются в музейные экспонаты или в курьезные персонажи этнографических или исторических монографий — “свидетельства” нашего культурного богатства или “великого исторического прошлого”.

Индейцы, о которых я говорю, — мои братья-горцы. Они имеют очень мало общего с тем, о чем рассказывают на курсах по шаманизму, и вовсе не стремятся видеть в нас неофитов. Эти индейцы обитают в своем собственном измерении, весьма далеко от нашего искусственного мира надуманных концепций и воображаемых реалий. Несмотря на автономность и удаленность их обособленной реальности, сегодня для всех нас жизненно необходимо постичь хотя бы немного из того, в чем они достигли совершенства: пути, ведущие к встрече с Духом, способы установления тесной и гармоничной связи с Солнцем, Землей и Огнем.

Индейцы, о которых мне предстоит рассказать, сами говорят очень мало, а когда это случается, речь их оказывается вовсе не похожа на выступление университетского профессора или буддийского учителя. Они не умеют ходить по стенам или перелетать через ущелья по воздуху. Однако у них есть огромное преимущество перед индейскими мудрецами из фильмов и книг: они из плоти и крови, и всякий, кто всерьез захочет встретиться с ними, сможет добиться этого.

Эти индейские народы обладают своей собственной и очень эффективной традицией, которая зиждется не на совокупности верований или пустых религиозных обрядов, а на комплексе определенных упражнений, позволяющих человеку раздвинуть границы восприятия, — как вширь, так и вглубь, — далеко за

пределы, достаточно жестко установленные культурой современного западного общества.

В этой книге я расскажу о том, как выжившие потомки древнего толтекского сообщества ищут встречи с Духом, готовятся к ней и строят взаимоотношения с главными силами Природы. Расскажу о пути к знанию, на котором вы не встретите книг, идей, верований, объяснений, толкований и посредников. На этом пути человек остается один на один с тем, что находится “за пределами” реального. Здесь никто ничего не обещает и не стремится получить с другого деньги. Никто не говорит тебе, с чем тебе предстоит столкнуться.

Я говорю о крутой дороге длиной в целую жизнь. Дорога эта трудна, но она реальна и осязаема. Это путь толтеков. Идущему по этому пути не приходится изучать историю, он ничего не берет на веру. Все, что он делает и видит, он делает и видит сам. Без посредников.

Книга состоит из девяти глав и эпилога, они сгруппированы в три части. В первой части содержится очерк истории толтеков; вторая описывает, как я впервые встретился с индейцами — потомками древних толтеков, в ней нашли отражение и главные черты их духовной традиции; третья — и наиболее важная — часть этой книги является отчетом о моей жизни среди этих необычайных людей, от первого контакта и до момента полного вхождения в реальность и образ жизни этих толтеков нашего времени.

Необходимо пояснить, что “толтеками” я называю тех индейцев, среди которых жил и у которых учился. Слово “толтек” остается в обиходе у коренного населения Мексики, начиная с шестнадцатого века. Толтек означает человек *знания*, *тот*, кто в совершенстве овладел сложнейшими искусствами и навыками. Сами индейцы, однако, не называют себя толтеками — они зовутся виррарика.

Другая причина, по которой виррарика можно назвать “дожившими до наших дней толтеками древности”, — их связь с духовной традицией исторических толтеков, ведущей начало от существовавшего некогда объединения толтеков и виррарика, которое возникло после гибели Тулы² в регионе, известном как Ацтлан.

Толтеки нового тысячелетия — это те коренные жители, обитатели гор, которые, вопреки всем сложным перипетиям истории, смогли противостоять жесточайшему давлению извне, в течение пяти веков ставившему под угрозу само их существование. Это те, кто в могучей силе своей Традиции смог найти достаточно Силы, чтобы обрести точку опоры и вступить в третье тысячелетие, не утратив

² Тула, или Толлан, центр толтекской культуры, существовавший в Центральной Мексике на протяжении трех веков после разрушения Теотихуакана. Погиб в конце XII века в результате вторжения варварских племен, известных под общим названием “чичимеки”. (Прим. ред.)

собственные пути поиска знания и общения с энергией, поддерживающей вселенную.

Но толтеки нового тысячелетия — это не просто зеленые побег на древе былого толтекского сообщества. Они могут указать нам неведомые современному обществу — с его суетностью и хаосом — пути для возврата утраченного нами магического наследия; пути, которые ведут нас к осознанию и возобновлению нашей тесной связи с Духом. Подобно нашим праотцам из Тулы, новые толтеки ищут союза с Солнцем для изгнания тьмы и пролития света знания на тайны мироздания. Эти новые мужчины и женщины станут ядром нового сообщества толтеков.

Даже в наши дни, когда *знание* толтеков вызывает искренний интерес у жаждущих обрести отличное от обыденного мировоззрение, очень важно избежать вторжения духовных искателей (и не только их) на территорию проживания индейцев. Жизненно необходимо сохранить в неприкосновенности эти зоны безопасности, эти своеобразные заповедники, где потомки толтеков смогли выжить благодаря географической изолированности, защитившей их от влияния белых и метисов, угрожавшего самому существованию их материальной и духовной культуры. Лишь по этой причине я изменил названия общин, с которыми мне довелось работать, и имена фигурирующих в повествовании людей. По правде сказать, я отнюдь не сторонник сокрытия истины или утаивания фактов. Однако в данном случае индейцы сами просили меня не разжигать излишнего любопытства, чреватого опасностью появления метисов или белых в районах, которые с таким трудом удается пока сохранять изолированными от влияния внешнего мира.

Хочу подчеркнуть, что индейские народы, о которых я говорю, вполне реальны и по сей день продолжают жить своей обычной жизнью. Я не придумываю факты и не приукрашиваю их, что не так уж редко имеет место в ничем не подтвержденных рассказах о “туземном знании” так как позиция подобных рассказчиков зачастую зиждется скорее на западных фантазиях об “индейском мудреце”, нежели на реальных фактах.

Я предлагаю вам попытаться найти собственные пути для встречи с толтеком, скрытым внутри каждого из нас и ждущим своего часа. Главные черты пути толтека, по которому можно следовать, не вторгаясь в туземные общины, описаны в моей книге “Искусство целенаправленного бытия”, работа над которой близится к завершению. Там я подробно разъясняю методы и формы работы, разработанные во время курсов, семинаров и практических занятий на природе. Взятые в комплексе, эти методы и формы представляют собой наставление о путях развития личности, оно основано на знании

индейцев и их нетрадиционных (для нас) способах общения с природой.

То, что я узнал, живя среди уцелевших толтеков, есть лишь только малая часть их знания. Но обретенная мной возможность приобщиться к их повседневному ощущению единения с природой, принимать участие в их путешествиях, открывая в себе необычные способности восприятия, позволила мне усвоить фундаментальный урок, касающийся каждого из людей: ***мы — светящиеся существа.*** Невзирая на то, что внушает нам наше эго и каковы наши представления о себе, подлинная правда о нашей природе остается в согласии с тем, что наши праотцы выразили в древней Туле:

***Мы дети Солнца,
и призвание наше — сиять!***

Виктор Санчес
Балле де Анахуак, сентябрь 1995

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОЛТЕКСКАЯ ТРАДИЦИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТОЛТЕКИ

Исторические сведения о толтеках, — как и любые другие данные о нашем доиспанском прошлом, — весьма скудны и отрывочны. Причина заключается не только в недостатке письменных источников или малочисленности археологических находок; свою роль играют и трудности, возникающие при попытках понять свойственное иной цивилизации мировосприятие, в корне отличное от концептуальных эталонов современной мысли и космовидения.

Как жили толтеки? Что их интересовало? Как они воспринимали мир? Даже если бы нам посчастливилось увидеть древних толтеков своими глазами, найти ответы на эти вопросы было бы все так же трудно. Аналогично, наблюдение за повседневным поведением представителей ныне живущих индейских народов не обязательно даст сколько-нибудь полные ответы на подобные вопросы. Несмотря на годы и годы полевых наблюдений и этнографических исследований, — начиная с отчетов Сахагуна³ и кончая современными работами в области антропологии, — индейский мир все так же упорно сопротивляется попыткам проникновения туда миссионеров и научных исследователей. Этому способствуют возникшие в рамках европейской культуры представления, которые в той или иной форме разделяет весь остальной мир: не существует вселенной и реальности помимо той, которую мы обычно воспринимаем. Поэтому индейский мир, как существовавший в прошлом, так и современный нам, всегда воспринимается по-разному в зависимости от того, смотрим ли мы на него глазами неиндейцев или же наблюдаем изнутри глазами тех, кто в этом мире обитает.

Полностью вписывающийся в учение дона Хуана тезис феноменализма гласит, что воспринимаемый нами мир есть лишь описание, которое мы получили в момент рождения и затем научились строить по мере включения себя в мир социальный. Если исходить из этого тезиса, то все исторические и этнографические

³ *Historia General de las Cosas de la Nueva Espana*, Fray Bernardino Sahagun, Editorial Porrua, Mexico, 1984.

исследования должны быть переписаны заново, а все достижения гуманитарных наук пересмотрены. Так, если мы поместим коренного мацатека и человека из города в одну и ту же комнату или в одно и то же место в горах, они окажутся в различных реальностях и увидят различные миры. В то время как индеец увидит в статистической таблице на стене только бессмысленные линии, горожанин будет с тревогой смотреть на спад деловой активности. В лесах индеец слушает деревья и учится у них, а деловой человек увидит только сырье, которое можно использовать в коммерческих целях. Естественно, если бы туземец заговорил о тех уроках, которые он получил от своих братьев-деревьев или духов гор, горожанин подумал бы: “Ох, уж эти бедные суеверные индейцы!”, не подозревая, что сам находится в плену единственно доступного ему видения мира. Только человек знания способен переместиться за *Параллельные Лицци*, отделяющие миры друг от друга, и обнаружить существование бесконечно большого количества миров, доступных для восприятия и исследования. Ниже я коснусь этой темы более подробно.

Реалии мира индейцев трудноуловимы, особенно если речь идет о реалиях прошлого. Сами ацтеки, о которых существует великое множество этнографических записей и документов времен испанского завоевания, служат источником споров и разногласий, причем в настоящее время существует много противоречивых точек зрения на их историю. Древние толтеки, жившие гораздо раньше, являют собой великую тайну, о которой в наши дни ходят только всевозможные легенды — среди них рассказанные ацтеками, рассказанные этнографами и историками, поведенные сказителями во многих индейских общинах Мексики, пересказанные *маракаме*, а также ходящие среди толтеков нашего времени.

С другой стороны, существует нечто более реальное, чем легенды и мифы, — это живые свидетели, толтеки конца XX века, о которых и пойдет речь в этой книге.

Я отдаю себе отчет, что понять мир индейцев с позиций нашего современного мира почти невозможно — ввиду убогости доступной нам информации. Тем не менее, хочу обратить особое внимание на некоторые характеристики мира толтеков, которые хорошо просматриваются как в легендах и преданиях индейцев, так и в академических исследованиях вопроса.

Хотя официальная история утверждает, что толтеки жили в период с девятого по двенадцатый век, истоки толтекского сообщества теряются во мраке времен. Самые древние следы могут быть обнаружены во временном ряду *ольмеки* — жители *Теотихуакана* — *толтеки*, а также позднее, после распада Тулы, когда толтекское сообщество распалось на такие разные этнические образования, как

виррарика, ацтеки и майя.

Кетцалькоатль

Наиболее заметный персонаж мира толтеков — это без сомнения Кетцалькоатль, Пернатый Змей, также называемый Хуэмак. Его изображения на старинных рукописях и археологических находках позволяют предположить толтекские корни культуры многих народов доколумбовой Америки. Его можно увидеть на пирамидах Тулы (Толлана), в Хидальго, где имеются изображения и так называемых “Атлантов”. Мы находим его образ в Ксочикалько в штате Морелос, месте встречи мудрецов многих индейских племен (они приходили сюда специально, чтобы еще глубже приобщиться к знанию толтеков, постичь их мудрость, особенно разнообразные аспекты взаимоотношений человека и вселенной). В Чичен-Ице, на Юкатане, положение тени, отбрасываемой каждый год 21-го марта находящимся на главной пирамиде изображением все того же Пернатого Змея, возвещает о начале весны, что дает возможность лишний раз убедиться в глубине и точности знаний майя-толтеков о вселенной. Это же происходит и в Ксочикалько, где солнечный луч проникает через специальное отверстие в стене церемониального грота точно в день солнцестояния 21 июля, сигнализируя о начале лета. Сочетание признаков птицы и змеи мы находим в эмблеме Мешико Теночтитлан, которая украшает государственный флаг Мексики. Аналогичные примеры можно привести для большей части территории Мексики и остальных стран Центральной Америки.

Образ Кетцалькоатля многопланов, он связан как с историческими событиями, так и с символами философского или духовного характера. Кетцалькоатль известен как верховное божество, культурный герой, указавший толтекам путь к вершинам технического и духовного развития. И хотя все указывает на существование некогда Кетцалькоатля-человека, правившего древней Тулой, позднейший символ Пернатого Змея выходит далеко за пределы этого исторического персонажа. Кетцалькоатль стал со временем олицетворять возвышение того, что было прежде низко. Его не зря называли таким именем — оно заставляет вспомнить о покорении духовных высот. Не следует забывать, что в наиболее развитых доколумбовых культурах религия и наука не были разделены. Они составляли часть целостного знания, позволявшего человеку установить и поддерживать гармоничные взаимоотношения с внешним миром. И, следовательно, нет ничего странного в том, что знание Кетцалькоатля одинаково проявляется как в том, что связано с

научно-техническим знанием, так и в том, что относится к развитию осознания и к духовной жизни.

Толтеки рассредоточиваются

Загадочное отбытие или исчезновение Кетцалькоатля связано с закатом славы толтеков. Это событие породило множество преданий и легенд, но как бы то ни было, к концу двенадцатого века Тула была заброшена и толтеки оказались разобщены. Странствуя, они рассеялись по разным регионам Мезоамерики, которая лишь выиграла от появления толтекских мудрецов. Так, приблизительно в это время, — в чем видится благотворное влияние толтеков, — майя начали свой путь к невиданным ранее высотам цивилизации.

Некоторые из общин, предки которых пришли из древней Тулы, осели вблизи Наярита и Синалоа за пять веков до того, как испанское вторжение вынудило их искать убежища в высоких горах, где они живут и поныне. Именно в этом регионе, преимущественно благодаря стараниям толтеков, возник знаменитый Ацтлан. Отсюда произошли двенадцать племен, которые после двухвекового странствия, следуя посланию из страны снов, Основали Мешико Теночтитлан, давая начало народу мешика, также известному как ацтеки⁴.

⁴ *Historia del Nombre y Fundacion de la Ciudad de la Mexico*. Gutierre Tibon, Mexico, 1975.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТОЛТЕКАЙОТЛЬ

Толтеки не были воинственным народом, в классическом смысле слова — они не были предрасположены вести завоевательные войны или заниматься чем-то подобным. Толтеки были людьми, высоко чтившими искусства и знание. Именно среди них достигла наивысшего развития культура “цветка и песни”⁵. Толтеки были воинами духа. Сами мешика⁶ называли искусства и науки “толтекайотль” (умения толтеков), а человек знания был “толтек”, мудрец.⁷

Поскольку толтеков не интересовала военная деятельность, они сосредоточили свои интересы на Знании и Духе. В повседневной жизни как простых членов толтекского сообщества, так и тех, кто был облечен властью, немалую роль играла религия, сохранившая свой первоначальный характер и оставшаяся Путем к Духу.

Следует отметить, что толтеки, как древние, так и живущие в наши дни, относились и продолжают относиться к религии совсем не так, как принято в западной цивилизации. Для них религия никогда не была стандартом, предписывающим определенный образ действий, догмой или проекцией человеческого самомнения на духовные сферы, что нередко использовалось для манипуляции массами в интересах малочисленной верхушки. Скорее, это был набор способов и практик, служивших поддержанию контакта между людьми и Духом.

Опираясь на присущие людям Запада представления о религии и, исходя из нашего современного отношения к ней, мы пытаемся рассмотреть и понять незападную религию, и терпим поражение. Например, пытаясь интерпретировать доиспанские религии, мы впадаем в заблуждение, полагая, что наши концепции, имеющие отношение к религии, универсальны. Так, если мы наблюдаем, как уважительно виррарика говорят о Солнце или совершают связанные с энергией Земли ритуалы, мы привычно думаем, что виррарика считают Землю и Солнце своими богами. Столкнувшись с этими многочисленными символами и проявлениями абстрактного, мы обычно просто говорим, что они “верят во многих богов”.

⁵ *La Filosofía Nahuatl*, Miguel Leon Portilla, UNAM, Mexico, 1990.

⁶ Ацтеки.

⁷ *Toltecatoytl*, Miguel Leon Portilla, F.C.E., Mexico, 1989.

Большинство религий на протяжении своей истории делали описания Духа все более и более сложными, пока не начинали принимать их за действительность, за чем обычно следовало изобретение Бога. *Эго* и самомнение активно участвовали в этом процессе, и Бог бывал обычно сотворен по образу и подобию человеческого *эго*, со всеми его желаниями, гневом, потребностью в признании, похвале и т.д. Затем религия начала “верить” во все эти коллективно придуманные истории о “Боге” и требовать от своих приверженцев действий в соответствии с почерпнутыми из таких рассказов правилами, которые “случайно” оказывались идентичными частным интересам правящей группы.

Такого не случилось ни с древними толтеками, ни с уцелевшими этническими группами их потомков, — тех, кто сохранил свою первоначальную религию почти нетронутой и в наше время продолжает двигаться по пути, ведущем к встрече с Духом.

Еще один аспект духовности толтеков, нашедший выражение в их религии, — ее прагматизм. Свидетельством тому может служить короткий разговор с доном Педро де Харо, одним из наиболее влиятельных и уважаемых *маракаме* виррарика, имевший место во время моего пребывания в горах, в Сан Себастьяне.

— Так что же, сынок, вы там думаете, что мы, индейцы, все дураки, верно? Дураки, потому что верим во многих богов, и кто знает, во сколько еще других вещей. Только наша религия, в отличие от религии *теварис* (метисов или белых) основана не на вере, а скорее на *видении*. Послушай, я повторю тебе то, что я сказал одному гринго, — из тех, кто именуют себя пасторами⁸ и кто верит, что мы — его паства.

Он был очень настойчив, тот гринго, и постоянно упоминал то Христа, то Библию, а потом я сказал ему:

— Погодите, погодите, давайте-ка посмотрим. Откуда вы знаете, что именно Христос делал и чего не делал? А? Вы были знакомы?

— Нет, я не знал его лично.

— Вы знали кого-нибудь, кто был знаком с ним лично?

— Конечно же, нет, он ведь жил две тысячи лет назад.

— Две тысячи лет назад? Да вы, наверное, шутите! Откуда же вам знать, что он вообще существовал и что все это не сказки?

— У нас есть Его слово в Библии.

— О господи, тогда я погиб! Я ведь даже читать не умею! И после этого вы нам говорите, что индейцы глупые, лишь потому, что мы верим в Землю и Солнце!

Глупые, глупые! Да только никому не нужно рассказывать мне о

⁸ Священниками.

Татей Урианака (Земле), я сам вижу ее каждый день! И каждый день я питаюсь ее плодами: кукурузой, водой и бобами. Я могу до нее дотронуться, я хожу по ней, живу на ней! И Тау (Солнце), — я ежедневно получаю его теплой его *наерика*⁹. Мне ничего не нужно делать, только посмотреть наверх, и оно — там.

И еще, что создал Христос? Насколько я знаю, он никогда ничего не создавал, в то время как Земля — только посмотрите на нее — она все время что-то производит! Она кормит нас, и поэтому мы живем. Верно? Так кто *же* дурак?

Что же, со временем нам удаётся избавиться от того пастора, и теперь ты понимаешь, почему никто из этого народца никогда не мог попасть сюда, — ни он, ни другие¹⁰.

Дух

Людам присуще интуитивное ощущение Великого Духа. Чувство собственного несовершенства и одиночества сопровождало нас на протяжении всей нашей истории. И богов люди придумали не только из страха или от слабости. Они интуитивно понимали, что в основе всего сущего лежит первичная энергия, оживляющая и приводящая в движение все сущее. Древние китайцы называли ее Дао, современные физики — просто энергией, майя — Хунаб-ку, виррарика — Татевари или Иузи, древние толтеки — Ометеотлем или Орлом. Воины нового толтекского сообщества называют эту лежащую в основе всего сущего силу Тайной, *Нагуалем*, Целью или просто Духом. Названия не важны, по-настоящему важна лишь та связь, которую, — совершая поступки — мы можем поддерживать с этой энергией.

Толтеки считают, что стремящийся *к знанию* должен встретиться с Духом, воссоединиться с ним, стать проводником его энергии при совершении каждого своего поступка. Наши действия, если они происходят из Духа и соответствуют его воле, не встречают непреодолимых препятствий; они эффективны, гармоничны и исполнены силы, они несут нам душевный покой и ощущение осмысленности бытия. Таким образом, все наши трудности возникают с того момента, когда отдельный человек или общество в целом теряет свою связь с Духом и начинает действовать в отрыве от естественного источника энергии.

⁹ Свет, знание, видение, обучение.

¹⁰ “Другие” относится к католическим священникам.

Природа: доступное взгляду лицо Духа

Любая доступная восприятию часть мира есть не что иное, как видимое лицо Духа. Ослепленные чувством собственной важности люди утратили ощущение своей связи с Духом, и потому не только чувствуют себя отделенными от всего сущего, но даже стремятся поставить себя надо всем. Природа же свободна от воздействия силы рассудка; как следствие, она может естественно воспринимать и воплощать поток энергии Духа. Стоит ли после этого удивляться, что у многих людей знания “учителями” были ущелье, гора или дерево, а иные становились учениками волка или оленя.

Толтекское знание, не став в ходе развития набором лишенных связи с Духом религиозных обычаев, основано на наблюдениях за природой и за взаимоотношениями природы и человека. Такой подход не позволяет нам считать себя ни царями природы, ни высшим и наиболее развитым ее элементом, скорее наоборот, учитывая нашу опасную склонность становиться рабами собственных идей, такой подход подразумевает необходимость учиться у природы, чтобы заново соединиться с ней и занять по праву принадлежащее нам место в мироздании. Различие между нашей религиозной концепцией и мировоззрением толтеков проявляется уже в том, что мы, люди западной культуры, представляем Бога в облике бородатого человека (естественно, ведь Он — мужчина), и считаем, что Он часто впадает в гнев, а виррарика представляют правящую миром энергию в облике благородного оленя.

Взгляды большинства современных людей ограничены навязанным нам антропоцентризмом. Такие люди видят в “культе природы” примитивную форму религии, предшествовавшую современной концепции, в рамках которой почитается один бог в облике человека. Такие взгляды — всего лишь еще одна форма проявления свойственного западной культуре высокомерия. Мы упорно помещаем себя в центр бытия, рассматривая природу в целом и каждый ее элемент в отдельности как средоточие ресурсов, существующих исключительно для удовлетворения наших потребностей и желаний. Подобная самоубийственная позиция ведет к непрекращающемуся нанесению ущерба окружающей среде для удовлетворения надуманных потребностей и для все большего наращивания капитала — одно из печальных последствий упомянутого высокомерия. Нам следует пересмотреть свои взгляды на “культ природы”. Мы должны спросить себя — не будет ли более разумными даже необходимым научиться вновь уважать Землю, Солнце, горы, реки и животных, испытывать перед ними благоговение?

Мы вредим природе, используем ее в своих целях и злоупотребляем ее терпением, ибо видим ее не изнутри, а извне. Мы не хотим признать, что сами являемся ее частью, что разрушая ее, мы тем самым разрушаем и самих себя. Духовные практики народов, тесно связанных с природой, неизменно — и сейчас, и в прошлом — отражают более разумное отношение к окружающей среде, позволяющее безопасно (а не самоубийственно, как принято у нас) использовать природные ресурсы.

Это особое чувство духовности определяло, и пути их научно-технического прогресса, позволявшие крупным населенным центрам доиспанской Мексики расти и расширяться, не ухудшая состояние окружающей среды.

Путь толтекского знания

Исходя из сказанного выше, приобщение к толтекскому *знанию* не связано только с учением у людей, и не подразумевает существования учителя и ученика в привычном нам смысле. Ученики учатся у природы, а в конечном итоге — у Духа. Колдуны, целители или *маракаме* присутствуют при этом не для того, чтобы передать ученикам свои знания, а, скорее, для побуждения желающих к установлению контакта с Духом, что и ведет к истинному *знанию*. Поэтому *люди знания* редко говорят; их метод обучения — помимо приведения примеров — заключается в ознакомлении ученика с огромным разнообразием всевозможных практик и сложных процедур, отрабатывать которые ученик должен самостоятельно. Такие методы позволяют открыть дверь в *безмолвное знание*, помогающее реализовать скрытые внутри каждого человеческого существа возможности.

Суть первоначальных обрядов посвящения заключалась не в том, что ученика посвящал какой-нибудь взрослый или учитель; скорее, ученики сами посвящали себя природе. Чтобы стать воином, молодой человек должен отправиться в долгое путешествие через неизвестные горы и незнакомые земли. Цель такого путешествия — найти волшебного оленя, который научит, как жить. Ритуал, выполняемый непременно до восхода солнца; очистительный танец или ритуал, который должен быть осуществлен при приближении грозы; знание, обретенное во время трудного восхождения на священную гору — вот лишь немногие примеры обучения посредством общения с природой.

Я вспоминаю о своем разговоре с Агустином, молодым виррарика из Санта Марии:

— А ты, Агустин, ходил на Хумун Куллуаби?

— Нет еще, но может быть скоро пойду.

— А почему ты не ходил туда раньше?

— Ну, потому что я боюсь. Там действительно страшно! Никто не ходит туда ради удовольствия, только по обязанности.

— Почему ты так говоришь? И для чего тогда собираешься идти туда?

— Ну, чтобы *видеть*. Это то самое место, где Тамацин¹¹ говорит, что тебе следует делать — посвятить себя земледелию, или целительству, или пению, или стать *маракаме*. Только чтобы узнать это, уж поверь мне, придется побороться, вот потому-то я и боюсь. Если ты не выполнишь все как следует, то увидишь что-нибудь ужасное, например, дьявола или что-то в этом роде.

— А если, к примеру, ты захочешь стать целителем, то кто будет учить тебя? Какой-нибудь другой целитель?

— Нет, не все так просто. Сначала ты получишь там, на Хумун Куллуаби, знак. Если олень обратится к тебе и скажет: “Послушай! Ты станешь целителем”, тогда тебе придется стать целителем.

— А с чего ты начнешь? Кто будет учить тебя?

— Никто, каждый учится сам по себе.

— Но как? Если никто не будет учить тебя, то как же ты сможешь научиться лечить?

— Так же, как я уже рассказывал тебе. Послушай, если тот, кто получил знак, идет домой, но не начинает лечить, потому что ему не хватает уверенности, то он очень скоро лишается покоя. Он уже узнал о своём предназначении, но все еще боится начать — тогда олень появляется в его снах и говорит ему: “Чего ты ждешь? Немедленно начинай лечить”. И олень преследует его, мучая и надоедая, пока будущий целитель не начнет заниматься лечением. Если же целитель будет медлить, заболит один из членов его семьи и тогда у него не останется выбора. Ему придется лечить своего родственника всеми доступными средствами — травами, пением псалмов, выводить болезнь любыми другими способами. Вот так он и начнет практику целителя. Когда заболит еще один член семьи — ему опять придется лечить. И он сможет это сделать, потому что Тамацин дал ему именно этот Дар. Теперь он — целитель.

— А если он уже лечит членов своей семьи, то объявляет ли он остальным виррарика, что может лечить?

— Нет, он ничего никому не говорит, но соседи со временем узнают о его даре целителя, и когда кто-то заболевает, целителя находят и обращаются к нему за помощью. Так начинает расти его

¹¹ Тамац, или Тамацин Тамаца Кахуллумари — Голубой Олень, воплощение Великого Духа.

известность — тем быстрее, чем лучше он лечит.

Как можно понять, получаемое при обучении знание не является чисто человеческим знанием. *Знание* воинов-толтеков не состояло и не состоит из слов, почерпнутых из книг или услышанных из уст учителя. Хотя слова неизбежно присутствуют между учеником и тем, кто подталкивает его к *знанию*, они играют второстепенную роль; обычно они полезны уже после того, как ученик лично приобщился к *знанию*.

Для приобщения к истинному *знанию* не требуется книг, учений, учителей или слов.

Единственный способ — жизнь, единственный учитель — Дух и его видимое лицо: природа.

Самообучение

В языке нахуатл¹² не существует слова, передающего идею обучения в том виде, в каком она известна на Западе, — когда мы учимся у кого-то еще, у специального учителя. В этом языке слово, близкое по значению к русскому “обучать”, будет *нимомаштик*, в дословном переводе это означает “обучать себя”. Так и говорили мне мои первые “учителя” танцев виррарика — двое детей, которые подбадривали меня во время длительного ритуала криками: “учи себя, учи себя!”

Поэтому нам — тем, кто действительно готов принять на себя ответственность, без которой немислимо продвижение по *пути знания*, — ясно, что учителя, книги или группы суть лишь помощники, способные в большей или меньшей степени помочь самообучению, в зависимости от обстоятельств. Они призваны направлять наши усилия на пути к *знанию* и Свободе, которых мы достигнем благодаря нашему собственному старанию и собственной воле, совершая свои собственные поступки и используя свою собственную энергию. Единственные “учителя” — всегда готовый помочь Дух и энергия, необходимая для начала движения по *пути знания*. Если все это имеется в наличии, то появится и помощь извне в той или иной форме. С другой стороны, если нам не хватает внутренней убежденности или необходимой энергии, то все великие учителя, все прочитанные книги, все пройденные курсы нам не помогут.

Метод “учи себя”, о котором знали наши предки, особенно оправдан в нашу эпоху. Время учителей прошло, и для каждого настало время осознать свою ответственность за все, что с ним

¹² Нахуатл — язык толтеков, ацтеков, и многих других коренных народов древней и современной Мексики.

происходит. Мудро ли будет отдать наше истинное наследие, которым мы располагаем — нашу единственную жизнь — в руки учителей, причем неважно — истинные они или нет? Если вспомнить, что мы можем общаться непосредственно с Духом, то зачем нам нужны посредники? Твое время пришло. Используй его! Действуй!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОНИ ВСЕ ЕЩЕ С НАМИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ПОИСКАХ ТОЛТЕКОВ

Толтеки среди индейцев Мексики

Я употребляю слово “толтек” в том значении, в каком оно употреблялось ацтеками во время прихода испанцев, что случилось гораздо позже исчезновения исторических толтеков. Ацтеки называли так *человека знания*, и, судя по рассказам, легендам, этнографическим и археологическим свидетельствам, “образ жизни толтека” подразумевал их стремление постичь все, что касается *знания* и путей, ведущих к Духу. Поэтому мы называем толтеками те этнические группы, которые либо испытывают заметное влияние исторических толтеков, либо разделяют их активный интерес к *знанию* и его специфическим формам, даже если эти группы нельзя строго идентифицировать с толтеками, опираясь на методы этнографии и истории.

Образ жизни толтеков был присущ многим индейским народам доколумбовой эры. Мы можем обнаружить влияние толтеков почти на все народы Центральной и Южной Америки.

Хотя такие трагические события, как захват и последующая колонизация Америки, в буквальном смысле стёрли с лица Земли целые индейские народы, некоторые из них все-таки уцелели, а с ними выжило и мировоззрение толтеков. К концу двадцатого века эти уцелевшие народы в разной степени смогли сохранить свою первоначальную этническую структуру. Это зависело от многих факторов, таких как географическое положение, плотность населения и внутренняя сплоченность.

Так, существуют этнические группы, оставшиеся относительно чистыми с расовой точки зрения, но утратившие свой язык и первоначальную культуру. С другой стороны, существуют и те, кто смог противостоять притеснению колонизаторов, сохранив при этом свою культуру, религию и образ жизни почти нетронутыми. Именно среди последних, следы толтекского *знания* наиболее свежи и заметны.

Сохранить прежнее мировоззрение оказалось вовсе не просто. В течение пяти веков индейцы вынуждены были занимать самое низкое положение, они находились на самом дне мексиканского общества. Сначала их пытались поработить, — а непокорных истребить, — испанские солдаты с их огнестрельным оружием. На смену им пришла церковь и колониальная администрация. Потом появились национальные интеграционные проекты, в действительности направленные на разъединение индейских наций. Капиталисты, воротилы от политики и плантаторы отобрали их земли и превратили самих индейцев в наемных работников-пеонов — почти что в рабов, живущих на мизерное жалованье. В последнее время, опираясь на современные технологии и значительные экономические ресурсы, религиозные организации, — как национальные, так и интернациональные, — увидели в индейцах новый, весьма многочисленный контингент для обращения в свою веру. Доля индейского населения, остающегося верным традиционному укладу своей жизни, резко уменьшилась вследствие физического вымирания, в результате исчезновения их культуры или абсорбции в обществе метисов — в Мексике их называют “местизо”.

Все эти прискорбные события — завоевание, занесенные из Европы болезни, насильственная евангелизация, колониальный период, капиталистическое развитие и индустриализация — в течение половины тысячелетия мало-помалу способствовали сокращению территорий исконного проживания индейцев, пока древние культуры “цветка и песни” почти полностью не исчезли. Каждая из участвовавших в этих событиях внешних сил всеми доступными средствами стремилась заставить индейские племена отказаться от их культуры, религии, образа жизни и сломать их национальную гордость. Вступившие на земли индейцев Мексики и двух Америк отнюдь не с добрыми намерениями, пришельцы по-прежнему продолжают попираť законные права коренного населения, но индейские народы не сдались. Они выстояли, хотя для этого им пришлось покинуть свои родные земли на равнинах и искать убежища в самых недоступных горных районах¹³.

Эти народы, встречая грудью, натиск пришельцев, смогли отстоять свой образ жизни, хотя и немалой ценой. Благодаря им, сегодня, в начале нового тысячелетия, толтекское сообщество, с его обычаями и ритуалами, продолжает существовать.

В настоящее время в Мексике существует пятьдесят семь этнических групп, не считая “местизо”. Среди наиболее многочисленных можно назвать нахуа, мацатеков, виррарика,

¹³ Regiones de Refugio, Gonzalo Aguirre Beltran, Institute Indigenista Interamericano, Mexico City, 1961.

сапотек, отомие, тотонака, якуи и тарахумара. Каждая из этих этнических групп по-своему боролась за сохранение своей самобытности.

Некоторые из групп были, по-видимому, “окультурены”¹⁴, ибо входящие в их состав индейцы стали одеваться как метисы и говорить по-испански. Однако пристальное наблюдение часто выявляет наличие у них традиционного, естественного для данной этнической группы образа жизни.

Одним из наиболее прискорбных последствий процесса утраты этнической самобытности является так называемое “клеймо” индейца. Из-за унижительных условий, в которых приходится жить большинству местных народов, они стыдятся того, что они — индейцы. Воспринимая белого или метиса как человека, вероятно, имеющего деньги, здоровье и благосостояние, они пытаются “местифицироваться”, уподобиться метисам, отказываясь для этого от собственного языка, традиционной одежды и культуры. Во многих общинах часто можно услышать, что старшие жалуются на отсутствие у молодых интереса к обычаям предков. Однако следует воздержаться от поспешных выводов. Следует помнить, что индейцам приходится бороться за выживание в условиях чрезвычайной бедности и на грани голода. Их нельзя осуждать.

К счастью, не все индейские народы находятся в столь жалком положении. Существуют те, кто сохраняет в неприкосновенности свой язык, одежду, религию и обычаи. Они малочисленны, и контакт с ними затруднен, но их значение для нашей эпохи трудно переоценить, ибо они являются подлинными носителями священных традиций до-испанской Мексики.

Толтекская связь

У меня была возможность путешествовать практически по всей Мексике, интересуясь, в основном, теми районами, где природа не испытала еще на себе губительного воздействия человека. Может показаться невероятным, но, к счастью, такие места все еще существуют в нашей стране. В своих поисках нетронутой природы я встретился с индейцами Мексики, всегда жившими с ней в гармонии. Я познакомился с различными этническими группами и индейскими общинами — нахуа, цоциле, целтале, мацатек, виррарика, микстек, сапотек и тотонака, — и пожил среди них. Особый интерес для меня представляли нахуа и виррарика. Обе эти

¹⁴ То есть потеряли свою первоначальную культуру.

народности полнее всех прочих сохранили древнее толтекское *знание*. Нахуа — прямые потомки населения Тулы, а виррарика ближе к толтекам из Ацтлана. Но кроме географических, миграционных или генеалогических связей существует устойчивая духовная традиция, которая позволяет напрямую связать эти народности с толтеками древности.

Я получил возможность приобщиться к духовным традициям, методам обретения *знания* и повышенного осознания, которые в разных формах сохранились среди индейских народов. Чтобы полнее представить себе структуру унаследованной ими от толтеков духовной культуры, мы можем условно разделить ее элементы на три категории.

Первая и наиболее общая — это космовидение, восходящее к доиспанским временам, оно присуще практически всем членам индейской общины. В его состав входит осознание смерти, тесная связь с природой, понимание Земли как живого существа, осознание *тела сновидения* (у виррарика).

Ко второй категории относятся знания, методы, обычаи и ритуалы, доступные лишь отдельным лицам или особым группам, входящим в общину. Например, среди виррарика любой *маракаме* или главный *маракаме* общины (он же возглавляет и группы *хикарерос*¹⁵) признается всей общиной как лицо, ответственное за все, связанное с религиозной деятельностью общины. В то же время, существует целый ряд ритуалов, неизвестных тем, кто не является частью избранной группы посвященных.

В третью категорию попадают “магические цепочки” — небольшие группы людей, которые поколение за поколением устно передают особые обычаи, связанные с древним *знанием*. Доверенное им они хранят в полной тайне, и так, чтобы само существование этих магических цепочек оставалось незаметным даже для других членов их собственной общины. Входящие в состав таких групп предстают перед другими индейцами как крестьяне, торговцы, ремесленники, целители — по собственному усмотрению. Совсем недавно и весьма необычным способом эти магические цепочки начали включать в свои ритуалы и неиндейцев.

¹⁵ *Хикарерос* — это группа, члены которой обязаны поддерживать традицию. Их примерно тридцать человек, и каждый представляет один из первоначальных духов, давших начало миру и самой Традиции. Соответственно, цель их жизни — поддерживать правильное отношение к тем действиям, которые, в соответствии с историей создания мира (по виррарика), были выполнены каждым из первоначальных духов, или “какаярес”. Ими управляет *маракаме* — он же “певец”, который, в силу исполнения этой обязанности, считается главным *маракаме* общины.

Хотя у меня была возможность приобщиться ко всем трем упомянутыми категориями традиции, сейчас я могу рассказать публично только о первых двух, и лишь слегка коснуться третьей.

***Народы нахуа и виррарика:
уцелевшие потомки толтеков***

Именно среди индейцев нахуа я пережил свое второе рождение, став воином-толтеком. Это больше, чем просто членство или звание; это целое мировоззрение, особое отношение к жизни. Воин-толтек борется за то, чтобы направлять каждое свое действие на решение комплекса сложных проблем, а каждый его поступок становился бы еще одним шагом на пути к Духу. Мое второе рождение произошло в общине Нахуатл, расположенной среди высоких гор Центральной Мексики. Эта община была особой, ее члены сохранили нетронутыми древние церемонии установления связи с осознанием Земли, пробуждающие в участниках очень специфическую форму восприятия, неизвестную большинству людей — это то, что Карлос Кастанеда называет вторым вниманием¹⁶. И это несмотря на то, что в поселке стояла очень большая и старая церковь, построенная еще в шестнадцатом веке.

В течение нескольких веков присутствие католического священника было неотъемлемой частью жизни общины. И на протяжении этих столетий каждый священник, в свою очередь, боролся за искоренение того, что считал языческими и даже сатанинскими обрядами индейцев. Когда я впервые появился в этой общине, они — и новый священник, и индейцы, каждый по-своему — рассказали мне, что предыдущий священник покинул общину менее года назад. Он был очень старым и весьма раздражительным человеком, который в течение десяти лет всеми возможными средствами боролся за искоренение стойкого “идолопоклонства” в этих местах. Этот святой отец очень обижался, когда индейцы общины, весь год притворявшиеся “добрыми христианами”, вдруг исчезали из своих домов и маленьких хижин, чтобы по три дня кряду принимать участие в связанных с культом Земли ритуалах, восходящих к доиспанским временам. К вящему гневу священника, ритуал этот проводился в тайных пещерах где-то неподалеку. Несмотря на все старания, обнаружить эти пещеры ему никак не

¹⁶ “Второе внимание представляет собой неизвестное и очень специализированное использование внимания. Оно позволяет нам воспринять другую, практически неограниченную часть реальности, которая вполне могла бы быть названа другим миром, потому что она так чужда нашему миру повседневных дел”. The Teaching of Don Carlos, Victor Sanchez, Bear & Company, Santa Fe, 1995.

удавалось. Так продолжалось год за годом, и поскольку дата зловредного события всегда изменялась, — привязанная скорее к открытию сельскохозяйственного цикла, нежели к календарю, — у священника не было никакой возможности узнать, когда же это случится. Он делал все, что мог, — даже устраивал крестные ходы с вынесением из храма статуи Христа, чтобы “изгнать злых духов” из окружающих гор. Все без толку. Эти маленькие заблудшие индейцы оказались исключительно хитры и упрямы. Во время воскресной мессы, — особенно после того, как возвращалась таинственно исчезающая на три дня паства, — священник гневно распекал индейцев, причем делал это на языке нахуатл, которым овладел за эти годы в совершенстве. Ирония происходящего заключалась в том, что он устраивал индейцам разнос в церкви на их собственном языке, называя их при этом поклонниками дьявола. При этом он употреблял индейское слово, которое сами индейцы никогда не произносят, потому что среди них, как и среди других восходящих к толтекам народов, это слово имеет магический смысл. Произнести его означает вызвать те силы, которые оно обозначает, привлечь их.

Таким образом, священник постоянно грозил им проклятием, вызывая при этом дьявола снова и снова. Местные жители (те немногие, которые посещали мессы) не знали где спрятаться, когда святой отец совершал великий грех “призывания дьявола в дом Бога”! Они приходили в сильное смущение и теряли всякое желание посещать церковные службы. В один прекрасный день произошло совершенно логичное при таких обстоятельствах событие. Это был обычный дождливый день в горах, когда дождь не просто льет, а прямо хлещет, и гроза непрестанно извергает громы и молнии. Внезапно молния ударила прямо в церковь, попав точно в алтарь и полностью опалив его. Священник был настолько испуган, что тут же сбежал. Для местного же населения происшедшее было совершенно естественно — всего лишь небольшая плата за тяжкий грех призывания дьявола в храм божий. Сам я никогда не встречал пресловутого священника, но мог видеть след удара молнии на сгоревшем алтаре. Во время моего последнего посещения этих мест посвященные Земле ритуалы были все еще живы, а местонахождение пещер оставалось по-прежнему окутано тайной.

Здесь мне посчастливилось стать “приемным сыном”. Эту честь мне оказал один из тех, кто отвечал за организацию и соблюдение тайны проведения ритуалов и охрану пещер, а также находящихся в них огромных каменных фигур, созданных еще в доколумбову эпоху. Насколько мне известно, я стал единственным человеком за пределами индейской общины, которому было позволено узнать

местоположение пещер и характер проводимых там ритуалов. Конечно, я никогда не раскрою секрета их точного местоположения.

Практики “по Кастанеде”

Если мое “рождение” в качестве воина-толтека произошло среди нахуа, то “достижение совершеннолетия” пришлось на то время, когда я жил среди виррарика. Из всех индейцев, с которыми мне довелось познакомиться, именно они, — судя по природе их обычаев и ритуалов, а также повседневному образу жизни, — оказались наиболее ярко выраженными “толтеками”. Живя среди них, я по-настоящему занялся приобщением к тем сторонам реальности, с которыми сталкивался преимущественно во сне. Я изучал предметы, увлекавшие мой разум, но оставлявшими открытым вопрос — существует все это в действительности или нет? Ко времени моей первой встречи с виррарика, я уже прошел часть пути к *знанию* — этому способствовала и жизнь среди индейцев нахуа, и мои собственные поиски истинных путей развития, которые всегда начинаются со стремления усовершенствовать свой собственный внутренний мир. Одно из направленных на внутреннее совершенствование занятий состояло в чтении книг Карлоса Кастанеды. Содержащиеся в них сведения и крупинцы *знания* оказались очень схожи с тем, что мне удалось обнаружить у живущих в горах индейцев. Благодаря этому чтению, я узнал о комплексе упражнений, знакомство с которым позволило мне воспринять духовный опыт индейцев виррарика и осмыслить полученный в ходе моей собственной жизни среди них опыт, и потому я считаю уместным сделать здесь краткое отступление.

Упражнения, — такие, как наблюдение недеяния, передвижение в темноте с использованием телесного восприятия, походка силы, осознание смерти, второе внимание, упражнения на неординарные взаимоотношения с осознанием Земли, остановка внутреннего диалога, установление связи с осознанием деревьев, практическое использование снов и многие другие, — были отчасти знакомы мне благодаря моему опыту, приобретенному у нахуа. И все же, большая часть того, о чем писал Кастанеда, оставалась для меня только сказками о силе. Хотя его книги стали важной частью моей жизни, они не подвигли меня на поиски дона Хуана или самого Карлоса.

Практикуемые уцелевшими толтеками безмолвное наблюдение за природой и бессловесное *знание* позволяли понять, что можно самостоятельно продвигаться по пути к свободе и *знанию*, а не

путаться в фантазиях какого-нибудь учителя. Сам Кастанеда говорил об этом очень ясно. Вместо поиска *нагуаля*, я продолжал работать с собственной энергией, следуя наставлению дона Хуана Матуса: “Воин безупречен, если он верит в свою силу, независимо от того, мала ли она или велика”¹⁷. Я начал в одиночку заниматься необычайными практиками дона Хуана, прекрасно дополнявшими то, что мне уже было известно. Много раз я совершал длительные “прогулки внимания”, закапывал себя в землю, проводил ночи подвешенным к дереву, занимался работой с инвентарными списками, работал с недеянием собственного “я”, выяснял пути утечки энергии. Я искал способы стирания личной истории, до тех пор пока не обрел способность *видеть*. Я практиковал набор упражнений, названный мной “живым изучением работ Карлоса Кастанеды”, долго и настойчиво. Результаты оказались потрясающими: практики сработали, они помогли выявить необычную форму осознания — осознания другого собственного “я”, что открывало доступ к неисчислимым духовным возможностям, скрытым внутри каждого из нас. Использование практик позволило выявить новые для меня формы восприятия и использования своей энергии, совершенно не похожие на обычные¹⁸.

Кроме “редких феноменов”, которые так часто захватывают внимание читателей (*союзники*, беседа с деревьями или с Землей, полеты, восприятие, свойственное другим биологическим видам (например, волкам), бег в темноте, осознание *тела сновидения* и многое другое), упражнения “по методике Кастанеды” дали мне что-то еще, что в конечном итоге оказалось гораздо более важным. Я обнаружил, что дон Хуан был прав: воспринимаемый нами мир, в том числе и наша собственная личность (точнее, наше собственное *эго*) — это всего лишь описание, фантазия, которая только кажется реальной благодаря нашему настойчивому желанию принимать ее за действительность. Остановка мира, остановка себя — это гораздо больше, чем необычайные визуальные эффекты. Это не более и не менее, чем обретение возможности восприятия иных миров и способов бытия. Обретение восприятия иного и гораздо лучшего. Если мы прекратим поддерживать в себе ежедневно обновляемое нами противоречивое описание мира, то увидим, что отказ от такого описания есть верный путь к свободе, к открытию для себя иных миров, в которых мы могли бы жить так же, как живем в своем обычном мире. Прекратив поддержку описания собственного “я”,

¹⁷ *Journey to Ixtlan*, Carlos Castaneda, Penguin Books Ltd, Harmondsworth, Middlesex, England, 1974

¹⁸ Я подробно описал свой способ использования предложений Кастанеды в книге “Учение дона Карлоса” (См. перевод на русский язык: М., Издательство КОР, 1997).

которая основана на самомнении, жалобах, разочарованиях и низости, мы получим взамен реальный путь к свободе выбора поведения в любых возможных ситуациях. При этом мы прекращаем быть рабами своих представлений о своем способе существования как об единственно возможном; сбрасываем с себя цепи своей личной истории; разбиваем узкие, искусственно созданные границы, определяющие наш имидж. Мы говорим “прощай” лишенному свободы выбору образу жизни.

Использование методов Кастанеды позволило мне довольно быстро убедиться, что на самом деле мы свободны и можем выбрать — кем быть и как жить.

Ко времени моей первой встречи с виррарика, я только начинал свои эксперименты с методами Кастанеды. Подобно большинству горожан, сначала я мог только наблюдать извне за тем, чем они занимались. Я не представлял, что кроме того, что видели мои глаза и понимал мой мозг, было и нечто иное — эти люди взаимодействовали в отдельной реальности, о существовании которой я тогда даже не подозревал. (В следующих главах я вернусь еще к тем временам.)

Прошло какое-то время, и мой образ жизни позволил мне накопить необходимое количество энергии, чтобы сделать решающий шаг и “совершить прыжок” в отдельную реальность. Пересечение *параллельных линий* окончательно открыло мне то, чего я одновременно боялся и желал — сказки о Силе можно превратить в реальность. Это вовсе не то же самое, что играть в интеллектуальные игры с концепцией “необычной реальности” (которую я был готов воспринимать очень серьезно, так как ее существование получило физическое подтверждение, и ее восприятие можно было делить с другими людьми на протяжении нескольких дней и даже целых недель). Рассуждать об этом легко, но требуются большие усилия и твердая целеустремленность, чтобы заставить нас действовать, невзирая на страх или печаль — наших вечных спутников во время путешествий в иные миры и реальности, к пребыванию в которых мы не подготовлены. Настоящая трудность проникновения в параллельный мир состоит в том, что мы не можем внутренне принять его. Как мы можем принять иные миры, если безопасность нашего эго покоится полностью на непрерывности восприятия, которое в свою очередь, всецело связано с нашим повседневным миром — сколь бы абсурдным и эфемерным он ни был? Как мы можем принять неведомое, когда всю жизнь учились бояться и отвергать все неизвестное?

Отрицание неизвестного — это черта, присущая господствующей на большей части планеты западной культуре. Но господствует она отнюдь не везде. Например, среди индейских народов существование

многочисленных необъяснимых феноменов считается нормальным явлением повседневной жизни. Они привыкли жить бок о бок с загадочным. Они без труда принимают существование вещей, которые могут или не могут быть объяснены; неизвестное не задевает их, поскольку самомнение не занимает центрального места в их культуре. Это позволяет им воспринимать как объяснимую реальность (*тональ*), так и необъяснимую (*нагуаль*).

Все не так у современных людей. Наше ощущение безопасности и чувство собственной важности основаны на уверенности в том, что мы все знаем и все можем объяснить. Как следствие, мы начинаем считать известным все то новое, что появляется в поле нашего зрения; мы прибегаем ко всем мыслимым видам ассоциаций, лишь бы трансформировать неизвестное в известное и иметь возможность сказать: “Ага, это я уже знаю! Это похоже на то и на это, на то, что я уже изучил, знал или видел тогда-то и тогда-то”. В исключительных случаях, когда то, что появляется перед нами, никак не вмещается в узкие рамки нашего опыта, мы этого просто невидим, даже если оно находится у нас под носом. Мы даже не осознаем, что с нами происходит!

Цена, которую мы платим за чувство собственной важности, очень высока — в течение всей нашей жизни мы остаемся заключенными в пределах единственного, причем достаточно ограниченного мира, в то время как мы могли бы посетить так много различных и гораздо более необычных миров! Возможность посещения таких миров полностью зависит от наличия у нас дополнительного количества энергии, что становится возможным, если нам удастся преодолеть чувство собственной важности и допустить мистическое в свою жизнь. В конечном итоге, все упирается только в количество имеющейся в нашем распоряжении личной силы.

Возвращаясь к виррарика, мы можем сказать, что они оттают в реальности, отделенной от той, которая известна нам. Большинство из них находится в том месте, которое мы можем назвать “периферия отдельной реальности”¹⁹. Другие же, более приобщенные к Духу, и имеющие больше личной энергии, населяют более глубинные зоны этого мира. Жизнь среди них породила во мне “влечение” к их отдельной реальности, дала возможность увидеть и почувствовать вещи гораздо более необычные, чем самые фантастические иллюзии.

¹⁹ Не случайно вторая книга Карлоса Кастанеды называется “Отдельная реальность”.

Толтеки гор

Мои друзья виррарика — это в основном люди, занятые своими собственными делами. Я “просочился” в мир виррарика благодаря их великодушию и собственной настойчивости. Они не нуждались во мне и, вероятно, я даже немного побеспокоил их. *Знание*, к которому они приобщены, абсолютно бессловесно; оно основано на упражнениях и конкретном опыте. Здесь не существует ни объяснений, ни указаний. Виррарика учатся, совершая поступки, а не размышляя о них. Для сохранения этого *знания* не требуется ни священных книг, ни священников, ни церковной иерархии. Главная его часть сохраняется посредством набора упражнений, передающихся из поколения в поколение.

Индийские народы, о которых идет речь в этой книге, не разделяют шкалу ценностей, принятую в современном обществе. Они живут в другом мире, о котором нельзя получить представление, не обретя собственного опыта. То, что делает их такими особенными — это не чудеса с отменой физических законов (о которых мы сами знаем так мало), не паранормальные способности и не власть над сверхъестественными силами. Они замечательны тем, что любят и уважают мир природы, а не так ценимое нами чувство собственной важности или его проявления. Они знают и практически используют присущие *нагуалу* аспекты человеческого осознания и устанавливают связь с *нагуалем* мироздания, нам же об этом почти ничего не известно. Они замечательны, потому что они другие. Это свойство делает их в наших глазах учителями, способными помочь в обретении магического *знания*, невзирая на то, что у них нет ни малейшего стремления обучать нас чему-либо, так как они слишком заняты углублением своих собственных знаний. Их отличие от нас позволяет им воспринимать недоступные для обычных людей грани реальности, а их восприятие очень трудно понять тому, кто не жил с ними рядом. Речь идет не о поиске необычного ради самого поиска; скорее, это поиск результатов, ведущих к полнокровной и сбалансированной, насыщенной событиями жизни. Жизнь становится богаче, если вмещает в себя неизвестную сторону реальности внешнего мира, и неизвестную сторону нас самих. Об этом моим друзьям-индейцам, хранителям уцелевших с древних времен знаний, известно очень многое. Они замечательны не только этим, но и тем, что они смогли выжить. Они сосуществуют с нами в этом мире. Но чтобы сохраниться, им пришлось выстоять в пятисотлетней непрерывной борьбе против западного общества, одержимого навязчивой идеей уничтожить все, что отличается от его собственной нормы.

Одна из привлекательных черт традиции толтеков, — то, что в их духовных упражнениях и образе жизни *нет ничего напоказ*. Они действительно живут. Когда они исповедуются, то это делается не “как если бы” они исповедовались; они действительно исповедуются. Когда они находятся перед лицом Дедушки Огня, они не делают это “как если бы” они общались с ним; они полностью открывают свои сердца, они слушают его и говорят с ним. Мы имели возможность убедиться в этом однажды ночью, во время “олений охоты” после паломничества к святым местам. Мой друг Маноло вспоминает: “Эта ночь вовсе не казалась необычной. Какое-то время они танцевали, но скоро все улеглись спать. Я ощутил укол ностальгии при мысли о городе, но в целом, под воздействием магии, к которой нам было позволено отчасти приобщиться, город уже не казался мне таким привлекательным. Я не мог уснуть и начал записывать слова песни при свете огня. Позднее, когда казалось, что уже вряд ли случится что-то новое, я получил последний, самый большой за это путешествие подарок. Я писал уже какое-то время, когда ощущение движения поблизости заставило меня оторваться от записей. Все спали. Антонио (великий *маракаме*) медленно поднялся, приблизился к огню и начал говорить с ним, в речи его звучало чувство... огромное, всепоглощающее. Я не существовал для этого человека, но его чувства насыщали меня. Выглядело это так, как если бы он говорил с кем-то очень близким; он сделал паузу, и *огонь ответил ему*. Я не знаю, как это случилось, но огонь ответил ему. Не могло быть никакой ошибки. *Маракаме* Антонио заплакал, и тут же, внезапно, так же как и началось, все закончилось. Он повернулся и пошел спать. Где побывал этот человек? Какие миры он воспринимал в тот момент? Я прекрасно ощущал, что оказался причастен к замечательному событию. Присущее этим людям видение мира основано на восприятии тех живых существ, которые постоянно сопровождают их: Дедушка Огонь, Брат Олень, Отец Солнце, Мать Земля. Здесь нет места вымыслу, толкованиям, жалобам или суждениям. Все их поступки отмечены печатью безупречности. Я был переполнен эмоциями и мне не оставалось ничего другого, как заплакать”.

Они не притворяются, что “охотятся на оленя” на Хумун Куллуаби²⁰. Они вкладывают все свое существо, без остатка, стремясь встретиться со своим оленем — видением, который учит их “правильному образу жизни”. В сравнении с ними, мы, люди современного общества, выглядим никчемными существами, которые всегда лгут, совершают бессмысленные поступки так, как если бы эти поступки были очень важны; *как если бы* мы действительно любили;

²⁰ Одно из наиболее священных мест Виррарика: цель их паломничества. Они называют это место “*Раем*”.

как если бы мы были очень важны; *как если бы* мы любили свою работу; *как если бы* мы любили своих заместителей; *как если бы* наша борьба была действительно наша — всегда “как если бы”. Вот поэтому я обычно говорю, что люблю этих людей так сильно за то, что *они вкладывают себя* в каждое свое действие. Нам это также отчасти свойственно. Если бы мы смогли понемногу научиться жить как они, это стало бы огромным завоеванием.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАДАЧА

Я тоже ходил на Хумун Куллуаби в поисках своего оленя. И нашел его. Эта встреча дала мне нечто гораздо большее, чем просто красивые воспоминания. На мои плечи легло обязательство взять на себя ответственность за выполнение того, что сказал мне олень. У моего оленя два рога: один из них относится к моей борьбе за то, чтобы стать *настоящим* человеком и жить *настоящей жизнью*, он связан с моим личным миром и присутствует во всем, что я делаю; другой имеет отношение к миру, в котором я живу, со временем и пространством, которое я делю с другими людьми моего поколения и эпохи. Последний вопрос прояснился для меня в конце моего пребывания на Хумун Куллуаби, во время спуска со Священной Горы Ла Унарре, известной также как “Дворец Правителя” (Солнца) или просто “Дворец”. Следуя бегом за *маракаме пурукуакаме*, я получил наставления о том, что должен описать в этой книге. Сам я не могу объяснить, откуда получил эти указания, но мне было совершенно ясно, что это была команда, которую я не могу не выполнить. И вот я выполняю ее.

Сам голос продиктовал мне и заглавие этой книги “Толтеки нового тысячелетия”. Заглавие говорит о том что в этот самый момент, на заре нового тысячелетия на протяжении короткого отрезка времени в мире происходит сближение двух типов толтеков: выживших хранителей древнего *знания*, потомков исторических толтеков (виррарика и другие индейские общины) и нового поколения толтеков, которое примет из рук индейских народов и понесет дальше “Чашу Знания”, но не путем основания школ или церквей, а принятием образа жизни, позволяющего соотносить себя с Духом.

В наши дни эта новая, зарождающаяся толтекская общность имеет реальную возможность, — которая, однако, влечет за собой и ответственность, — использовать существование уцелевших толтеков древности, причем не столько путем непосредственного контакта с ними (что случается очень редко, если вообще случается), сколько выполнением определенных действий, позволяющих установить гармоничные отношения с Духом, движущим поступками толтеков. Эти действия начинаются с того, что каждый из нас принимает решение быть в ответе за свое собственное духовное развитие и стремиться к встрече с Духом. Приняв такое решение, мы станем братьями и сестрами живущих в горах индейцев, тех, кто полностью погружен в решение этой задачи. Наше время особенное по трем причинам:

- 1) все еще существуют *маракаме*, поддерживающие тесную связь с Дедушкой (Прародителем) Огнем, с нашей Матерью Татей Урианака (Тлалтипак, Земля, Гея и т.д.) и с самим Духом;
- 2) канал связи с Духом еще открыт;
- 3) пути возвращения зримы, что увеличивает наши шансы на успех.

Сейчас лишь от нас зависит, сможем ли мы научиться поддерживать эти каналы открытыми, сможем ли использовать пути возвращения к Духу — пока они еще существуют, и пока мы не остались одни.

Уцелевшие вопреки историческим событиям индейцы — прямые наследники проложенных древними толтеками путей к Духу,—а также заинтересованные и целеустремленные исследователи, поодиночке или группами ведущие сражение за понимание пути возвращения, составляют особое сообщество. Им дарована особая привилегия — быть духовно разбуженными и тем самым отягощенными ответственностью хранить *знание*. Этим людей я и называю “толтеками нового тысячелетия”.

Чтобы оказаться достойным стоящей передо мной задачи, я должен быть в состоянии вынести и совершить гораздо больше, чем я вынес и совершил к настоящему моменту. Один из примеров — написание книг. На самом деле я не писатель, хотя какое-то время вел себя так, как если бы был им. Я пишу, когда нет иного выхода. Сопряженное с писательством затворничество весьма далеко от того, что для меня естественно — быть в гуще событий, ведущих к открытиям, часто случающимся одновременно на внешнем и внутреннем уровне, где-то в отдаленных и недоступных уголках природы или реальности.

За рамками антропологии

Я отдаю себе отчет в том, что подходить к изучению реальности индейцев можно с разных сторон, в том числе и с точки зрения антропологии. Однако мои исследования, помимо всего прочего, имели отношение к тем областям, в которые доступ академическим ученым закрыт из-за их принадлежности к академическим структурам и их статуса “цивилизованных” мужчин или женщин. Изучение этих неожиданных граней осознания и восприятия, опыт взаимодействия с неизвестными аспектами реальности. Все это имело для нас огромное значение и оказало огромное влияние на наш повседневный образ жизни. Этот опыт открывает перед нами дверь к восстановлению равновесия. Мы утратили его много лет назад как отдельные личности

и много столетий или тысячелетий назад как человечество в целом. Поэтому сфера моей деятельности охватывает не только мир индейцев, в нее входит и то, что я делаю среди неиндейцев, жителей городов, вовлеченных в круговорот проблем современной жизни.

Социальная или этнографическая антропология должна быть каналом для ознакомления с неизвестными “другими” (например, индейцами). По крайней мере, так должно быть. В действительности же, это лишь небольшая замкнутая на себя вселенная, ни в коем случае не выходящая за пределы академических границ. Действительность “других” рассматривается очень поверхностно, если вообще рассматривается. Обычный человек едва ли получит от деятельности антропологов какую-либо пользу, прибыль или ощутит само присутствие где-то поблизости этой антропологической вселенной. В большинстве своем обычные люди даже не знают, чем занимаются антропологи. Плодами работы антропологов пользуются не индейские народы и не люди из общества и даже не они сами, как индивидуумы. Их работа предназначена для их собственных “заказчиков” — руководства, правительственных кругов и других антропологов — единственных ценителей работы своих коллег.

Я стремился работать именно в тех областях, о существовании которых академические исследователи не хотели или не могли знать, или же подозревали об их существовании, но не могли или не собирались исследовать. Если бы они искали и находили, то не осмелились бы заявить о своих находках публично из-за страха быть обвиненными в утрате “научной объективности” и стремления сохранить уважение своих коллег в академических кругах.

Будучи антиантропологом, я лишен этого страха, и поэтому располагаю гораздо большей свободой действий. Я могу позволить себе опыт встречи с неизвестным, ощутить на себе его влияние, я готов преобразиться в процессе этих встреч. Для меня не важно соответствовать формальным требованиям “научной объективности”. Я стремлюсь представить свидетельства иного рода, рассказать о том, *что происходит*, когда мы осмеливаемся совершить этот “смертельный прыжок в сторону от рассудка”, преодолев самих себя, покончив со своей личной историей и самомнением.

С одной стороны, моя работа отвечает всем требованиям, предъявляемым к “научному исследованию”. Это, — не исключая, — может со временем убедить других “социологов”: в работе нет ничего, что может вызвать недоверие или быть сочтено цирковым фокусом — то есть, с их точки зрения, здесь все в полном порядке и под контролем. Мы, ученые, понимаем почти все, а чего не понимаем, то поймем позднее, это всего лишь вопрос времени.

С другой стороны, наличествует и то, что можно опробовать, и что не укладывается в *тональ*²¹ причинно следственных связей. Я считаю важным и тот факт, что мы осмеливаемся исследовать явления, не укладывающиеся в привычные рамки познания, и то, что мы можем и хотим говорить об этом.

Ученые против эзотериков

В широком спектре тех, кто обладает “знанием об индейцах”, доминирующее положение долгое время занимали две явно противостоявших друг другу группы, имевших по существу много общего. К одной из них относились социологи, одержимые поиском таких доказательств, которые могли бы подтвердить существование Единственной Реальности (всегда соответствующей их идеологии или предпочитаемой ими “теоретической схеме”). Вторая группа объединяет многочисленных писателей, публикующих свои рассказы об “индейском знании”. В большинстве случаев эти авторы полностью игнорируют саму возможность предоставления читателю шанса проверить истинность их историй, поэтому мы никогда не можем с уверенностью сказать, достоверны приведенные в них сведения или нет. Книги, авторы которых принадлежат к первой группе, предназначены для академической среды и практически неизвестны широким кругам читателей. Книги авторов второй группы предназначены для менее требовательной публики, интересующейся духовными аспектами излагаемых историй и легко верящей в достоверность описанных событий; эти книги, напротив, вполне доступны обычному читателю и служат благодатным источником ошибочных мнений и сведений. Таким образом, возникает весьма затруднительная ситуация: большинству антропологов не удается найти более гуманный и объективный подход к индейским народам, а те писатели, которых я назову *эзотериками*²², зачастую не имеют контакта с реальными индейскими общинами.

Итак, можно сказать, что ученые связаны чрезмерно жесткими требованиями к “научной достоверности данных”, а *эзотерики* позволяют себе слишком вольное обращение с имеющейся в их распоряжении информацией. Совершенно очевидно, что ценность книги определяется ее содержанием и не зависит от того, является ли она литературной выдумкой или отчетом, достоверно описывающим реально происходившие события. Ценность книги определяется лишь качеством, формой и смыслом содержащегося в книге послания к

²¹ Рациональная часть осознания и связанное с ней восприятие вселенной.

²² Я понимаю, что к эзотерической тематике обращалось немало серьезных ученых и писателей, но считаю, что их работы заслуживают более критического отношения.

читателю. Однако тот факт, что обе категории книг имеют особую, присущую лишь им ценность, не должен позволять авторам смешивать один тип литературной работы с другим, в особенности не предупредив об этом читателя.

С моей точки зрения, роман или отчет, превращенный в роман — по любой теме, включая темы индейцев, — может быть весьма ценным, если он имеет “реальную основу”. Содержание романа с реальной основой может обогатить нас, оно может даже подвинуть нас на изменение или коренное улучшение нашего образа жизни. Откуда же тогда страх перед таинством написания литературного произведения таким, как оно есть? Почему надо держать в секрете личный опыт автора литературного произведения, как если бы он сам был нежелательным персонажем в своей же собственной работе?

Есть мнение, отнюдь не бесспорное, что сохранение в тайне источника сведений, которыми авторы пользовались при написании своих книг, придает большую силу воздействия, и достоверность содержанию их работ. Однако здесь мы подходим к проблеме, значимость которой со временем становится все более и более серьезной: отчуждению между индейскими и неиндейскими народами. Следует ясно понимать: если мы проводим антропологические исследования среди индейских народов, или пишем романы и представляем их содержание как реальные факты, то в глазах наших читателей мы подменяем реальность вымыслом, что поощряет восхищение персонажами-индейцами в книгах и способствует неприятию или безразличному отношению к настоящим индейцам.

Может показаться парадоксальным, но это факт: книги, описывающие *знание* коренных американцев, наводнившие в 80-х и 90-х годах рынок духовной литературы, могли вызвать устойчивое отчуждение по отношению к реальным индейцам. Еще бы — они ведь не выглядят столь живописно, как индейцы из нового поколения фантастических книг. Они вызывают презрение читателей подобных книг как “ненастоящие” или “испорченные” колонизацией. Кроме того, индейцы в книгах выглядят более впечатляюще и живописно. Ориентируясь на свои собственные культурные традиции, носители “цивилизованной” культуры очередной раз присваивают право высказывать мнение об индейцах, назначая самих себя судьями, способными определить “истинность” индейцев, степень их этнической и духовной чистоты! Такой поверхностный взгляд на проблему индейцев мешает увидеть реальную тайну, находящуюся за гранью очевидного. Тайна эта приоткрывается нам лишь тогда, когда, избавившись от предубеждения, мы становимся открыты для

непосредственного и устойчивого контакта с этой другой реальностью — повседневной жизнью во вселенной индейцев.

Мы вплотную приблизились к историческому моменту, когда нам следует остановиться и пересмотреть свое отношение к индейским народам и их знанию. Если мы действительно хотим наступления Новой эры, в которой тысячелетнее знание индейцев сможет помочь нам заполнить образовавшуюся в душах людей современного общества пустоту, то необходимо, чтобы исследователи, писатели, читатели — все общество в целом стало более требовательным и ответственным, чтобы ускорилось духовное сближение городских жителей и индейских народов, которые выжили, сохранив свои традиции, знание и самобытность. Давление на эти общины столь велико, что даже незначительная небрежность в решении связанных с ними вопросов может иметь серьезные последствия. Приведем только один пример: недавние конфликты в зонах компактного проживания индейцев в штате Чьялас — это всего лишь верхушка айсберга. Эти события должны заставить нас лучше понять то, как далеки мы от настоящих индейских народов и какие ужасные последствия это может повлечь. Небольшой пример послужит иллюстрацией:

В середине 1994 года, когда я читал лекцию о выживании индейского знания в начале нового тысячелетия, один из присутствующих спросил меня об индейском восстании в штате Чьялас, направленном против мексиканского правительства и политического руководства штата. Он хотел узнать мое мнение, было ли восстание запатистов движением “истинного коренного населения”. Когда я рассказал об истинно индейском характере движения, о прекрасной культуре и знаниях, сохраненных этими потомками майя, об их оскорбительной бедности и ужасной эксплуатации, которой они подвергаются, то сразу же столкнулся с непониманием. Мне стала возражать какая-то возмущенная женщина, она говорила, что армия запатистов никак не могла состоять из индейцев. Я спросил ее, почему она так думает и она ответила: “Если бы они были настоящими индейцами, то не просили бы помощи продуктами и медикаментами, как это делают солдаты запатистов. Истинные индейцы слишком мудры, чтобы страдать от голода и болезней”.

Конечно, в словах этой женщины виден максимализм, граничащий с экстремизмом, но они дают представление о взглядах многих других людей, которые пестуют свои собственные фантазии и готовы идти в этом вплоть до абсурда, отрицая, если понадобится, любые свидетельства реальности. Но в данном случае, подобное отношение может очень легко оказаться вопросом жизни и смерти для тысяч индейцев. Стоит лишь вспомнить, как много раз участие или

безразличие всего общества было определяющим фактором либо в ускорении истребления целых народов, либо в прекращении такого истребления. При уничтожении народов теряется не только много человеческих жизней, но и сами мы, “цивилизованные люди”, утрачиваем прекрасную возможность обогатить свой мир иными способами восприятия вселенной, причем такими разнообразными и многообещающими, какие присущи представителям коренного населения американского континента.

Одновременно, все более широкое распространение получают курсы по “шаманизму”, позволяя нам за короткое время превратиться в “шаманов”; при этом нам показывают имитации ритуалов, не имеющих связи с повседневной жизнью и потому остающихся пустыми и недействующими.

Таким образом, с одной стороны мы имеем антропологов; они едут в индейские общины, чтобы проверить эффективность своих теоретических схем и поддержать мнение о себе, как о “тех, кто способен понять” индейскую реальность, благодаря наличию интеллектуальной подготовки. С другой стороны, существуют потребители фантастического “знания об индейцах”, которые, кажется, больше заинтересованы в своих книгах, чем в более близком знакомстве с индейцами из плоти и крови. Подлинная же встреча с опытом и знанием мира индейцев остается актуальной задачей и сейчас, в эти трудные времена, когда мы становимся свидетелями неуклонного и очевидного исчезновения “индейского облика” нашей культуры.

Что и говорить, печальная картина. И выход из сложившейся ситуации для нас, представителей доминирующего на этой планете биологического вида, может быть только один — в этот сложный момент нашей истории мы должны срочно отыскать другие, более здоровые пути, которые позволят нам изменить свое отношение к реальности. И необходимым условием этого является обеспечение физического выживания индейских народов, сохраняющих так необходимое нам *знание*. Это наша последняя возможность сделать настоящее открытие, способное помочь нам преобразиться и направить свое развитие в нужном для нас направлении. Это наш “звездный час”, именно сейчас мы можем встретиться с *иным*, открыть другое “я”, скрытое внутри каждого из нас.

В своей работе, — как с отдельными индейцами, так и с целыми общинами, — я стремился не увязнуть в болоте фантазий и не попасть в капкан самоутверждения исследователя-антрополога. Я пытался пройти по своему пути как можно дальше, оставляя на его обочине клочки своей личной истории, своего *эго*, своего описания мира, все для того, чтобы оказаться как можно ближе к тем, другим, о ком мы

знаем так мало. Достиг ли я этого, хотя бы отчасти, — не мне судить. Я могу лишь предоставить свидетельства моих усилий.

Все события, описания которых я привожу в этой книге, происходили на самом деле, и я не собираюсь лишить эти описания субъективных моментов, в которые сам в свое время поверил без всякого труда. Меня интересует объективное знание, но я уже давно обнаружил, что наш опыт восприятия реальности всегда субъективен и что “объективное” восприятие — это не более чем наши домыслы о причинно-следственных связях, так как никакое восприятие невозможно без участия субъекта (то есть меня).

С другой стороны, есть один аспект моей работы, который я считаю очень важным — достоверно рассказать о том, что происходило в действительности. Я ничего не придумываю. В книге приведены примеры того, что может случиться при встрече с индейским *знанием* и с живыми его носителями, в существовании которых вряд ли можно усомниться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТРАДИЦИЯ ТОЛТЕКОВ НАШИХ ДНЕЙ

Живая религия

Повседневная жизнь индейцев виррарика глубоко связана с их религиозным мировоззрением. Их религия не отделена от повседневной жизни, она не похожа на религию тех, кто ходит время от времени в церковь лишь для того, чтобы затем опять забыть все, что связано с верой — до очередного посещения церкви. Для индейцев виррарика религиозная мысль не представляет собой набор доктрин или кодекс верований. Она не записана в какой-либо священной книге, не направляется священниками или какой-то церковной иерархией. Какая-либо религиозная иерархия, официально признаваемая всеми и тем или иным образом доминирующая над обществом, отсутствует. Для них религия — это образ жизни, в котором каждое их действие находится в определенной связи с силами, правящими миром. Поскольку у них нет ни священных книг, ни религиозной иерархии, они делят между собой ответственность за сохранение и воссоздание своей картины мироздания день за днем, поколение за поколением. Благодаря этому, исторические предания, песни и легенды о Тамаце Кахуллумари или Татевари, или рассказ о сотворении мира не являются неизменной, застывшей историей. Когда *маракаме* рассказывает эти истории, он не просто повторяет что-то механически заученное или полученное от другого мага; он скорее пересказывает то, что он непосредственно *видит* в самый момент совершения ритуала. Ко многим услышанным за свою жизнь историям, где действуют персонажи космогонии индейцев виррарика, он будет добавлять другие истории, которые сам непосредственно наблюдает или о которых он напрямую узнает в те моменты, когда его осознание фокусируется на *особой реальности*.

Для индейцев виррарика поиск Бога или Духа начинается не со слов, не с того, о чем вам рассказывают и чему вы верите. Это нечто, что вы сами *видите и слышите*. В течение многих лет ребенок у индейцев виррарика слушает песни и легенды о Прародителе Хвосте Оленя или о Татей Урианака, но пока он не увидит их сам, он не будет по-настоящему приобщен к этому знанию. Как носители западной культуры, мы слишком часто думаем, что религиозная мысль индейцев полна предрассудков и надуманных историй. Объясняется

это тем, что наше собственное понимание религии именно таково: собрание догм, в которые мы сами не верим, кодекс норм поведения, которого мы сами не соблюдаем, какие-то истории, свидетелями которых мы сами не были — пустые истории и предрассудки без каких-либо эмпирических доказательств. Мы можем бесконечно говорить о Христе или Боге. Мы можем даже декларировать, что Бог хочет того-то или этого, что “он” думает таким-то или таким-то образом, что он ведет себя так-то и так-то, но мы никогда не видим “его”, “он” никогда ничего не делает на наших глазах.

Естественно, опираясь на подобную пустую и бедную религиозную основу, мы склонны полагать, что нечто подобное должно быть и у индейцев, если только не заходим еще дальше и не начинаем с раздражением говорить о “примитивных религиях”, тем самым, ставя самих себя много выше индейцев. Мы проводим исследования, классифицируем, высказываем мнения, — мы уверены, что что-то понимаем. На самом же деле истина заключается в том, что в целом мы не имеем ни малейшего представления о том, что же на самом деле происходит в религиозном сознании индейцев, в особенности тех, кто сохранил краугольные элементы древних доиспанских религий.

В этом смысле индейцы виррарика представляют собой совершенно особый случай. Их исконная религия оказалась сохраненной практически полностью; она ничуть не была замутнена экспансией варварских религий, как прибывавших из Европы, начиная с XVI века, так и тех, что в последнее время проникают в Мексику из Соединенных Штатов.

В случае с индейцами слово “религия” сохраняет свой первоначальный смысл: *religare* значит “воссоединять”, воссоединять людей с энергией, которая делает мир живым, с энергией, которую мы можем называть Богом, *Нагуалем*, Духом, Смыслом, Иуси²³ или любым иным пришедшем нам на ум словом.

Религиозные практики и ритуалы индейцев продолжают оставаться действенной и жизнеспособной системой, позволяющей представителям этого народа эффективно воссоединиться с Духом, и именно поэтому мы можем сказать, что имеем дело с живой религией. Она открывает путь к воссоединению с Духом, используя при этом сложную и необычную систему восприятия и осознания; другими словами, то, что передает *маракаме* в своих песнях, это не истории, заученные им на каком-то из этапов его жизненного пути и в дальнейшем пересказываемые остальным. Скорее он имеет дело с самим мирозданием или с целой серией параллельных миров, куда он

²³ Этим словом индейцы виррарика обозначают абсолютную энергию, которая поддерживает существование всего сущего.

может эффективно проникать, — иногда вместе со всеми другими участниками ритуала, — благодаря использованию таких форм внимания, о существовании которых обычный человек даже не подозревает.

Маракаме

Хотя практически все индейцы виррарика участвуют в религиозной жизни своих общин, все же особую роль здесь играет фигура *маракаме* (сами индейцы произносят *mara'haa'kame*), который, по мнению этнографов, представляет собою общинного шамана.

Термин “шаман” на самом деле не говорит нам почти ничего, так как используется для обозначения всех хилеров, колдунов, певцов уйчоль, жрецов, знатоков трав, исполнителей ритуальных танцев, *диаблерос*²⁴, ведьм, — всех, кто имеет к магии хоть какое-то отношение, несмотря на заметные различия, которые существуют между всеми упомянутыми занятиями. В результате чрезвычайно расширенного употребления этого термина, он подвергся столь интенсивному размыванию, что теперь всякий, закончив недельные курсы, может именоваться “шаманом”. Нужно ли говорить, что в подобных случаях мы имеем дело всего лишь с разными модификациями “контроля над сознанием”²⁵, иногда сдобренными индейской музыкой и даже с использованием специальных наркотических препаратов. Эта разновидность псевдошаманизма особенно модна в Европе, прежде всего в Испании.

Поэтому *маракаме* лучше говорить не прибегая к термину “шаманизм”. Основное занятие *маракаме* у индейцев виррарика представляет собой исполнение ритуальных песен, в ходе которого он общается с Огнем-Прародителем, упоминая при этом историю сотворения мира и сотни персонажей, населяющих космогоническую вселенную индейцев. Он должен присутствовать практически на всех церемониальных или религиозных действиях. Это в равной мере относится и к церемониям вызывания дождя, и к просьбам дать совет для решения повседневных проблем или для лечения больного. В подобных случаях *маракаме* входит в транс и получает указания непосредственно от правящих миром Сил. Исполняя песнопения — что может занять от одной ночи до нескольких дней, — он сообщает намерения Сил или невидимые причины, вызвавшие некую болезнь или задержку дождей.

²⁴ Колдунов, практикующих черную магию.

²⁵ В продаже сейчас можно найти много книг о знаменитом “Silver Mind Control”, изобретенном д-ром Силва в Соединенных Штатах в конце 70-х.

На самом деле, это лишь самый упрощенный взгляд на то, что делает *маракаме*. Прежде чем я перейду к более глубокому аспекту его предназначения, к более сложным задачам *маракаме*, необходимо упомянуть, что сама численность *маракаме* в горах достаточно велика. Любое, даже самое небольшое, поселение имеет хотя бы одного *маракаме*. *Маракаме* не должен соответствовать каким-либо определенным требованиям и не “утверждается в должности” какими-либо вышестоящими властями — лишь самим Духом. Среди *маракаме* есть и женщины, хотя число их совсем невелико, возможно, из-за лежащей на них обязанности рожать и воспитывать детей.

Хотя *маракаме* в целом обучаются своему занятию сами, без прохождения формального курса обучения, без иницилирующего их учителя, не следует думать, что стать *маракаме* можно быстро и легко (заметим, что почти все *маракаме* очень стары). Задача, которую они выполняют, предполагает поразительную степень овладения сложными навыками. Это проявляется как внешне (само число элементов и ритуальных объектов, с которыми они имеют дело, впечатляюще велико), так и внутренне (чтобы “увлечь” всех участников в иной мир, воздействие на их внимание и восприятие ими ритуала должно быть достаточно интенсивным).

Хотя я на протяжении нескольких лет участвовал в ритуальных церемониях виррарика, наблюдая и переживая своим как телесным, так и осознанным восприятием работу *маракаме*, раз за разом я все отчетливее осознавал: то, что мне удастся воспринять, есть лишь малая часть того, что происходит на самом деле. Ритуалы необычайно многообразны и сложны, и все, что *маракаме* делают — зажигают огонь, танцуют, а также то, как они ходят, поют, как они садятся, их одеяния, ритуальные предметы, работа исполнителей ритуальных песен, ответные реакции участников ритуала, вход в магический круг и выход из него, то, как они приближаются к огню и обращаются к нему, — все это имеет определенную, точно выверенную форму, направление, ритм, особый порядок исполнения. Наше упрощенное представление о ритуале, в ходе которого индейцы преимущественно танцуют, поют и смотрят на огонь, имеет мало общего с реальностью. В настоящем ритуале имеет место нечто большее, неизмеримо большее! Происходит так много всего, что некоторые ритуалы продолжаются на протяжении дней или недель без повторения каких-либо из процедур прошлых дней. Трудно поверить, но все участники выполняют свои роли с полной концентрацией и удивительной точностью, с полным знанием того, как себя вести в каждый отдельный момент. В результате они ведут себя как единое тело, действуя абсолютно синхронно, не прибегая при этом к каким-либо устным договоренностям. Достаточно сказать, что мне никогда не

доводилось видеть индейца виррарика в роли инструктора, объясняющего другим, как следует себя вести в ходе ритуала.

Ученичество у духа

В самом начале я спрашивал себя: “Как все они этому учатся? Как получается, что никто из них не нуждается в каких бы то ни было инструкциях?” Молчаливое наблюдение дало мне первую часть ответа: они учатся, начиная с детства, начиная даже с материнской утробы. Беременность и лактация не отлучают женщин и детей от ритуальной жизни, даже от изматывающего путешествия на Хумун Куллауаби. Таким образом получается, что буквально всю свою жизнь индеец виррарика участвует в ритуалах. Они учатся, участвуя без какого-либо специального, предваряющего обучения.

Именно среди виррарика я познакомился с этой формой ученичества, и я продолжаю считать ее лучшей, ибо при ней не расходуются впустую время и энергия на достижение официального подтверждения квалификации; вы просто оказываетесь там, где общая ситуация заставляет вас поступать определенным образом. Второй ответ на вопрос, как им удается достигать такой точности и синхронности действий во время ритуалов, имеет отношение к тем конкретным связям, которые способно создавать человеческое осознание, особенно в ситуациях, предполагающих высокую концентрацию сил, когда внимание и энергия фокусируются на общей цели. Результатом является определенная спонтанная координация осознания всех участников ритуала, которая устанавливает такую форму общения, которая многограннее и эффективнее обычной словесной коммуникации. Неоспоримым фактом является то, что они трансформируются в единое энергетическое поле, которое естественным образом действует в органическом единстве с самим собой.

Возвращаясь к знанию, которым обладает *маракаме*, необходимо сказать, что, хотя всю свою жизнь он участвует в ритуалах и наблюдает действия других *маракаме*, существенную часть своих знаний он приобретает вовсе не путем имитации. Скорее он получает их непосредственно от Духа, который является ему в виде Голубого Оленя. Собственно говоря, именно Он ставит перед тем или иным человеком задачу стать *маракаме*, это отнюдь не их личное решение.

Почувствовав “зов”, избранный Оленем человек должен существенно изменить свою жизнь. Подготовка к восприятию “уроков” Тамацина и их выполнение предполагает определенный, весьма упорядоченный образ жизни с продолжительными периодами

разного рода воздержания, непрерывным участием в ритуалах и сопутствующих видах деятельности, изучении того, как трансформировать латентный опыт в духовное ученичество, и прежде всего — совершение Великого Паломничества на Хумун Куллуаби, дом Тамаца Кахуллумари. Именно там, в этом древнейшем *месте силы, маракаме* и те, кто собирается стать *маракаме*, отправляются на поиски *своего оленя*, фундаментального видения или цикла видений, которые помогут им понять стоящие перед ними задачи²⁶. Именно там они получают знания, лежащие в основе их образования. По этой причине, в отличие от обычного индейца виррарика, обязанного совершить паломничество на Хумун Куллуаби по крайней мере, один раз в своей жизни, будущие или уже ставшие *маракаме* обязаны делать это многократно.

Маракаме также бедны, как и все остальные индейцы виррарика, они не получают никакой платы за свои услуги, и в дополнение к своей духовной работе должны продолжать выполнять свои ежедневные обязанности — возделывать землю, сеять и убирать урожай со своих полей, заботиться о животных, строить и ремонтировать свои жилища. Совершенно очевидно, что причина, по которой индеец виррарика может захотеть стать *маракаме*, не может быть чем-либо иным, кроме как настоящей духовной убежденностью.

Один из моих друзей обратил внимание на слова Карлоса Кастанеды, сказанные после очередного публичного выступления в Испании: в сравнении с носителями современной европейской культуры, все индейцы могут рассматриваться как экстрасенсы. В случае с индейцами виррарика это особенно верно, ибо почти все они могут виртуозно исполнять сложные духовные упражнения, осваивать которые они начинают с самого раннего возраста; поэтому они и способны эффективно действовать не только в мире повседневности, но и в *особой* реальности, которая представляет собой мир *нагуаля*.

Среди индейцев виррарика действует много *маракаме*, и одни из них лучше других, но не с моральной точки зрения, а скорее, с энергетической. Некоторые “*маракаме*” до некоторой степени злоупотребляют: алкогольными напитками, здоровье других не свидетельствует об обладании высоким энергетическим уровнем. Но это отнюдь не может служить основанием для поспешного суждения о

²⁶ Дон Педро де Харо, знаменитый *маракаме*, процитированный приблизительно 25 лет тому назад Фернандо Бенитезом, рассказал мне, что в их космогонии реально присутствуют не один, а много оленей, включая и “лжеолень”, который соблазняет тебя, предлагая власть и знание, хотя в реальности он лишь сбивает тебя с пути, делая так, чтобы ты заблудился. Он также объяснил мне, что в обучении *маракаме* принимают участие пять главных оленей, встреча с которыми происходит один за другим, начиная с самого маленького оленя и кончая самым большим — Тамац Кахуллумари. Каждый олень обладает своими собственными чертами, а уроки его соответствуют природе его знания, фокусируясь на разных аспектах жизни и осознания.

таких *маракаме*, несмотря на все привходящие обстоятельства, и они оказывают ценные и бескорыстные услуги членам своих общин. Напротив, тот факт, что уровни знания и практики в области осознания и восприятия существенно различны у различных людей, вполне заслуживает быть принятым во внимание.

Я лично знал пятнадцать *маракаме*. Из них я был близко знаком с четырьмя, и могу сказать, что некоторые из них вовлечены в дела настолько необычные к удивительные, что к тому, что они уже знают, невозможно добавить ничего нового, скажем из книг Кастанеды, — и это не преувеличение. И *маракаме*, и возглавляемые ими более или менее тайные союзы несут на себе колоссальную ответственность. Они должны хранить в неприкосновенности, — для будущих поколений, — систему практик и знания, относящиеся к таким возможностям восприятия и осознания, о существовании которых непосвященные даже не подозревают, и которые мир индейцев развивал и совершенствовал в течение сотен и тысяч лет. Знание сохраняется живым, оно развивается и даже увеличивается в объеме. Как теперь становится очевидно, некоторые проявления этого знания начинают проецироваться на неиндейский мир. И мы не знаем, как далеко это пойдет.

Невидимые деревни

Индейцы виррарика живут в самых отдаленных и недоступных районах гор, включая штаты Наярит, Халискои Закатекас. Они живут в “городах”, которых на самом деле нет. Говоря “нет”, я имею в виду вот что: если вам удастся преодолеть все трудности и добраться до этих мест — где нет ни шоссе, ни даже проселочных дорог, нет телефонов, телевидения и радио, а единственный способ добраться сюда — это идти пешком многие часы и дни, и при этом не заблудиться. Когда вы наконец добрались до места, где должна находиться деревня Сан ..., вы не находите там никакой деревни! “А где Сан ... ?” спрашиваете вы, если вам посчастливилось встретить в этих местах хоть одну живую душу. “Как? Деревня прямо перед вами! Разве вы ее не видите ...?” “Нет, не вижу!”

Индейцы виррарика не живут все вместе, компактно, в одном определенном месте, где находится центр общины; подобный центр обычно состоит из церемониального храма (Калихуэй), строения для собрания традиционных властей и нескольких хижин. Жилища же самих индейцев разбросаны в ущельях и узких долинах этой гористой местности. “А где дом такого-то и такого?” “Да вон там, за рекой!”

“Очень хорошо, большое спасибо”. А затем выясняется, что это “да вон там” находится в нескольких часах пешего хода! Индейцы виррарика представляют время и пространство совсем по-другому. Все дело в том, что каждая семья живет на большом расстоянии от другой, а вместе они собираются лишь на праздники, “фиесты”. Именно в эти моменты религиозные церемонии заставляют их покидать свои маленькие хижины, и “деревни” на время заполняются людьми.

Недоступность

В общинах индейцев виррарика живут только виррарика. Неиндейцам разрешения на въезд даются местными властями крайне редко, — как правило, только представителям государственных органов или ИНИ²⁷. Если людям из внешнего мира удастся проникнуть в местные общины, не получив предварительно разрешения, то их бросают в тюрьму, называемую “бревнами”. Там их ноги помещают между двумя тяжелыми брусками, с двумя отверстиями посередине, чтобы они не смогли убежать. Время, которое нарушители рискуют провести “в бревнах”, зависит от настроения “шерифов” и от размера налагаемого на нарушителей “штрафа”. Известны случаи, когда иностранцев держали здесь, предварительно уведомив, что их намерены использовать в обрядах “человеческих жертвоприношений” на ближайших фиестах. После такого “розыгрыша” нарушители обычно готовы сделать весьма внушительное “добровольное пожертвование” соответствующей общине в обмен на свободу.

“Фиесты”

Религиозный календарь индейцев виррарика очень насыщен. Он включает многочисленные события, называемые просто “праздники” или “фиесты” (*неарра*). Назову лишь некоторые из них: фиеста пейота (*Закури неурра*), фиеста молодой кукурузы (*Татей неурра*), барабана (*тепо*), и серия церемоний, относящихся к паломничеству на Хумун Куллауаби. Важнейшим из них является Паломничество, завершающее

²⁷ ИНИ (INI) — Национальный Институт по изучению коренного населения (*Indigenous National Institute*).

религиозный календарь одного года и открывающее религиозный календарь другого.

Паломничество на Хумун Куллауаби совершается ежегодно. Каждая община полагается в этом на группу, отвечающую за совершение путешествия по священному пути, группу, называемую *хикарерос* или *пейотерос*. Члены группы отвечают за организацию церемоний в течение целого года, а во время Паломничества совершают охоту на Оленя-Пейот, собирая в значительных количествах священный кактус, который будет использован всей общиной во время месяцев, предшествующих следующему паломничеству.

Хикури

Пейот, или Хикури, играет огромную роль в жизни индейца виррарика. Практически каждый потребляет его, начиная с детства, но всегда с соблюдением ритуала. Считается крайне неприличным, когда кто-то “опьяняется” пейотом и начинает себя плохо вести — такое наблюдается крайне редко. В общем индейцы употребляют его в очень незначительных дозах, за исключением совершенно особых случаев, когда потребление большого количества пейота становится просто необходимым. Существующие исследования этого предмета, а также мои собственные наблюдения подтверждают: употребление пейота не причиняет индейцам виррарика никакого физического или психического ущерба. Наоборот, они очень умные, мирные и основательные люди как в своем мышлении, так и жизни.

Но вернемся к Паломничеству. На самом деле оно состоит из нескольких этапов и начинается с подготовительных церемоний, которые совершаются в горах, а каждой отдельной общине. За этим следует путешествие длиной в более чем четыреста километров в район, где родился Божественный Сияющий Тамац Кахуллумари, в пустыню Сан Луис. Во время этого путешествия, в различных местах, через которые пролегает маршрут, совершаются чрезвычайно важные ритуалы, и у паломников уходит несколько дней на то, чтобы добраться до Хумун Куллауаби. С начала 70-х годов некоторые отрезки этого пути преодолеваются, где это возможно, на автобусах, как на частных, так и на предоставленных ИНИ. Если автобусов нет, то виррарика проходят пешком весь путь, и Паломничество в этом случае занимает сорок дней. Обычно же между отправлением в путь и возвращением в горы, где они продолжают ритуалы, проходит от семи до десяти дней. Добравшись до Хумун Куллауаби, они устраивают “охоту” на Хикури и отправляют связанные с этим ритуалы. Позднее

они возвращаются в горы и охотятся на оленя, который в этом случае представляет собой не Оленя-Пейот, а самого настоящего оленя. На это уходит еще от трех до пяти дней. Когда охота завершена, они возвращаются в горы и готовятся к церемониям пейота, что занимает еще одну неделю. В целом, выполнение цикла ритуалов путешествия на Хумун Куллуаби занимает около одного месяца.

Хотя каждый индеец виррарика должен совершить паломничество на Хумун Куллуаби хотя бы один раз в своей жизни, некоторые совершают его многократно, а некоторые, хотя это и исключение, так и не попадают туда. Причина, почему они должны отправиться в это паломничество хотя бы раз заключается в том, что там, в непосредственном общении с Тамацином, Иуси или Татевари, в зависимости от того, как повезет, паломник сможет найти ответы на ключевые вопросы: “Кто я? Откуда я пришел? Куда я иду? Каково мое предназначение в этой жизни?” Особо важен ответ на последний вопрос. От него зависит, посвятит ли себя индеец уходу за полями, бизнесу, лечению, ритуальным песням, игре на музыкальных инструментах или их изготовлению, или какому-либо иному занятию. Известны случаи, когда индейцы виррарика оказывались в очень далеких местах — на Кубе, например, или в Европе, именно потому, что на Хумун Куллуаби они получили указание отправиться туда. Вот почему индейцы виррарика такие большие путешественники. Собственно говоря, те, кто хочет продвинуться далеко в приобщении к знанию, должны осуществить часть, своего ученичества вдали от места своего появления на свет, куда они тем не менее почти всегда возвращаются.

Те, кто совершает Паломничество, часто подталкиваются к этому какой-то особой необходимостью, например, договориться о помощи с правящими миром Силами, разрешить очень серьезную проблему или выразить свою благодарность за такую помощь. В любом случае, те, кто идут на Хумун Куллуаби чаще всего, — это те, кто готовится стать *маракаме* или уже действует как *маракаме*, о чем уже говорилось выше. Но есть также особая группа паломников, заслуживающая специального рассмотрения: *хакарерос*.

Хикарерос

Хикарерос представляют собой закрытую группу индейцев виррарика, которая в течение пятилетнего периода несет колоссальную ответственность за организацию всей религиозной жизни общины. Это включает в себя проведение ежегодного Паломничества в пустыню, на Хумун Куллуаби и в другие святы

места. Каждая община имеет свою собственную группу *хикарерос*, которая организует и осуществляет религиозную деятельность независимо от других таких групп, хотя в целом даты и типы проводимых церемоний совпадают. Группа включает в себя от пятнадцати до тридцати человек, не считая *маракаме*, выступающего в качестве естественного лидера группы. Так как в каждой общине есть несколько *маракаме*, *хикарерос* выбирают сильнейшего из них для выполнения задач по руководству своей группой. За время своего пребывания в группе *хикарерос*, каждый ее член выполняет значительное число обязанностей. Среди них, например, выделяется *урукуакаме* — тот, кто ведет за собой во время путешествия, указывая другим правильную дорогу. Очень часто работа эта выполняется самым старым человеком в группе. Каждая из подобных функций определенным образом связана с той или иной из священных сущностей, поэтому в дополнение к своему обычному имени каждый из *хикарерос* принимает в качестве своего имени название одной из изначальных сил, которые сформировали мир таким, как он есть, и определили всему свою функцию: Татевари, Тайау, Кахуллумари, Урианака²⁸. Тот из *хикарерос*, кто всегда идет впереди *маракаме* (в том числе и во время путешествий), а также отвечает за объекты силы, которые используются исполнителем ритуальных песен во время церемоний, именуется *наурратаме*. Каждое из таких названий имеет свой смысл и свою историю, а также особые, соответствующие ему виды деятельности в рамках ритуальной активности группы.

Через пять лет *хикарерос* передают свои обязанности новым *хикарерос*, которые будут отвечать за следующий цикл. Большинство новых *хикарерос* выполняет свои обязанности по собственной воле, хотя некоторым они даются в качестве поручения. Для большинства принадлежность к этой избранной группе означает привилегию прожить часть жизни ближе к Духу. Некоторые из них по завершении пятилетнего цикла присоединяются к новой группе *хикарерос* или продолжают работать очень близко со “своим” *маракаме*, который также слагаете себя обязанности по руководству *хикарерос* через пять лет. Даже те, кто был выбран “наильно”, через короткое время находят духовную семью среди своих компаньонов, с которыми к концу цикла они оказываются в очень близких отношениях.

Внутри общины индейцев виррарика *хакарерос* образуют отдельную группу уже в силу того, что ведут особый образ жизни, в основе которого лежат ритуалы общения с Духом. Свои встречи они

²⁸ **Татевари** — Прародитель Огонь, **Тайау** — Солнце (называемое также Тау, Тавевиекаме или Таве'еррика), **Кахуллумари** — В начале времен Кахуллумари, обладатель Книги Знания, превратил себя в оленя и предложил себя в качестве объекта ритуальной охоты, что и привело к появлению священной охоты на оленя, которую индейцы виррарика исполняют во время Паломничества в Хумун Куллауаби. **Урианака** — Земля.

проводят в церемониальном центре Калихуэй, называемом на их собственном языке *тукина*. Там всегда должен гореть огонь, так как Татевари — основное божество, он рассматривается в качестве первой и древнейшей из сил, предшествующий даже Прадеду Хвосту Оленя.

Хикарерос много путешествуют, потому что священная территория индейцев виррарика очень велика. Она включает в себя не только пустыню Сан Луис Потоси (Хумун Куллауаби), но также и святые места штата Дуранго (Хаурраманака), озеро Чапала (Рапавийаме), океан (Татей Арамара) владычицы вод Найарит (Татей Матиниери)²⁹, а также знаменитый Теотихуакан, колыбель толтекской культуры. Они должны совершать ежегодные жертвоприношения во всех этих местах и в каждом из них отправлять соответствующие ритуалы. Но все это вовсе не избавляет их от необходимости ежедневно бороться за выживание, — сеять зерно и собирать урожай. Они не получают никакого жалования; наоборот, все эти путешествия, все их приготовления, все те предметы, которые они используют в ритуалах, требуют очень больших расходов, и *хикарерос* приходится платить за все это из собственных карманов, зачастую столь же пустых, как и карманы остальных индейцев виррарика. Из *местных хикарерос* больше других работает и путешествует как раз *маракаме*. В то время, как обычные *хикарерос* помогают друг другу в выполнении многочисленных функций, а некоторые из них в каких-то случаях могут и не совершать походы к святым местам, *маракаме* должен принимать участие в каждом паломничестве, так как без него ритуалы просто не могут быть совершены.

Само название “*хикарерос*”, по-видимому, очень древнее. Я считаю возможным связать это наименование с тем фактом, что они собирают кактус пейот, то есть Хикури или Хикули. В работах Лумхольца, написанных в конце прошлого века, они называются *hikuleros*³⁰, что звучит практически как *хикарерос*., хотя сам автор так ничего и не понял их деятельности, ибо не сообщает о ней ничего существенного. Эта возможная связь подтверждается также тем, что в настоящее время в повседневной жизни они часто зовутся *пейотерос*.

Несмотря на все сказанное выше, когда я спросил моих “*теокарис*” (братьев, друзей) *хикарерос*, что означает это наименование их группы, то получил такой ответ:

— Тайау, почему вы называете себя *хикарерос*?

— Уууу, это идет с давних времен! Послушай, вот, к примеру, наша группа. Мы называемся *хикарерос*, потому что мы сохраняем традицию. Не только потому, что это нам нравится, но и потому, что

²⁹ Она также обитает в одном из источников в пустыне Сан Луис.

³⁰ См. Carl Lumholtz. *El Mexico Desconcido*. Mexico: Indegenous National Institute (дата первой публикации — 1890).

мы обязаны это делать; благодаря нам традиция не будет утеряна, ибо в тот день, когда обычаи умрут и традиция прервется, мы, виррарика, тоже погибнем, как если бы нам дали яда! Поэтому мы, хранители традиции, все вместе образуем *хикара*³¹ Бога. В этой чаше хранятся *знание* и важнейшие обычаи наших прапрадедов!³²

Перед тем, как начать рассказ о Паломничестве на Хумун Куллуаби, я должен сказать несколько слов о той группе *хакарерос*, членом которой я был и вместе с которой совершил Паломничество.

Санта Мария³³ представляет собой общину индейцев виррарика, затерянную в наиболее недоступной части гор, в районе глубоких ущелий и высоких вершин; люди из внешнего мира проникают туда крайне редко. Если общины индейцев виррарика сохранялись в изоляции благодаря как географической среде, так и своим обычаям, то Санта Мария представляет собой лучший образец во всех отношениях, так как община эта наиболее недоступна физически, а ограничения на посещение этих мест посторонними людьми особенно суровы. В этом она отлична от остальных общин, где присутствие людей из внешнего мира не такая уж редкость — их посещают бродячие ремесленники и торговцы. К ней нельзя добраться по проселочным дорогам из Закатекас, как это наблюдается, например, в случае с общиной Сан Андрее Коамиата. Именно в Санта Марии традиции оказались сохраненными в своем наиболее ортодоксальном виде и почти без каких-либо внешних примесей. Однако Санта Мария имеет особую значимость не только в силу своего географического положения. В некотором смысле это центр духовной вселенной индейцев виррарика, так как, предположительно, именно здесь родился Татевари, что делает это место одним из центров космогонии виррарика. Это с особой ясностью проявляется в том, что индейцы виррарика из других общин время от времени предпринимают путешествия в Санта Марию, которая, таким образом, оказывается целью посещений паломников, стремящихся “сделать приношение”, получить одобрение или совет от одной из мировых Сил.

³¹ Хикара представляет собой разновидность сосуда, используемого коренным населением Мексики для хранения пищи или ритуальных объектов.

³² В любом случае крайне интересной представляется связь между наименованием “*хикареро*” и словом “*хикара*”, происходящим из языка нахуатл. У слова есть свои корни *xictli* (“пуп”) и *cali* (“дом”); так что подразумевается дом или ограждение для “пупа”, что в доиспанской космогонии имеет сакральную значимость. “Пуп” был центром, точкой контакта с Космосом. Поэтому они говорят о “пупе земли”, или о “пупе луны” (Мехико), а физическая и небесная география доиспанского мира была полна *xictli* (“пупов”). Таким образом, “хикара” представляла собой не просто любой горшок, а скорее сосуд, в котором хранили именно священные предметы. В этом отношении я рекомендовал бы работы Гутьерре Тибона (Gutierrez Tibon. *Historia del nombre y fundacion de la ciudad de Mexico*. Idem. *El ombligo como centro cosmico*. Mexico: Fondo de Cultura Economica).

³³ Название — условное.

Именно в этой общине, центре истории и космогонии народа виррарика, я столкнулся с наиболее чистым и сильным выражением выжившего толтекского духа: с магической вселенной индейцев виррарика.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В МИРЕ ТОЛТЕКОВ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АНТИЭТНОГРАФИЯ В ДЕЙСТВИИ

Ниже я привожу фрагменты из отчетов о моих полевых исследованиях, относящихся к моей жизни среди индейцев виррарика. Я не буду детально рассказывать о моих пятнадцатилетних взаимоотношениях с этим миром, я просто расскажу о некоторых типичных случаях из моего опыта, которые соответствуют основной цели этой книги. Мои намерения не являются чисто академическими, я не пытаюсь создать всестороннее и всеобъемлющее исследование, я даже не пытаюсь дать сколько-нибудь цельное описание культуры индейцев виррарика. Это всего лишь мои воспоминания, которые помогут читателю лучше понять некоторые особенности необычного образа жизни и способа существования индейцев виррарика, а также уяснить суть использовавшегося мной для работы с индейцами комплекса “антиэтнографических” методов.

Ко времени моего первого контакта с индейцами виррарика, я еще интересовался этнографической наукой, но уже тогда мне было ясно, что академическая этнография и ее теоретические рамки вряд ли помогут мне в поисках контакта с Духом. Еще работая по изучению индейцев нахуа, я начал применять в своих исследованиях некоторые методы антиэтнографии, которые со временем стали определять все, что я делал среди индейцев. Мое стремление жить и работать среди виррарика с самого начала мотивировалось моей собственной внутренней не успокоенностью. Я направлялся к ним не изучать их, не собирать их фольклор и не за какой-нибудь экзотикой, а в поисках подходящих путей для моего собственного внутреннего роста. Я хотел приобщиться к другим формам знания и испытать их на себе. Речь идет о том знании, что неизвестно современным людям и которое индейцы ревностно охраняли на протяжении веков и тысячелетий.

Западный мир уже знаком с основными чертами культуры виррарика, благодаря разнообразным работам и исследованиям, написанным с разной степенью глубины и завершенности. Большинство этих исследований внушает безусловное уважение, особенно если принять во внимание все то, что исследователям

пришлось вынести для их написания. Им пришлось затратить много времени и труда для того, чтобы добраться до этих крайне малодоступных мест, найти информантов, провести интервью и сделать все необходимые записи, найти переводчиков, а затем изложить результаты своих исследований в письменной форме. Опубликованные в конце прошлого века труды Лумхольца³⁴ поражают степенью открытости и любознательности, проявленной этим исследователем. Они были написаны в ту эпоху, когда “недоразвитость” индейцев считалась чем-то самоочевидным, и поэтому даже не обсуждалась. Тем не менее, и такие исследователи как Фюрст, Зинги Бенитез³⁵ внесли свой вклад в изучение образа жизни и мышления индейцев виррарика.

Несмотря на всю серьезность подобных работ и самые лучшие намерения их авторов, большинство исследователей осталось лишь сторонними наблюдателями, они не жили в том мире, который стремились узнать. Подобное наблюдение извне не рассматривается как что-то предосудительное представителями академической науки. Они разделяют уверенность всей рационалистической западной культуры в том, что совсем не обязательно пережить что-либо самому для того, чтобы изучить это; достаточно лишь наблюдать, регистрировать и классифицировать какие-либо явления, находить в них некие закономерности. В случае с этнографами существует целый спектр теоретических подходов, которые, как считается, помогают им в понимании реалий, являющихся предметом этнографического исследования. Исследования эти исходят из посылки, согласно которой существует лишь одна единственная реальность, а точка зрения западной науки является самой правильной. Подобная посылка отрицает возможность существования таких аспектов реальности, которые не могут быть обнаружены простым внешним наблюдением.

Один из основных недостатков этнографических исследований заключается в том, что этнограф ничем не отличается от любого другого современного человека: он верит, что все воспринимаемое им и есть то, что на самом деле происходит и наблюдателем чего он является. Таким образом, когда мы наблюдаем за отправлением ритуала и видим индейцев в сидячем положении с головами между колен, мы можем сказать: “После танцев члены группы выглядели очень уставшими, и сели отдохнуть”, — не замечая, что эти люди вовсе не ощущают себя уставшими, и, не предполагая, что они могут быть заняты очень интенсивной работой на таком уровне реальности,

³⁴ См. его книгу *El Mexico Desconcido*, упоминаемую на стр. 63.

³⁵ См.: Peter Furst, *Solomon Nahmad. Mltos y Arte Huicholes*. Mexico City: Coleccion SEP 70s, no.50, 1972; Robert M. Zing, *Los Huicholes: Una Tribu de Artistas*. Mexico City: Instituto Nadonal Indigenista, 1982 (Colleccion Clasicos de la Antropologia Mexicana); Fernando Benitez, *Indios de Mexico*. Mexico City: EdicionesEra.

о котором мы даже не подозреваем. В своем высокомерии мы воспринимаем как непреложный факт то, что все, чего мы не видим собственными глазами, на самом деле просто не существует. Этнографы формулируют свои объяснения, рассуждения и теории, исходя из увиденного и из собственных интерпретаций увиденного. Их убежденность в собственной правоте основана на мнении, что реальность именно такова. Однако исследователи не могут принимать в расчет того, чего не заметили сами. Информанты-индейцы отвечают только на те вопросы, которые им задают, а люди с западным мировоззрением обычно не знают, как правильно спрашивать об основополагающих моментах космовидения. В результате разговор будет вращаться вокруг тех вопросов, которые кажутся важными этнографам, но которые совсем не обязательно касаются действительно фундаментальных аспектов вселенной индейцев. Ситуация дополнительно осложняется тем обстоятельством, что многие индейцы, и в особенности как раз те из них, кто сильнее прочих вовлечены в духовные занятия, наделены потрясающей способностью говорить назойливым иностранцам именно то, что от них хотят услышать. Они знают, что таким образом смогут поскорее отделаться от надоедливых чужеземцев.

Поэтому, несмотря на огромные усилия и самую искреннюю заинтересованность ученых, созданные даже самыми квалифицированными этнографами труды и исследования о миропонимании индейцев оказываются никак не связанными с внутренними процессами, протекающими в этом самом мире, — хотя сами этнографы и не имеют об этом никакого представления. Они там побывали, они задали все вопросы, они видели все описываемое своими собственными глазами, но так и не осознали, как мало во всем увиденном им удалось понять. Интерпретации, сделанные с точки зрения западной мысли, не способны на что-либо большее, чем стать еще одним отражением этой же самой западной мысли, но спроецированным вовне, а затем воспринимаемым в качестве самой реальности.

Тот исследователь, который не принимает участия в исследуемой жизни и не преобразуется в ходе исследования в другую личность, не способен и воспринять другую реальность, которая в этом случае проходит перед его глазами незамеченной. Он видит только самого себя и свой собственный мир. Он не осознает того, что, излагая свои собственные, никак не связанные с *другим миром* интерпретации и наблюдения, он на самом деле изобретает и свой собственный мир, имеющий мало общего с реальным миром индейцев, и представляющий собой скорее слепок с его собственного мира — мира современной западной культуры.

Следовательно, для проникновения в восприятие этого другого мира, он должен отделить себя от своего собственного “я”, от собственной истории, от собственного имени для того, чтобы обрести возможность преобразиться и стать одним из тех, других. Только так он может избавиться от зеркала, оказывающегося ловушкой для его собственного восприятия, от зеркала, которое отражает его собственные идеи о мире — всегда, воспринимаемые в качестве единственной реальности.

Для исследователя связанная с преодолением порога восприятия проблема заключается в том, что он оказывается в ловушке одного определенного способа видения, основанного на той модели описания мира, которой он научился от других членов своего общества, начиная с самого раннего детства. Такое ученичество опирается на передаваемое через обучение описание мира, которое обучаемый принимает за единственную реальность. Это описание заставляет человека неосознанно проецировать свои представления о реалиях мира на существа и предметы, составляющие внешний мир. В этом смысле шаман, привычный к восприятию мира как пространства, где сосуществуют многочисленные реальности, стоит много выше современного человека. Из сказанного следует, что индейцы, упоминающие в своих рассказах такие аспекты реальности, которые, нарушают логику повседневного мира, вовсе не потеряли способность логично мыслить и не погрязли в невежестве или суевериях, на самом деле они научились на собственном опыте тому, что разные реальности обладают разной логикой. *Человек знания* или шаман может даже уметь перемещаться в иные миры, а иногда и стирать на время грань между мирами.

В основе моей многолетней работы с коренными американцами, а также с исследовательскими группами (деятельность которых я координировал), лежало как раз настоящее желание обучиться способам преодолевать по собственному желанию — “прыжком” — порог восприятия. Мы учимся проникать в отдельную реальность, открывающуюся нашему восприятию, когда мы оказываемся способны отделить себя от собственного отражения, от представления о нашем мире, истории нашей жизни и нашей собственной значимости. Поскольку я оказался способен совершать такие “прыжки”, то могу утверждать, что этот другой мир действительно существует. Способность воспринимать его может помочь нам уяснить доселе непонятную природу мира индейцев и мира в целом, которая охватывает как явления повседневной жизни, так и события необычайные. Проникновение в отдельную реальность открывает перед нами возможность воспринимать удивительные феномены. Свидетелем некоторых вы можете стать, если примете

непосредственное участие в магическом ритуале или церемонии наравне с индейцами. Другие поразительные явления откроются перед вами в виде способных чрезвычайно обогатить ваше осознание альтернативных реальностей, лежащих в основе наших межличностных отношений, нашего интимного мира и сферы нашей работы. Так вы узнаете, что ваш повседневный мир содержит в себе и свою собственную отдельную реальность, и свои собственные параллельные миры, хотя мы о них и не подозреваем.

Не будучи подверженным влиянию невротических фантазий, толкающих к поиску абсолютных истин, я надеюсь представить вашему вниманию всего лишь описание того, что происходит в мире индейцев, и того, что я видел и делал среди этих людей, с которыми мы имеем счастье существовать в один исторический период. В тот самый момент, когда я пишу эти строки, они живут на одной планете с нами, в это самое мгновение исполняя свои церемонии и ритуалы для того, чтобы вступить в контакт с Духом тетья же способом и с теми же целями, что и их предки, древние толтеки — тысячу лет назад.

Из всего своего опыта работы среди коренного населения, ведущего свое происхождение от толтеков, я беру — в качестве примеров — три эпизода, которые могут рассматриваться как три момента моего “врастания” в их мир, и моей эволюции как человеческого существа. Эти моменты не относятся ни к началу, ни к завершению моей работы среди виррарика. Первый эпизод представляет собой описание одной из моих первых попыток приблизиться к этому миру, однако уже он содержит в себе некоторые интуитивно антиантропологические черты. Второй — это момент перехода, в котором мое намерение проникнуть в магический мир индейцев просматривается уже вполне ясно и находит выражение в серии целенаправленных действий. Это подобно стуку в невидимую дверь, роль стука играют мои поступки. *Третий* момент — когда дверь открывается и я, наконец, достигаю того же восприятия, что и те, кто создал этот таинственный мир, который я так долго искал и который так долго от меня ускользал.

Из этих трех отрывков первый относится к тому времени, когда я был студентом, изучавшим этнографию, поэтому стиль здесь более формальный и менее естественный, чем у двух последующих. Этой неудивительно, принимая в расчет то, что эпизоды эти разделяет почти десять лет. Я включил его для иллюстрации того, как сильно изменилось мое видение мира, когда я изменил свое отношение к миру и постарался уподобить его мировоззрению индейцев.

Итак, ниже приведены три эпизода из моих приключений в особом мире, населенном лучшими из доживших до наших дней представителей толтекского сообщества: индейцами виррарика.

ЗАТМЕНИЕ НА ЛА УНАРРЕ³⁶

³⁷Описанная ниже религиозная церемония — одна из многих подобного рода, совершаемых индейцами виррарика. Для этой этнической группы, как и для многих других в Мексике, практически вся их жизнь — это священнодействие, поскольку она связана с мифами множеством нитей. Несмотря на многочисленные изменения, которые были навязаны их образу жизни историей, виррарика смогли сохранить общую структуру своей унаследованной от предков традиции. Это можно увидеть по тому благоговейному отношению, которое они испытывают ко всему, что им приходится делать. Это отношение распространилось даже на те элементы современной цивилизации, которые они ограниченно включают в свой образ жизни.

Ниже приведено описание пейотной церемонии (называемой “Хикури” на местном языке), которую мне посчастливилось наблюдать, и в которой было разрешено участвовать. Необходимо пояснить, что до того мне не приходилось проводить исследования каких-либо ритуалов, которые могли бы дать мне хоть какое-то понимание (в этнографических терминах) наблюдаемого феномена. По той же причине исследование рассматриваемого явления оказалось не столь исчерпывающим (с академической точки зрения), как могло бы быть, ибо я знаю, что собираюсь описывать случай, достойный отдельного этнографического исследования. Поэтому я надеюсь, что все, сказанное ниже, будет воспринято всего лишь как любительское описание стороннего наблюдателя, новичка в области научной антропологии, — описание, которое находится ближе к обыкновенному человеческому восприятию, нежели к точке зрения подготовленного антрополога. Исходя из сказанного, ценность этого описания заключается в искренности и непредвзятости наблюдателя.

С другой стороны, отсутствие серьезных знаний о феномене, который мне предстояло наблюдать, положительно сказалось на моей восприимчивости, что вряд ли оказалось бы возможно, если бы я с самого начала “знал то, что собираюсь увидеть”. Само это незнание поставило меня в такие условия, когда я мог уяснить суть

³⁶ На языке виррарика — название Священной Горы, известной также как “Дворец Владыки” (т. е. Солнца).

³⁷ Этот текст первоначально был написан в виде полевого отчета в период начала моей учебы в Школе Антропологии. Я пытался сохранить стиль и первоначальную форму, чтобы таким образом отразить восприятие, которое получил в то время. Позже я обнаружил некоторые ошибочные интерпретации и узнал значение многих деталей, которые первоначально ускользнули от меня.

происходящего непосредственно от виррарика, что, по мнению самих индейцев, позволило мне полнее воспринимать реальность. Мой подход начинающего антрополога, не привязанного к заранее составленному плану исследования, оказался в чем-то близок научному подходу “культурного релятивизма”.

Я попал с двумя друзьями в некогда процветавший шахтерский городок, а сегодня фактически город-призрак Реаль де Каторсе, в штате Сан Луис Потоси. Когда руда там иссякла, все работы прекратились, большие дома и усадьбы были покинуты. Буйная растительность постепенно превратила их в руины без крыш — вечные напоминания о навсегда ушедшей эпохе расцвета. Этот городок был основан в районе, который тысячи лет был и по-прежнему остается священным местом для народа виррарика. Это Хумун Куллауаби, здесь родилось священное божество — Олень-Пейот.

По этой причине и в соответствии с их космовидением, виррарика год за годом совершают паломничества в полупустыню Сан Луис Потоси. Немногочисленные обитатели, все еще живущие в городке, время от времени наблюдают прибытие небольших групп виррарика, направляющихся на Хумун Куллауаби. Для меня и двух моих друзей, студентов факультета антропологии, встреча с одной из таких групп стала событием, достойным нашего внимания: Мы только что прибыли в городок и зашли перекусить в ресторан, когда вошел индеец. Судя по его изысканной одежде, это был один из виррарика. Он тихо проскользнул в дальнюю часть ресторана. Заинтригованные мы спросили нашу официантку, с которой мы как раз беседовали, кто он и что он там делает.

Вопрос, казалось, не удивил ее. Наш разговор вращался вокруг проблем антропологии и нашего стремления установить контакты с индейскими народностями. Она сказала, что этого индейца зовут Педро³⁸ и что он — один из паломников-виррарика. Педро и Другие члены его группы уже несколько раз проходили через Реальде Каторсе, где познакомились с владельцем ресторана, предложившим виррарика продавать через него кое-какие изделия индейских ремесел, — это должно было дать виррарика какой-то приработок. Суть соглашения заключалась в том, что владелец поставляет материал и платит им за работу, а затем продает изделия в магазине за значительно более высокую цену. Педро оказался очень красноречивым, легкого нрава и с живым умом, что противоречило классическим представлениям об индейце, как о неуверенном в себе скромнике. За несколько наших с ним встреч он успел стать чем-то

³⁸ В этой части, как и во всей книге, имена изменены, с целью избежать узнавания конкретных лиц и индейских общин.

вроде “информанта”, но самое главное — он стал нашим другом. Это он отчасти посвятил нас в свойственное индейцам виррарика видение мира. И позже, к нашему удивлению, оказалось, что описания его вполне согласуются с действительностью. Именно он позволил нам посетить церемонию, ставшую поводом для написания этой работы. Вопреки тому, что привыкли думать введенные в заблуждение обитатели городов, индейцы вовсе не держат белых людей за высшие существа; скорее они просто допускают наше существование и обращаются с нами терпеливо. Их отношение таково: белые и мексиканцы — сумасшедшие, они не уважают святость мира, больны алчностью и жаждут приобрести собственность. Но они — опасные сумасшедшие, поскольку обладают силой, бездумное использование которой способно создать массу прискорбных проблем, что обычно и происходит. Не отягощенные предвзятостью, мы сделали эти наблюдения в ходе ряда бесед с индейцами виррарика из группы Педро, в которой было несколько говоривших по-испански мужчин и женщин. Люди эти почти всегда разговаривали на собственном языке, избегая испанского, как в присутствии метисов, так и белых. При этом они всегда были с нами учтивы, и нам удалось наладить с ними хорошие отношения. Мы заметили, что мужчины обращались со своими женщинами очень нежно. Женщины, казалось, не находились в подчинении у мужчин, скорее, они слушались охотно и добровольно, и на равных участвовали в делах группы. Мы также заметили любовь и заботу, которой все окружали детей, в особенности самых маленьких.

Мы отметили и внутреннюю сплоченность группы. У нас сложилось впечатление, что сплоченность эта коренилась в их видении мира, которое, по их собственным словам, ориентировалось на “упорядоченную жизнь, текущую в правильном направлении”. Хочу особо подчеркнуть, что очень сильное впечатление на нас произвело соответствие их образа жизни с их духовными принципами, находившим выражение скорее в их поступках, нежели в словах. Свойственные им духовные качества и моральная сила свидетельствовали о том, что мы — носители западной “суперкультуры”, можем немало узнать и многому научиться у культур, ошибочно относимых нами к “примитивным”. В течение церемонии мы убедились, что виррарика были народом, очень гордящимся своими традициями.

Повествование о пейотной церемонии

Мы подошли к полуразрушенному строению, где нашла приют группа индейцев-виррарика, около 6:30 утра. Педро сказал нам прийти “на рассвете”. Мы обнаружили, что они уже проснулись и разговаривают. Всего в группе было восемнадцать паломников, из разных селений с горы Халиско. Группа формировалась следующим образом: Хуичо был старшим. Судя по морщинам, ему было далеко за шестьдесят, однако тело его оставалось крепким, движения — быстрыми, а одежда — очень скромной, традиционной одеждой виррарика. Хуичо был *маракаме* группы. В повседневной жизни он был очень спокойным и мирным человеком, говорил мало. Трудился он наравне с остальными — занимался изготовлением домотканой одежды, пока группа находилась в Реаль де Каторсе, и работал в поле, когда они возвращались в горы. Он отправился в паломничество в сопровождении жены, женщины тоже преклонного возраста, и Гуадалупы, своего сына, симпатичного и веселого мальчика, лет эдак двенадцати или тринадцати, который делал то же, что и остальные.

Очень близким к Хуичо был Вицент, молодой виррарика, лет, может быть, двадцати пяти на вид. Вначале мы подумали, что он был отчасти “окультурен”, так как его одежда была не национальным костюмом индейцев виррарика, а скорее характерна для метиса: брюки цвета хаки, шотландская рубашка, куртка и ботинки (все остальные носили гуарачи³⁹, сделанные из автомобильных покрышек). Позже мы поняли, что это был поспешный вывод, поскольку поведение Вицента ничем не отличалось от поведения других индейцев виррарика. Он знал каждый этап ритуала и активно участвовал в нем. Действительно, единственным осязаемым различием была одежда.

Затем шел Педро. Он стал нам очень близок, и с ним мы беседовали больше всего. Его одежда была полностью “укомплектована” и включала практически все элементы традиционного одеяния виррарика. Тем не менее, он был не богаче остальных. Он был значительно младше Хуичо, но тоже был шаманом. Хотя он не был *маракаме*, он был вторым певцом *уйчоль* и знал, как излечивать болезни. Как это обычно случается у виррарика, он унаследовал это знание от своего отца, который тоже был певцом. Он наставлял Педро, когда тот был маленьким ребенком, говорил, что двигаться нужно “постепенно, каждый год — ступенька. Да, жизнь подобна лестнице. Лестнице, ведущей к Богу; но ты должен много работать, — и думать, думать, потому что Бог говорит с тобой, Он говорит с тобой всегда. Только мы не должны переставать слушать!” “У вас всего один Бог. Н да, плохи ваши дела! Вот у нас много богов,

³⁹ Сандалии с резиновой подошвой, изготавливаемой из старых автопокрышек (раньше подошву делали плетеной из стеблей растений).

и, значит, мы никогда не одиноки!” “Бог во всем: в земле, в растениях, в животных, в воде, в людях. Вот почему мы любим все-все, и все заботится о нас. А белые говорят нам — нет! Они говорят, что земля не живая, что облака не живые. Но если земля не живая, если облака не живые, тогда как же дождь делает так, что зерно может вырасти высоким и красивым (!) и поддержать нашу жизнь? Как они могут поддерживать нашу жизнь, если сами они не живые?”

Педро сопровождал его сын, мальчик лет пяти. Был там еще Хиларио, брат Педро, приблизительно его возраста, но мы все-таки решили, что он несколько моложе, потому что влияние на него Педро было очень заметным, хотя взаимоотношения их были очень сердечными и нежными. Хиларио был довольно высоким и худым индейцем. Он одевался как бедный метис, но его шляпа была украшена перьями, как это принято у виррарика. Был он очень тихим, с широкой улыбкой; он представлял собой законченный тип хорошего человека (мы не могли бы описать его никак иначе) — всегда в хорошем настроении, всегда наготове с хорошим советом. “Нет, вам не следует так ухаживать за женщинами, для чего все это? Что хорошего, если вы ухаживаете за одной, потом за другой, если при этом вы не учитесь любить? Посмотрите на меня и на мою жену! Мы поженились, когда мне было пятнадцать. Много лет прошло, а мы все еще вместе, живем мирно и радостно. Я не ухаживаю за другими женщинами. Она уважает меня, и мы любим друг друга. Может быть, вы подумаете, что она не слишком красива, но мы научились любить друг друга, так что для меня она самая красивая”. Хиларио сопровождала жена — казалось, немного старше его. Они относились друг к другу с любовью. У них был сын, едва ли полтора лет отроду, который, однако, премного нас удивлял, обнаруживая независимость характера и уверенность, необычную для детей такого возраста. Он постоянно играл, забираясь по штабелям леса. Мальчик знал несколько песен на родном языке и на испанском. Он понимал оба языка, хотя язык, на котором он говорил охотнее и больше, был его родным. Он был очень дружелюбным ребенком, несмотря на тот факт, что мы были странными и “мексиканскими”.

Затем следует вспомнить Сирило, проводившего большую часть времени в горах. Иногда он, впрочем, навещался в Мехико, куда ездил, чтобы продавать свои поделки. Из всех мужчин группы у него была самая внушительная комплекция, однако, в действительности он вовсе не был жирным. Ему было около тридцати лет, и одевался он в полный наряд виррарика. Его индейский костюм был расшит богаче, чем у других — возможно, благодаря его бизнесу в столице. Без сомнения, в группе он был самым большим остряком и заставлял остальных отчаянно хохотать — и это притом, что каждый индеец

виррарика был мастером пошутить. Позже мы обнаружили, что его роль имела огромное значение для отправления пейотных ритуалов. Сирило сопровождала его жена, молодая женщина, лет восемнадцати, необычайно красивая. Она была типичной индианкой, но могла бы успешно конкурировать с любой городской красавицей. Она также одевалась в одежды, которые могли бы считаться лучшими из нарядов виррарика. С ними был их шестимесячный ребенок, которого женщина всегда носила на спине, привязав платком и оставляя таким образом, руки свободными для работы.

Там было также четверо детей, уже способных ходить, — их родителей мы никак не могли определить, потому что все взрослые с одинаковой теплотой заботились о них.

Наконец, был Томас, человек, которого мы считали самым загадочным из паломников. Выражение лица Томаса по большей части было серьезным и задумчивым, хотя иногда мы видели его и смеющимся. Кажется, он был очень дружен с Педро.

К нашему изумлению, мы обнаружили там также и владельца ресторана (“босса”) и нескольких его друзей-иностранцев — шумных, изображавших притворное, слащавое почтение к индейцам, но более занятых самими собой и своими пагубными привычками, нежели чем-либо еще. Просто не передать, как нам стало неприятно, потому что на мгновение мы почувствовали и себя незваными гостями. Однако мы увидели, что индейцы виррарика вели себя так, как если бы этих людей вовсе не существовало. Они не казались смущенными их присутствием. Они попросту полностью их игнорировали, дружно делая вид, что не понимают по-испански, когда эти люди пытались заговорить с ними. К владельцу ресторана они относились достаточно уважительно, хотя тоже с некоторой долей холодности. (При случае Педро признался нам — они знали, что владелец просто грабил их при оплате труда, так как были осведомлены, по какой цене он перепродавал их поделки, но что они могли сделать? Ведь у них не было средств на покупку сырья.) Мы видели, что неуместное присутствие этих иностранцев не изменило хода церемонии, не помешало ей — виррарика в совершенстве знали, как “держать их на расстоянии”. Как оказалось, во время ночной фазы ритуала, продолжавшейся до самого утра, эти “любопытные наблюдатели”, похоже, теряли интерес к происходящему и засыпали.

Было утро 30 мая. Мы не знали цели церемонии, на которую нас пригласили. Позже мы узнали от Педро, что это была церемония рождения Солнца: “Когда рождается новое Солнце, все обновляется, все становится новым, начинается снова, но уже будучи другим”. Мы вышли из полуразрушенного дома в 6:45 утра и двинулись в сторону гор, по направлению к самому святому — после Хумун Куллауаби —

для виррарика месту, священной вершине Ла Унарре.

Виррарика шли вереницей, в полной тишине. Их шаг был быстрым, легким и бесшумным. Вскоре Реаль де Минас остался позади, и дорога превратилась в каменистую тропинку, ведущую через зеленые луга (мы узнали позднее, что большую часть года в этих горах царит засуха). Висел густой туман, скрывающий горы, я резко очерченные силуэты паломников производили удивительное, фантастическое впечатление, словно воскрешая древние традиции и, заставляя нас вспоминать о тысячах людей, которые столетиями шагали той же дорогой и той же целью: “встретить и умиловать силы, которые правят человеческой судьбой”.

Время шло, и по мере продвижения группы туман начал редеть и рассеиваться — пока не появилось солнце. Мы поднялись на вершину горы и двигались теперь вдоль небольшого гребня, окруженного отвесными пропастями и ущельями. После того, как мы уже примерно час карабкались по горам, виррарика решили остановиться и передохнуть, поскольку “группа владельца ресторана отстала, и они могли потеряться”. К нашему неудовольствию, мы должны были их ждать. Пока запыхавшиеся белые спешили к нам, виррарика беседовали. После краткого отдыха (ради бледнолицых), мы продолжили наш путь. Иностранцы снова отстали, но теперь мы не стали их ждать, и те были вынуждены возвращаться самостоятельно. По пути мы “наткнулись” на небольшой пруд, что обрадовало индейцев, они казались очень довольными. Педро вытащил из своей сумки небольшую бутылку и наполнил ее водой, предварительно попив немного из пруда. Мы спросили его, а можно ли ее пить? “Ух, а почему нет?! Она очень хорошая. Вы берете немного, ставите ее в вашем доме, и она заботится о вас! Поливайте ею зерно, и оно вырастит огромным, красивым!” С некоторым трепетом мы пили священную воду, чтобы утолить жажду, но никаких неприятностей не произошло, наоборот, мы чувствовали себя великолепно.

Перед самой вершиной мужчины начали собирать стволы сухих деревьев, и мы решили им помочь. Как стало известно позднее, эти бревна предназначались для угощения Татевари (Дедушки Огня). С вершины Священной Горы зрелище было впечатляющим, особенно для виррарика: мы смотрели на землю, где родилось Светящееся Божество — на Хумун Куллауби. Мы оказались на самой верхней точке этой горной области. Ниже простиралась огромная пустынная долина, место, куда Виррарика совершали свои ежегодные паломничества в поисках Оленя-Пейота. Вид с этой высоты открывался потрясающий.

Какое-то время все созерцали эту захватывающую дух картину, а потом виррарика вновь взялись за дело. Было около десяти часов утра.

Хуичо и Педро приготовились дать жизнь Татевари. Пока огонь оживал, Хуичо запел. Как только огонь разгорелся, солнце начало меркнуть — наступило кольцевое солнечное затмение! Похолодало, и огонь показался в сумерках еще ярче. Педро начал другой распев, чем-то напомилавший церковный канон. Он начал петь, когда Хуичо еще не кончил свою песню, так они и пели, сменяя друг друга. Тем временем, остальные с видимым почтением расставили пищу, принесенную для Татевари. Они расстелили на земле платок и стали класть на него разные предметы. Платок постепенно превращался в алтарь. На нем были разложены шоколад, домашнее печенье, *техино* (перебродивший напиток, приготовляемый виррарика из зерна), раскрашенная ткань с изображениями оленя, кактуса, зерна и солнца, в очень стилизованных формах, чье значение оставалось для нас неясным. Когда алтарь был готов, затмение стало полным. Хуичо и Педро держали в каждой руке *мувиери* (небольшие жезлы с цветными перьями, иногда с беличьим хвостом — хранилища силы шамана), которыми они потрясали во время пения. Они пели не хором, тем не менее, их песни звучали почти в унисон. Мы не понимали смысл их песен, — в них не было ни слова по-испански, — однако само пение производило на нас гнетущее впечатление.

Мы расположились вокруг огня. В этот момент стали зажигать свечи, и сумерки в середине дня придавали этому драматический оттенок. Мы также держали в руках зажженные свечи. Печенья были положены в металлический ящик и опрысканы водой из святых мест, а затем розданы всем нам. Процедура сводилась к следующему: ящик передавался одному из участников, который с почтением принимал его. Человек делал с ним сначала несколько последовательных движений, как если бы поднимал тост, — обращаясь к сторонам света и прямо вверх. Один за другим, он или она брали печенье и, съев, передавали ящик другому, и так далее. Некоторые из виррарика произносили какие-то слова на своем языке, но жесты их ничем не отличались от жестов других. Пение *маракаме* Хуичо и Педро продолжалось практически без остановки, — и так на протяжении всей церемонии, которая длилась около часа, за вычетом тех моментов, когда они по-особому размещали или подготавливали для использования какие-то предметы, которые предстояло использовать в ритуале.

Нам явно не удавалось проникнуть в глубинное значение ритуала. Мы не понимали языка виррарика. К тому же они подготавливают себя с малых лет для участия в церемониях — с необходимой для этого сосредоточенностью и точностью. Волнующее воздействие, которое каждый шаг ритуала оказывал на участников, проявлялось в их выражениях и степени сосредоточенности. Церемония на

Священной Горе завершилась, и они начали собирать алтарь — расписную ткань и металлический ящик, но оставили приношения огню: печенье, шоколад и *техино*. Нас поразила способность Виррарика в одну секунду менять настроение. Едва они завершили державшую их в сильном напряжении церемонию, как тут же стали радостными и даже забавными. Позже мы убедились, что эта видимая смена настроения не была тем, чем она казалось.

Хотя внешне виррарика улыбались, их внутренний мир все еще нес отпечаток прикосновения к святыне. Это было результатом длительной ритуальной практики, при которой они сами становились в чем-то сопричастными божеству. Нам потребовалось бы более продолжительное полевое исследование, чтобы определить, до какой степени они могли поддерживать это состояние в своей повседневной жизни в горах.

Мы спустились с горы приблизительно тем же маршрутом, каким забирались наверх. На полпути мы останавливались, минут на десять. Мы негромко болтали, а Сирило принес дыню, которую ему каким-то образом удалось разделить на всех присутствующих. Позже, из той же сумки (можно только поражаться тому огромному количеству предметов, которое виррарика носят в своих сумках), он достал бутылку текилы, открыл ее и передал Педро. Педро встал, чтобы принять ее. Он взял небольшой жезл с перьями, который носил на своей шляпе, вставил одно из перьев в бутылку и, отливая по несколько капель по направлениям на страны света, громко произнес несколько слов с силой, которая оказалась для нас полной неожиданностью. Действие возымело эффект благодаря своей внезапности и, прежде всего, из-за силы и уверенности его голоса. После выполнения этого действия, он взял бутылку с напитком и передал ее остальным. Каждый из виррарика, получив бутылку, обмакивал палец, бросал несколько капель по направлениям на страны света и вверх, а затем делал всего один глоток. Позже мы могли наблюдать это действие каждый раз, когда они собирались выпить. Мы спросили Педро о смысле этих действий, на что он отвечал: “Когда кто-то собирается пить, прежде чем сделать это, он предлагает сначала немного Богу, так как Он заботится о нем. Если человек этого не сделает, то выпьет слишком много, опьянеет, потеряет голову и скоро станет драться, потеряет свои деньги или влипнет в неприятность; с другой стороны, таким способом Бог сообщает человеку, что охраняет его, и тогда человек спокоен”.

Мы снова отправились в путь, и шли, пока вновь не оказались в Реаль, в “доме”, где нашли приют виррарика. Это было в развалинах заброшенного здания, где они жили и работали во время своего пребывания в Реале. Войдя внутрь, мы оказались во внутреннем

дворике, вокруг которого расположились другие комнаты, в большинстве своем без крыши. Внутренний дворик также не имел крыши. Полom служила утоптанная земля. На ней лежали несколько деревянных балок, использовавшихся для сидения. Там этой ночью они собирались проводить пейотную церемонию — продолжение обрядов, начатых на Ла-Унарре.

Педро сказал нам, что они хотят устроить фиесту. “Мы собираемся играть на маленькой гитаре, танцевать и петь всю ночь”. После такого “общего” описания мы пришли к выводу, что они собрались устроить обычную вечеринку, чтобы просто хорошо провести время. Увидеть же нам довелось нечто совсем другое. Теперь, проведя в их обществе несколько дней, мы общались с виррарика более раскрепощенно, и они с нами так же. Мы стали дружны, особенно с Педро и его братом Хиларио. С ними мы часто беседовали, и они отвечали на наши вопросы. Около полудня мы уехали, пообещав Педро возвратиться вечером.

Хикури неирра

1111

Было около восьми вечера, когда мы возвратились в “дом” виррарика. Мы застали индейцев разводящими костер в центре внутреннего дворика, они завершали приготовления к “фиесте”. Группа встреченных нами утром иностранцев уже была здесь. Они были очень возбуждены, веселились, шутили и пели — все очень шумно и громко. Это были молодые европейцы того, всем хорошо известного бесцеремонного типа, путешествующего почти без денег, чья неряшливая внешность, длинные волосы и пристрастие к наркотикам заработали им название “хиппи”. Возможно потому, что они шумели, или по какой-то другой причине, но Хуичо, — хотя он обычно был тихим и скромным, из тех, кто и мухи не обидит, — вдруг попросил их уйти. Он говорил с ними мягко, стараясь не показаться невежливым. Мы смотрели, недоумевая, — имеет ли он в виду также и нас. Он объяснил им, что они собрались устроить фиесту только для виррарика, что таков их обычай и посторонние не могут остаться, что виррарика не собираются спать и будут тем самым очень мешать иностранцам. Он отмел все их возражения, и иностранцам пришлось удалиться. Мы же расположились в той части дома, где обосновался Хиларио и его семейство. Когда мы спросили его, не следует ли уйти и нам, он ответил, что мы можем остаться, поскольку Педро пригласил нас. Он также сказал, что пока мы отсутствовали, иностранцы оставались здесь весь день. Они пили, пели, и курили марихуану. Они так надоели виррарика, что индейцы просто не знали,

как от них избавиться. Когда подошло время церемонии, не осталось никакого иного выхода, и Хуичо пришлось сказать им все напрямик.

После того, как спокойствие было восстановлено, виррарика продолжили свои приготовления. Они разложили вокруг огня различные предметы. Сначала появились два *экипалес* — стулья, сделанные из чего-то наподобие тростника и покрытые оленьей шкурой, украшенные рогами этого же животного, служившими подпорками для спинок стульев. Для виррарика эти *экипалес* были священными предметами. Они использовались для церемоний, и только *маракаме*, — или иногда одному из помощников, — дозволялось сидеть на них. Они также принесли пару металлических стульев, на которых должны были сидеть музыканты. По другую сторону костра, прямо напротив стула *маракаме*, была помещена ткань с росписями, подобная той, что использовалась утром, только рисунки были другими. У этой в центре был изображен костер, от которого двигалось нечто, напоминающее небольших червей, оно должно было изображать Татевари, говорящего с виррарика. Кроме того, там имелись колосья пшеницы и символы пейота, а также стрелы и разноцветные яркие фигурки. Под раскрашенной тканью они разместили вещи, подобные тем, что мы уже видели утром: домашние печенья, шоколад, перья, дикий табак, *техино* и цветы.

Чтобы начать церемонию, участники сгруппировались следующим образом: на один *экипал* был посажен *маракаме* Хуичо; возле него, на другом *экипале*, расположился Вицент, — он занимал место, которое нам показалось ключевым для проведения церемонии, поскольку это он задавал тон исполнявшимся *маракаме* песням. Рядом с Вицентом был поставлен металлический стул, на котором восседал Педро. Кроме исполнения обязанностей второго певца уйчоль, он играл на небольшой, совсем простенькой деревянной скрипке. Она была значительно меньше, чем обычная скрипка, тем не менее, звук был достаточно сильным, чтобы не теряться в лишенном кровли помещении. Возле Педро, лицом к огню, сидел Томас, тихий виррарика, игравший на небольшой гитаре, которая звучала как маленькая скрипка. По другую сторону от Томаса никто не сидел, там было пустое место, оставленное для рисунков и размещенных возле них жертвоприношений. Остальное пространство вокруг огня было заполнено сидевшими в беспорядке паломниками. Мы присоединились к ним, стремясь ничем не отличаться от них и хотя бы отчасти приобщиться к ритуалу, насколько нам позволяла наша добрая воля и незнание необходимой последовательности действий для полноценного отправления ритуала. Некоторые участники группы остались стоять.

Все индейцы группы собрались на эту церемонию. Женщины и

дети принимали непосредственное участие во всем ритуале. Самые маленькие дети, не обязанные пока что присутствовать на церемонии, все равно принимали в ней участие почти наравне со взрослыми. Младенцы участвовали в ритуале, пребывая на руках у матерей! Это показалось нам символичным, — раз виррарика участвуют в своих церемониях практически с самого рождения, участвуют в этих событиях пока их еще нянчат, потом в отрочестве, затем и в юности, — то, вероятно, это не может не оказывать влияния на всю их последующую жизнь.

Было около девяти вечера, когда Педро начал петь, в сопровождении своей небольшой скрипки и маленькой гитары Томаса — инструментов, используемых исключительно в ритуалах. Минут двадцать Педро напевал речитативом песни на своем языке — “чтобы разогреться”, как он сам потом объяснил. Песни, похоже, состояли из мелодичных фрагментов, которые раз от раза варьировались. Голос Педро, его осанка и вся его личность, казалось, полностью изменились в то мгновение, когда он начал петь. Мы не понимали, о чем он поет, мы и не могли знать слов этих песен, но, судя по манере исполнения певца, мы заключили, что для окружающих они имели огромное значение. На другой день Педро, отвечая на один из наших вопросов, сказал, что эти песни “были посланы ему Богом” в ту самую ночь. Как только Педро закончил петь, Хуичо извлек из ящика средних размеров, сделанного из пальмовых листьев, свой небольшой оперенный жезл. Этот жезл, *мувиери*, он должен был держать в правой руке на протяжении всей церемонии. В этот момент к ногам обоих певцов были положены два небольших куска красной фланели, на которые в течение всей ночи раскладывались — а иногда и забирались — различные вещи, использовавшиеся в ритуале. Предметы на этой фланели были столь драгоценны, что они ни в коем случае не должны были соприкоснуться с землей, и пользоваться ими могли лишь певцы во время пейотной церемонии. Ритуальные предметы были такими же, как и на первом алтаре, а еще там был священный табак, тыквы-горлянки со святой водой, предметы силы певца, свечи и много кусочков драгоценного кактуса-пейота. Начиная с этого момента, паломники виррарика говорили только на своем языке. Стало казаться, что с этой минуты единственным языком, оставшимся на земле, был их язык, и единственным миром — их волшебным миром, воплощение их мифов. Проговорив некоторое время, виррарика вдруг умолкли и стали вести себя необычайно тихо. Хуичо, певец-уйчоль, поднял свой мувиери и начал петь. Все обратились в слух. Песня *маракаме* не сопровождалась аккомпанементом музыкальных инструментов. Он предпочитал петь сам, *a capella*. Этот напев, лившийся из его уст, отличался от любого другого, когда-либо

слышанного нами. Слова произносились с ударениями, отличными от общепринятых. В какой-то момент нам даже показалось, что возможно эти песни поются на каком-то священном языке, которым дозволено пользоваться лишь в особых случаях, подобно сегодняшнему. Он повторял одну и ту же музыкальную фразу около сорока минут, а затем сменил ее на другую.

Маракаме пел уже минут двадцать, когда случилось нечто удивившее нас: Педро стал настраивать свою скрипку, а Томас — маленькую гитару. Они мягко перебирали струны, чтобы проверить их настрой. Это произошло в то время, пока еще пел *маракаме*, так что у нас создалось впечатление, что атмосфера торжественности и почтения начинает улетучиваться. Каково же было наше изумление, когда Педро, сопровождаемый скрипкой и гитарой, начал петь в это же самое время мелодию, совершенно отличную от той, что пел Хуичо. Вначале мы не поняли, что случилось, но они продолжали петь, и вскоре мы ощутили, как обе мелодии, казавшиеся такими несхожими, поладили между собою, породив новое, сложное гармоническое единство. Прислушавшись к используемой ими музыкальной технике, мы стали думать, что виррарика были знакомы с техникой контрапункта задолго до того, как ее, благодаря музыке барокко, узнала Европа. Хуичо и Педро пели “контрапунктом” около получаса, после чего на четыре или пять минут воцарилась тишина. Далее Хуичо представил новую серию песен, с четкой мелодичной структурой; только в этом случае, после того, как он исполнял что-то наподобие полной строфы, остальные виррарика отвечали ему хором, повторяя ту же мелодию, после чего следовала новая строфа *маракаме*, и снова повторение хора. Так продолжалось минут сорок или пятьдесят. Затем Педро начал играть так, как он это делал раньше, только теперь был добавлен новый элемент. В тот момент, когда Педро начал петь и играть на скрипке, виррарика начали танец, который с некоторыми промежутками “отдыха” продолжался всю ночь. Танец виррарика состоял из ритмичного движения, в котором ноги были наиболее активными, они пытались следовать за звучанием скрипки. Руки оставались почти безжизненными, буквально болтаясь по сторонам или пребывая в карманах их свитеров, если таковые имелись. Тело при этом было немного наклонено вперед, движение корпусом вперед, назад и в стороны дополняло непрерывное притоptyвание ногами. В течение церемонии были явно представлены три основных элемента ритуала, которые либо чередовались, либо беспорядочно соединялись: песня *маракаме*, игра на скрипке и на гитаре, сопровождаемая пением Педро, и танец виррарика. Были моменты, когда *маракаме* пел один. В другие моменты две различные мелодии пелись одновременно, и мелодия

Педро переплеталась с той, что вел Хуичо, то индейцы начинали танцевать, сопровождаемые песнями Педро, скрипкой и гитарой.

Постепенно становилось холодно. К часу ночи температура упала до 0 по Цельсию, и оставалась такой до самого утра. Но виррарика продолжали свою церемонию, словно ничего не изменилось. *Маракаме*, на котором была лишь светлая рубашка, набросил на спину накидку. Вицент завернулся в одеяло, но не переставал вторить песням Хуичо на протяжении всей ночи. Я просто не могу выразить чувство восхищения талантом и выносливостью этих людей, которые, невзирая на холод, выдерживают целые ночи без сна, как если бы это было пустяком, не стоящим внимания — ведь, насколько я знаю, у них есть церемонии, длящиеся по несколько дней, а значит и ночей. Мы были особенно потрясены выносливостью *маракаме*: как человек преклонного возраста мог выдерживать подобные нагрузки — почти пятнадцатичасовое пение на лютном холоде, который с восходом солнца только усилился. Вся ночь прошла в песнях и танцах, прерывавшихся только на мгновение, чтобы затем возобновиться.

С самого начала церемонии, Педро время от времени раздавал каждому из участников кусочки пейота, в этом ему помогал его брат Хиларио. Мы заметили, что они обращались с кактусом осторожно и почтительно. Прежде чем дать кому-либо кусочек Хикури (пейота), раздающий прикасался кусочком к глазам, ушам, сердцу и горлу получающего его человека “для того, чтобы он мог видеть, для того, чтобы он мог слышать, для того, чтобы он мог чувствовать, для того, чтоб мог петь”. Нам было совершенно ясно, что пейот — один из основных элементов космологии виррарика. Они используют пейот для того, чтобы видеть и слышать своих богов, говорить с ними, а также для излечения болезни, снятия усталости и получения хорошего урожая. Он присутствовал, в той или иной форме, в большинстве их занятий.

Мы горели желанием узнать, какое действие возымеет кактус на этих людей, столь удаленных от нашего мира, где психотропные растения используются не только самым непочтительным образом, но и для прямой деградации личности. Все взяли Хикури — мужчины и женщины поровну. Старшие дети тоже взяли его, хотя и в меньших количествах, чем взрослые. Надо сразу сказать, что ни один виррарика не потерял контроля над собой и ни один из них не повел себя недостойным образом. То, что мы наблюдали, было пронизано сильнейшими эмоциями всех участников, но мы приписали это скорее святости церемонии, нежели действию пейота.

Церемония ни коим образом не оказалась монотонной, и эмоциональный отклик ее участников был очень разнообразным. В какой-то момент песня *маракаме* стала более серьезной, более

чувствительной. Он начинал петь баритоном и заканчивал чистым фальцетом, что придавало мелодии очень приятный строй. Его *мувиери* вибрировал, словно движимый мощью его голоса или какой-то неведомой силой, а лицо отражало такую глубину и силу чувства, что мы были глубоко потрясены. Слезы текли по его щекам и временами его голос, казалось, срывался. Время от времени он стирал слезы с лица рукавом своей старой рубашки. Большинство индейцев плакали. Плакали и старшие дети. Эти мужчины и женщины, обычно такие веселые и бодрые, а сейчас плачущие и не пытающиеся сдерживать свои слезы — от такого зрелища у нас к горлу подступал комок. Мы безмолвно спрашивали себя: Что же такое видят сейчас эти люди? Какова природа их видений? Что их боги сказали им?

Мы еще больше преисполнились чувством почтения и восхищения этими людьми. Они смогли сохранить свою самобытность, свою уникальность, противостоя не только течению времени, но и, что не менее трудно — давлению так называемого “цивилизованного” мира в течение пяти столетий — этих веков позора. Ни оружие колонизаторов, ни “добрая воля” миссионеров не смогли лишить их магического наследия предков.

Когда, казалось, печаль уже достигла недопустимых пределов, скрипка Педро и гитара Томаса дали участникам свободу от грусти или меланхолии, которые завладели всеми сердцами. Танец, казалось, оживил виррарика, а голос Педро вернул заряд бодрости. Ощущение всеобщего единства ясно читалось на отстраненных, заплаканных, но очень выразительных лицах. На них появились улыбки. Когда Сирило отпустил какую-то шутку, что поначалу показалось совершенно неуместным, но в действительности как нельзя лучше соответствовало моменту — мы вдруг увидели ту невероятную легкость, с какой виррарика в одну секунду переходили из одного душевного состояния в прямо противоположное. В те несколько мгновений, когда песни и танцы прерывались, виррарика разговаривали друг с другом или с Дедушкой Огнем. И, что не менее удивительно, в течение всей церемонии всегда находился кто-то, кто занимался кормлением Татевари. Было уже около 4:30 утра, атмосфера вокруг огня изменилась, стало казаться, будто прошлый день и повседневные дела остались далеко позади. Теперь виррарика говорили тихими голосами, они выказывали такое чувство взаимопонимания и товарищества, которое было еще глубже того, что нам приходилось видеть на протяжении дня. Мы разделяли совместную тайну жизни. Мы были путешественниками в поисках Духа, что подразумевало и трудный опыт “созерцания своей жизни”.

Маракаме начал петь снова. В его голосе, отчасти ослабшем из-за стольких часов почти непрерывного пения, слышалась такая

духовную энергию, какой не было даже в самом начале ритуала. Он пел об истории мира и о посланиях, данных им Прадедом-Хвостом Оленя: Тамацем Кахуллумари.

К утру голос *маракаме* Хуичо, казалось, достиг максимального напряжения; наступал не столь продолжительный, по сравнению со всеми ночными песнопениями, но один из наиболее важных моментов работы певца, — помочь солнцу победить звезды, чтобы оно могло взойти. Песня *маракаме* — спутник и помощник Солнца. Виррарика верят, что каждую ночь, где-то на их землях, по крайней мере, один *маракаме* исполняет обязанности помощника Солнца (в эту ночь подобная ответственность легла на Хуичо). Поэтому в тот момент, когда забрезжили первые лучи Солнца, виррарика впали в эйфорию и всячески выражали свое бурное ликование. Солнце услышало их песни! Они стали причастны чуду победы солнца! С рассветом в ритуале появились новые элементы. *Маракаме* встал и, встречая лучи Солнца, не переставая петь, направил свой *мувиери*, который также считается стрелой, навстречу Солнцу. Свет дня, казалось, наполнял его новой жизнью. Изнеможение, незадолго до этого появившееся на его лице, исчезло. Лица остальных участников ритуала тоже преобразились, на них отражалось ощущение причастности к святыням после того, как они дали новую жизнь своим мифам. *Маракаме* взял заранее подготовленную длинную веревку. Все встали и сгрудились вместе вокруг костра, который продолжал трещать. Хуичо начал ритуал “обвязывания веревки” вокруг собравшихся. Каждый брал конец веревки руками за спиной и передавал ее другому. Веревка дважды обвилась вокруг них. Пение *маракаме* продолжалось. Сам Педро сказал нам: “Теперь мы все — это один человек”. Потом веревка была убрана.

Следующим шагом было жертвоприношение, Вицент и Хиларио привели козла, до этого привязанного в другой части дворика. Животное бляло, словно предчувствуя уготованную ему судьбу. Пока *маракаме* стоя продолжал петь и протягивать свои волшебные перья Солнцу, Вицент и Хиларио повалили животное перед тканью с изображениями фигур. Вицент достал ножи вонзил его в грудь козла, одновременно поставив небольшой сосуд около кровоточащей раны, чтобы собрать драгоценную жидкость. Педро взял сосуд и при помощи пера обрызгал каплями крови каждого из участников и большинство ритуальных предметов, особенно свечи. Животное продолжало испускать жалобные бляния, а тем временем женщины зажгли свечи, которые они затем раздали всем. Певец своей песней и силою перьев направил душу козла на путь ее судьбы: к Солнцу. Время от времени снова раздавали пейот. Когда животное умерло, *маракаме* взял небольшую чашку с водой из святых источников.

Обмакнув в чашке белый цветок, он брызнул несколько капель святой воды на губы, а затем на голову каждого из участников. Делая это, он произносил несколько слов. Как только все коснулись волшебной воды, каждый индеец взял кусочек Хикури, нарезал его на небольшие ломтики и начал раздавать остальным. Все обменялись кусочками священного кактуса, сначала приложив его к сердцу, глазам, ушам и горлу человека, который собирался вкушать его. Когда все закончили обмениваться пейотом, *маракаме* перестал петь.

Было уже около 10:30 утра. С начала церемонии прошло более четырнадцати часов. Последним этапом было изменение имен участников. Процедура заключалась в следующем: они поставили горшок воды между огнем и *маракаме*, который снова сел. Люди подходили по одному и наклонялись над горшком с водой, зачерпывали немного, омывали лицо и руки, а потом выпрямлялись. В этот момент Педро и Хуичо принялись на своем языке и шутливым тоном, весело обсуждать тех, кто омыл свое лицо, а затем они давали каждому новое имя. Всякий раз, когда кто-то был “окрещен”, остальные смеялись над этим новым именем. Когда подошел черед Педро, никто иной как Хуичо “окрестил” его. Наконец, Педро выбрал имя для Хуичо, который не мог избежать “крещения” только потому, что был *маракаме*. Для нас на этом церемония завершилась.

Затем последовали несколько более оживленные события, включая разделывание и жаривание козла, и трапеза этого дня. Неожиданно *маракаме* отрядил нас двоих содрать с козла шкуру. Этот выбор оказался для нас сюрпризом, но нас выручил Гуадалупа. Он предложил нам руку помощи в деле свежевания козла, в котором он имел уж куда больше опыта, чем мы.

Церемония закончилась. Мир начал постепенно становиться обычным повседневным миром и для виррарика, и для нас. Хотя мы приняли участие в ней только как “участники-наблюдатели”, мы были очень благодарны этим людям; ведь они дали нам возможность принять вместе с ними участие в действе, позволившем заглянуть, хоть и мельком, в их волшебный мир.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗНАМЕНИЕ НА СВЯТОЙ ГОРЕ

(В нижеследующем повествовании опущены некоторые специфические подробности ритуалов и упражнений — они слишком сложны, что бы их можно было повторить без специально созданных условий и в отсутствие должным образом подготовленного руководителя. Любая попытка воспроизвести их самостоятельно заведомо обречена на неудачу.)

После той первой встречи с виррарика прошло десять или тринадцать лет, если считать от начала моих исследований культуры различных индейских племен, и одиннадцать с тех пор, как я начал руководить группами духовного развития.

Рассказ пойдет о том, как я впервые решился привести такую группу к святыням индейцев. До того я уже несколько раз участвовал в таких паломничествах, но тогда со мной была лишь пара моих друзей-единомышленников, а о том, чтобы привести с собой группу, я и не помышлял.

С самыми продвинутыми из групп я предпринимал походы по высокогорью. Их маршруты проходили неподалеку от ареалов обитания племен, сохранивших весьма необычные практики достижения измененных состояний сознания⁴⁰. К контактам с потомками толтеков я всегда относился чрезвычайно осторожно, отлично понимая, что не стоит приобщать друзей и даже единомышленников к миру индейцев, если на то не было дано особого знака. Ничего страшного, если этот знак так и не появлялся, или появлялся слишком поздно, в любом случае, при работе с группами опыт индейцев являлся для меня всего лишь отправной точкой и указанием к действию, а отнюдь не целью.

Я всегда исходил из того, что не следует стремиться вступить в контакт с иными формами культуры, особенно такими, которые трудно воспринимаются современными представителями западной цивилизации, — если не привел в порядок свои личные дела. Чтобы упорядочить свою жизнь и действовать более эффективно, чтобы сбалансировать свое осознание мира, следует разобраться в своих отношениях с людьми в настоящем и в прошлом, натренировать внимание, ликвидировать болезненные состояния сознания и нездоровые эмоции, отказаться от всех нездоровых привычек,

⁴⁰ Это случалось не так уж часто, так как я никогда не работал с несколькими группами сразу — обычно я набирал одну новую группу в год, и работал только с ней до тех пор, пока не отработывал всю программу.

добиться общего — физического и энергетического — обновления организма, открыть в себе ранее недоступные формы восприятия и развить способность к прекращению внутреннего диалога. Только после этого общение с представителями индейских культур может оказаться полезным для внутреннего развития личности.

Еоае, іа іаааау іі?уаеа аіоо?е паау, іа ое?аіеа аіпоаоі?іі *паіе оііаеи*⁴¹, невозможно проникнуть в мир иной реальности. А если бы и удалось добиться какого-то результата, то, при отсутствии должной подготовки, последствия этого могли бы оказаться самыми плачевными. Точно так же, общение с индейцами превратится для неподготовленного ученика в простую туристическую прогулку по индейским поселениям. Если он и сумеет продвинуться чуть дальше в неизведанные области, то это может оказаться весьма опасной прогулкой.

Мне приходилось работать с людьми, достигшими значительных успехов в деле духовного продвижения к истинной жизни, много работавшими в упомянутых мной сферах духовного опыта. Однако нам пока не удавалось достичь такого уровня при работе в группе. Некоторые из нас, обладая большими способностями к духовному развитию, сумели упорядочить свою жизнь и достичь контроля над собой, но мало кто оказался готов к встрече с неведомым. Многие, особенно те, кто проявлял самый сильный интерес к контакту с экзотической культурой, были в духовном и энергетическом отношении отнюдь не в лучшей форме, и их интерес к индейцам был в основном продиктован тем же стремлением, что заставляло их заниматься измененными состояниями сознания, это была попытка убежать от самих себя. К счастью, подлинная *инаковость* мира индейцев недоступна для тех, кто не отвечает необходимым требованиям. Это относится и к ритуалу. Чтобы воспринять иной мир, нужно обладать “особым зрением”. Им обладает каждый, только вот открыться оно может лишь после долгой борьбы и поисков истинной жизни.

Вот почему я редко беру с собой посторонних, когда отправляюсь на встречу с миром индейцев, хотя втайне мечтаю, чтобы при этой встрече присутствовали и мои “соплеменники”. Мне нужен кто-то, кто сумел бы разделить мои чувства по поводу открытия этого странного и чудесного мира, кто-то, с кем я мог бы поговорить о нем! Но увы, я давно уже понял, что спутниками тех, кто дерзнул выйти за пределы обыденного, являются только одиночество ... и ощущение смерти. Те тайны, в которые им удастся после стольких трудов проникнуть, они вынуждены лицеизреть в одиночестве. То же

⁴¹ См. Введение и первую главу “Учения Дона Карлоса” М., Издательство КОР, 1997.

ощущение знакомо многим выдающимся альпинистам — мало кто даже из их коллег был способен разделить восторг альпиниста на вершине высочайшего пика. Впрочем, по эту нормальную сторону бытия достойных партнеров еще меньше. Не случайно, решив вернуться в Икстлан, Хенаро сказал⁴²: “Тут одни только призраки!” Да, за пределами этой клетки, именуемой “нашей реальностью”, народу довольно мало, зато каждый встреченный там гораздо более “реален”, чем те, с кем приходится сталкиваться ежедневно.

Возвращаясь к моему рассказу. Я стремился создать для своей группы нечто вроде усредненного, доступного для всех ее членов подхода к миру уцелевших толтеков, — для этого-то и нужно было отправиться в пустынные ненаселенные области Сьерра де Пуэбло и нагорья Оахака. В этих землях на каждом шагу ощущается присутствие теней индейцев. Эти горы, ущелья и каньоны духовно и физически питали и питают толтеков. Именно поэтому я решил, что лишь здесь, при условии должного прилежания в упражнениях, мы сможем достичь наибольшего духовного прогресса, а если будет суждено и нам будет подан знак, то и вступить в контакт с индейскими общинами. Главное — ничем не потревожить эти, закрытые для чужих, общины, когда мы будем проходить по их землям, оставаясь один на один с первозданной природой. Такой опыт сам по себе оказался очень полезен, ибо благодаря подобным странствиям мы многое узнали и о мире, и о себе. Именно тут были разработаны многие духовные практики, в особенности требующие приобщения к осознанию Земли.

В мои планы достижения усредненного подхода для групп достаточно продвинутых учеников входил еще один проект, который, впрочем, так и не был осуществлен в рамках групповых занятий — пересечь священную пустыню, где обитали остатки самого “толтекского” из индейских племен: виррарика. Для меня это место всегда было особо значимым, так как оно изначально наполнено особой Силой и Знанием, однако я прекрасно понимал, что оно еще и чрезвычайно опасно!

Попытка пересечь эту пустыню, не будучи собранным в энергетическом отношении, — как на личностном, так и на групповом уровнях, — была бы равносильна самоубийству. Недостаточная подготовка влекла за собой двойной риск: либо не увидеть ничего, кроме своих ментальных проекций, либо подвергнуть себя чисто физической опасности. В этом смысле то, что эта местность кишела гремучими змеями и скорпионами — сушая безделица. В общем, было ясно, что соваться на эту территорию без должной подготовки просто

⁴² См. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан.

не имело смысла, слишком много опасностей подстерегало на пути, и брать на себя такую ответственность было совершенно излишне.

За три года всего четыре раза мы достигали нужного состояния группы, при котором можно было попытаться ступить на эту землю. Трижды эти попытки кончались ничем. Мы следовали проверенной тактике: подготовиться к маршу через пустыню как можно тщательней, а затем идти вперед, до тех пор, пока что-то — какой-то знак или событие — не остановит нас на пути. Короче говоря, наш лозунг можно было выразить следующими словами: “Если дверь будет открыта, мы войдем, а иначе — вернемся”. Ну и само собой, нам трижды не везло: то и дело происходило что-то такое, что препятствовало нам отправиться в путь: разборка между двумя участниками группы, авария одной из машин, недостаточное взаимопонимание группы в целом, буря в пустыне, какие-либо странные происшествия с местными жителями.

Разумеется, кто-то может сказать: “Какая ерунда, все эти мелкие неприятности! Разве это знаки?” Но я считаю, мы поступили правильно: ведь кроме внешних событий, есть еще голос Безмолвного Знания, таящийся глубоко в наших душах, и этот-то голос воспрепятствовал нашему продвижению и подсказал мне единственно правильное решение. Дело не в страхе или каком-то беспокойстве: все три раза мы возвращались, вполне довольные своими действиями, почти равнодушные к своей неудаче, не испытывая разочарования в том, что нам не удалось проникнуть на священную территорию. Лично я не переставал мечтать о том дне, когда мне удастся пересечь эту землю во главе группы, только какая разница, когда это будет? У нас, в общем-то, были свои задачи, и столь дерзкие планы не входили в обязательную программу среднего уровня. Так что, убедившись, что дверь закрыта, мы спокойно возвращались к обычному распорядку занятий, которые сами по себе были не менее интересны и увлекательны.

Но вот однажды дверь осталась открытой, и мы вошли в нее!

Впервые все требования оказались выполненными: эта группа работала вместе уже больше года, и на протяжении тринадцати месяцев образовалось сплоченное сообщество людей, сумевших успешно выполнить все нужные упражнения. Все они заслуживали награды за свои достижения в духовном прогрессе. И я решил, что с такой группой вполне можно отправиться в пустыню — они были достаточно дисциплинированы и упорны, чтобы выполнить любое задание. К тому же, мы ощутили призыв, идущий от самого места: “Войдите!”

Это произошло следующим образом.

На протяжении нескольких месяцев я рассказывал членам группы

о возможном путешествии и о том, какую подготовку они должны пройти для того, чтобы оказаться на территории одной из пустынь в Центральной Мексике, — части священной территории племени виррарика, известной под названием Хумун Куллауаби. Это должно быть не просто путешествие, а паломничество к святыне, таящей в себе великую силу.

Да, именно паломничество, и это не пустое слово, не жалкое подражание какому-то чуждому ритуалу, это естественное продолжение всей той работы, которой мы занимались на протяжении почти года, преобразовывая свою жизнь.

У названия Хумун Куллауаби есть два значения. С одной стороны, это общее название для всей области, включающей в себя не только пустыню, но и несколько гор, высочайшая из которых носит название Ла Унарре, то есть, “Дворец Правителя”. С другой стороны, так называется место в самом сердце этой пустыни, конечный пункт ежегодного паломничества индейцев виррарика (точнее, тех из них, кто принадлежит к очень ограниченной прослойке *пейотерос*). Здесь они устраивают охоту на Оленя-Пейота и проводят другие, связанные с этим, ритуалы. Впрочем, иногда индейцы посещают это место “просто так”, в одиночку или с семьями (но только с самыми близкими людьми).

Наша тактика заключалась в том, чтобы подойти к этому месту по кратчайшему пути, но так, чтобы не пересекать привычного маршрута индейцев-паломников, держась подальше от их стоянок.

Мы разработали план, в котором учли мой опыт общения с виррарика, в особенности их отношение к природе — священному и даже магическому миру. Основной формой движения должна была стать походка внимания. Ориентируясь на виррарика, мы решили исполнить возвышенное духовное действие, получившее у них название “покаяние”, а так же несколько ритуалов, связанных с Дедушкой Огнем Татевари. Разумеется, в программу вошли и упражнения, направленные на стирание личного прошлого с его фетишами. Мне казалось, что мы сможем наладить духовную связь с этим священным местом, пользуясь его энергетической поддержкой и применяя особые упражнения на внимание.

Нужно с самого начала подчеркнуть, что мы вовсе не собирались принимать на этом месте пейот (или любое другое психотропное растение, которое могли бы там обнаружить). На самом деле, одним из основных требований ко всем членам группы был отказ от курения, алкоголя, марихуаны, и прочих вредных пристрастий. Кое-кому это далось очень нелегко, так что было бы смешно после этого обращаться к использованию “растений силы”. Итак, мы не собирались употреблять эти растения внутрь, однако, пребывание в

ареале их произрастания само по себе открывало для нас новые энергетические возможности. Позже мы убедились на собственном опыте, что энергия Хикури (пейота) сильно, влияла на наше восприятие и сознание, на наши духовные способности, позволяя нам погружаться в иную реальность, даже не прикасаясь к священному кактусу, просто все это место было пронизано его энергетикой.

Каждый член группы помимо физической подготовки прошел еще и жесткий духовный тренинг, приучающий к жизни в жестких походных условиях. Предварительно все совершили жертвоприношение Силам, способствующее появлению измененного состояния сознания, направленного на установление связи с Духом. Все мы были твердо убеждены в том, что всякий ритуал потеряет смысл, если не увязать его с той битвой, которую мы ведем каждый миг в этом мире, битве против нас самих, нашей старой, ограниченной личности. И чтобы выразить это символически, каждый из нас самостоятельно изготовил какой-нибудь предмет или подарок Силам тех мест, чтобы должным образом и в должное время вручить им свой дар.

После завершения подготовки, основательно изучив карту местности, мы выступили в путь. Я решил придерживаться “открытой” стратегии, то есть, действовать по обстоятельствам. Первым делом нужно двинуться в путь, без предварительной выработки четкого маршрута, и разбить первый лагерь там, где это окажется удобным для выполнения нашего задания.

По шоссе мы прошли без особых проблем, тревога и страх перед тем, что ждало нас впереди, немного ослабили шутки и подтрунивания “пилигримов”.

Наконец мы подошли к пыльной хижине, отмеченной на карте как поселок Сан -... в общем, поселок на краю пустыни. Найдя подходящую тропинку, мы углубились в поросшую чапаррелем и кактусами пустыню Сан Луис Потоси, простиравшуюся до края горизонта. Далеко слева виднелась вершина Священной горы. Хотя мы ещё не приняли конкретного решения о маршруте, я был заранее уверен, что Ла Унарре послужит нам маяком. Главное, не упускать ее из виду, а уж путь мы найдем! Мы выстроились в цепочку и двинулись вперед, по направлению к горам.

Сначала мы шли по тропинкам, “предположительно” открывавшимся между зарослями. Я говорю, предположительно потому, что они то и дело терялись, сливались с другими тропинками, а затем появлялись снова. Наконец мы поняли, что в пустыне нет иных троп, нежели те, что пролагаем мы сами — можно было свободно двигаться в любом направлении. Солнце уже палило вовсю, и я был рад, что не забыл ни соломенную шляпу, ни головную

повязку.

Итак, я оказался во главе цепочки людей, двигавшихся сами не зная куда. И, тем не менее, я был счастлив! Ведь движение по направлению к чему-то мистическому — это то, что мне всегда было по душе. Шагать и шагать вперед, ничуть не сомневаясь, хотя рассудок и не понимал этого, что непременно дойдешь до цели, хотя точно и не знаешь, ни что она собой представляет, ни где она. Лицо спокойно, только глаза пристально вглядываются в местность, ритмично работают легкие, размеренно движутся ноги, все внимание обращено на то место, куда через мгновение будет сделан шаг. Через некоторое время я услышал, наконец, шепот пустыни — тот ни с чем не сравнимый и ни на что не похожий звук, справедливо называемый иногда голосом тишины. А еще через какое-то время я ощутил не только звук, но и вибрацию всего тела, казалось, что мне передается дрожь внезапно сгустившегося воздуха, или же я пересекаю линии магнитного поля и должен двигаться с максимальным вниманием.

Мы шли и шли по пустыне, но ноги не уставали, наоборот, казалось, что окружающий пейзаж словно подзаряжает нас, появилась какая-то необычная легкость в движениях. Прошло несколько часов, и то, что называлось неопределенным словом “пустыня” постепенно превратилось в постоянно меняющийся, развертывающийся перед глазами ландшафт. Когда вы попадаете в пустыню, вы попадаете не просто в некое безликое место на географической карте, нет, пустыня проникает в вашу душу и сердце, овладевает всеми вашими чувствами. И вот мир превращается постепенно в нечто очень далекое, где-то там, вдали, терпеливо ожидающее, когда мы, наконец, рискнем приблизиться к нему.

Постепенно мы понимаем, что-то, что мы называем “пустыней”, то есть местом, где ничего нет, на самом деле представляет собой целый мир, битком набитый различными вещами: звуками, жизнью, энергией, красотой. Пустыня, ее растительность, необъятные горизонты, молчание, спокойствие, закаты и чистый воздух — все это помогает нам оказаться ближе к Духу, не только Духу, одушевляющему и скрепляющему этот мир, но и Духу внутри нас.

Уже далеко за полдень я решил сделать привал и выбрал место для лагеря. Горы были уже довольно близко. Мы двинулись к назначенному месту, и, добравшись до него, ощутили какую-то особую свежесть атмосферы. Вокруг все дышало спокойствием и миром. Эта свежесть, серовато-голубые тона начинавшихся сумерек, и вообще все вокруг говорило о том, что место было выбрано правильно. Метров за шестьдесят от нас виднелось что-то вроде... берега реки? Да, только без воды — это было похоже на русло высохшей реки. Может быть, оно не всегда бывает сухим, может

быть, раз в году оно превращается в реку в пустыне? Во всяком случае, песок на берегу как нельзя лучше подходил для ночлега. Мы подошли поближе и каково было наше изумление — тут оказалось полно пейота! Под зарослями кустарника было множество ростков священного кактуса, они располагались поодиночке и группами до пятнадцати штук. У некоторых на макушках виднелись распустившиеся цветы.

Сомнений не было, выбранное нами место было домом Хикури, Великого Духа, обитавшего в пейоте, по поверьям виррарика — одного из воплощений Голубого Оленя, Тамаца Кахуллумари! На миг мне показалось, что ночевать здесь будет слишком опасно, но потом передумал — все-таки место достаточно спокойное и тихое. Присутствие Духа места ощущалось каждой клеточкой тела. Мы уже здесь, сказал я себе, мы пришли к Духу, и Дух с нами. Я лишний раз убедился, что действовать безрассудно или легкомысленно в месте обитания Духа просто опасно.

Предупредив членов группы, чтобы они не прикасались к Хикури, я направился вместе с ними к руслу высохшей реки, осторожно обходя кактусы. Русло было сухим, но я понял, что оно живое — ясно чувствовалось присутствие Духа Воды. Да, место вполне подходило для ночлега, и если бы приключилось что-нибудь неприятное, мы всегда могли вернуться сюда и оказаться под защитой Духа этого места.

Мы занялись сбором хвороста и прочего горючего всего, что годилось для создания дома Татевари. Собирая хворост, мы стремились избежать встреч с опасными или ядовитыми животными, а также не пораниться о колючки, и в то же время продолжали тренировать внимание, чтобы достичь состояния повышенного осознания. Как только хвороста оказалось достаточно, мы поставили палатки, и впервые за день поели (хотя кое-кто решил даже сейчас не нарушать поста).

Все мы находились в каком-то особом состоянии духа. Мне даже не нужно было ничего говорить — все и так вели себя как можно тише, стремясь не нарушать спокойствия и умиротворенности пустыни. Каждый занимался своим делом, избегая лишних разговоров, стремясь не рассеять внимание. Надвигалась ночь. Да, наконец-то, подумал я, мне удалось привести в это святое место тесно сплоченную и хорошо подготовленную группу единомышленников. Интересно, что еще ждет нас за этой открывшейся дверью?

Мы вышли на небольшую полянку и стали ждать наступления полной темноты. Некоторые остались стоять, другие легли на землю. Мы молчали, неотрывно всматриваясь в сгущавшуюся темноту, стремясь слиться со скалами и кустарником, отбрасывавшими все

более длинные тени. Мы стремились впитать в себя пульсацию пустыни, настроиться на ее волну, слиться с ней. Только это и ничего больше. Мы понимали, что если мы не шелохнемся, если мы не нарушим тишины, просто “будем здесь”, то станем частью пустыни, частью заката. Наше шумное повседневное “я” постепенно растворялось в тишине и спокойствии пустыни.

Стемнело, наш взгляд обострился, и мы поняли, что эта тьма иллюзорна — на самом деле, мы могли видеть в ней! Благодаря какому-то голубоватому свету, разлитому в воздухе, мы могли различать формы и тени — не нужно было даже включать фонарики. В конце концов; мы сами ничем уже не отличались от теней. Воздух был теплым, именно теплым, не горячим и не холодным. Взглянув на часы, я понял, что прошло уже несколько часов, но для нас время остановилось. Я осознал, что настало время для действия — мы уже слились в единое целое, которое у нас было принято называть *муэгано*⁴³. И как это произошло, никто так и не понял, просто, ничего не говоря, без чьей-либо команды или знака, люди начали сползаться друг к другу, образуя *муэгано*. Я взглянул на небо, и подумал о том, что каждый раз, когда мне кажется, что я уже видел самое прекрасное, что только может быть в мире, он преподносит мне что-то новое, еще более прекрасное — и так, видимо, будет всегда, до самой смерти. Чистое, звездное небо пересекала полоска Млечного Пути. От всего сердца, возблагодарив Источник жизни за явленное нам чудо и возможность наслаждаться его красотой в этом пустынном месте, мы начали готовиться к новому действию.

Прежде всего, нужно было разжечь огонь. Это сделал я, действуя осторожно, как учили меня мои индейские братья, живущие в горах. Такое ритуальное возжигание, если соблюсти все детали до тонкостей, всегда открывает двери для общения с твоим Первопредком, самой древней из всех Сил, Огнем Татевари. Ночь в пустыне прошла под пение песен о Силах, в ритуальных танцах и медитации при безмолвном созерцании огня. Перед рассветом некоторые улеглись спать, а другие остались разговаривать с Великим Предком, испрашивая у него совета или помощи, благодаря его от всего сердца за свет и тепло, его *ниерика*⁴⁴. Никто не захотел скрыться под пологом палатки, настолько было хорошо под открытым небом.

А здесь очень хорошо чувствовалось присутствие Силы. Сам Дух

⁴³ Так называется род мексиканской конфеты, обычно довольно забавного вида. В данном случае, имеется в виду группа людей, ради удовольствия, желания согреться или просто тепла физического контакта, лежащих вповалку, друг рядом с другом или прислонившись друг к другу.

⁴⁴ У слова *ниерика* много значений: в зависимости от контекста, оно может означать вид, видение (особенное то, которое мы получаем в ритуале), зеркало (которым пользуются маракаме для определения знаков, подаваемых Предком-Огнем), жертвоприношение (натянутый на доску холст с изображением своих видений, полученных в ходе ритуала).

Хикури присутствовал здесь, подталкивая нас в мир зеркал, где мы можем увидеть отражения наших сердец и самой жизни — как сияющую внутреннюю сущность, так и их угасшие тени.

На другой день мы практиковали внимание первого и второго уровня, изучали прилегавшую местность, чтобы быть в состоянии всегда вернуться на “наше место”. Оказалось, что упражнения стали выполняться гораздо эффективнее, чем прежде — вероятно, благодаря самой энергетике места. Чувствительность восприятия и желание достичь цели многократно возросли, мы легче преодолевали привязанность к *тоналю*, легче видели и воспринимали явленное нам. Мы готовились к битве, предстоявшей этой ночью.

В соответствии с характеристиками энергетики и яичными качествами членов группы, я разбил ее на два самостоятельных отряда: менее подготовленные и дисциплинированные воины были отправлены на правый фланг, а более подготовленные и сосредоточенные на духовном продвижении — на левый. Каждый отряд разбил свой лагерь и развел свой костер на расстоянии примерно трехсот метров друг от друга.

На первом этапе, который должен был начаться за пару часов до наступления сумерек и продлиться примерно до конца заката, обоим флангам предстояло действовать совместно, предприняв самую яростную атаку на фетишей личностного *эго*. Этот враг очень силен, и я не был уверен, что нам наверняка удастся одержать победу. Затем отряды должны разделить: левый фланг приступит к выполнению ритуальных практик, обеспечивающих доступ в иную реальность, к осознанию иного “я”, правый же фланг займется отработкой техники нестандартного подхода к освоению привычной реальности. Таким образом, оба отряда займутся двумя основными задачами воина, а по сути, двумя основными сферами мира и личности: *тоналем* и *нагуалем*.

Вечером битва с фетишами личного *эго* была в полном разгаре: воины поодиночке удалялись в пустыню, и с того места в высохшем русле, где я расположился, был отлично слышен ее шум! Это было впечатляющее зрелище. Хотя в глубине души я сомневался, что все бойцы вернутся победителями, скорее всего, придется еще не раз увидеть возвращение чудовищных фетишей, в очередной раз торжествующих свою победу над настоящей жизнью. Представив себе, как эта орда чудовищ врывается в наш лагерь, я содрогнулся от ужаса. Вот воины потянулись назад в лагерь, и — о чудо! — это были мои друзья, пережившие тяжелую битву, заставившую напрячься все их существо до глубины души, только освободившиеся от бремени фетишей. Хотя, к сожалению, торжествовать было еще рано — надвигалась ночь, а у нас было еще столько дел!

Отряды собрались вместе, и каждый получил свое задание. Я отправился с теми, кто должен был сражаться на левой стороне сознания и мы попрощались с правым отрядом. Это был очень волнующий момент — все понимали, что на этот раз успех каждого отряда в значительной мере зависит от достижений другого отряда.

Итак, правая группа осталась в русле ручья, а мы расположились лагерем примерно в трехстах метрах от них, чтобы в случае необходимости можно было слышать друг друга, не напрягаясь и не повышая голоса. Исполнив ритуал возжигания огня, мы приступили к делу. Как всегда действие началось с созерцания пламени и достижения состояния внутреннего умиротворения. Затем мы начали призывать силы этой местности: мы раскрыли перед ними свои души, и начали пробуждать осознание второго “я”, осознание *нагуаля*.

Мы исполнили ритуальные песнопения и действия, позволяющие пересечь границу между двумя сторонами сознания. О том, что мы увидели за этой чертой, я, к сожалению, не могу поведать многого, так как это слишком личное переживание (не смотря на то, что наши сознания поддерживали постоянный контакт друг с другом).

Для меня эта ночь и в самом деле была решающей в жизненном плане — я должен был разрешить самые важные вопросы своей личной жизни, касающиеся моей работы с группами учеников и с индейцами. И я получил на них ответы! Но каждый ответ давался мне только после тяжелого боя, подчас слишком тяжелого. Каждый раз, получив очередной ответ, я хотел передать его моему другу Рене, чтобы он напомнил мне его впоследствии. Эти ответы дались мне слишком тяжким трудом, чтобы позволить себе забыть их после возвращения на правую сторону сознания. Особенно тяжелая эмоциональная ситуация сложилась после того, как я почти получил ответ на третий вопрос, касающийся душевного баланса между моими душевными привязанностями и моим долгом воина и учителя — настолько обострились ностальгия, связанная с непосредственным восприятием мистического, и ее верный спутник — чувство одиночества.

И тут я повернулся к Ла Унарре и мои спутники тоже развернулись к горе, кое-кто даже начал показывать на нее пальцами, не в состоянии сдержать свое изумление, — Священная Гора светилась! Из ее вершины исходили широкие световые лучи, словно там были установлены прожектора. Рафаэль поднялся и двинулся по направлению к горе, бросив остальным: “Мы должны идти туда, она призывает нас!” Остальные некоторое время колебались, не зная, что делать. Было ясно, что это призыв, но как можно отправиться в такое опасное путешествие ночью?! Даже днем нужно было бы потратить не меньше пяти часов, чтобы добраться до подножия горы, а сколько

еще нужно, чтобы забраться на вершину?

Я сказал им, что мы позже примем этот вызов, а пока нужно сражаться здесь, на этом месте. Тем не менее, все воины ощущали острую потребность в том, чтобы двинуться к горе, даже ночью. Виррарика говорят, что на Хумун Куллауаби водятся не только Голубой Олень и другие добрые Силы пустыни, но и Какаярес, многоликие демоны пустыни. Мы принадлежим к западной цивилизации, и, в силу своего воспитания, не слишком верим в существование богов и демонов, однако мы можем признать, что в мире существуют неизвестные нам силы и энергии, присутствие которых особенно чувствуется в таких местах, как это. А если так, то какая разница, как называются эти силы местными жителями? Хотя вроде бы ничего страшного нам не грозило, все-таки нужно было вести себя осторожнее.

Наш марш продолжался около часа, и за это время нам пришлось навидаться всякого, однако мы держались плотной группой и сумели дать должный отпор всем напастям. И все это время, пока мы не вернулись в лагерь, Дворец Правителя испускал сияние.

Наконец, уже после пяти утра, после нескольких часов пребывания на левой стороне сознания, мы легли спать.

Примерно в восемь утра мы проснулись, и первым чувством была радость оттого, что мы остановились на этом месте: каждый из нас получил несколько важных уроков, способствующих дальнейшему продвижению по пути духовного развития. Затем мы почувствовали неодолимое желание узнать, что же случилось с правой группой. Мы устремились ко второму лагерю, и можете представить себе радость нашей встречи!

Они тоже провели время недаром и в доказательство пропели несколько куплетов из духовной песни, сочиненной в эту ночь.

Затем мы плотно позавтракали под лучами яркого утреннего солнца.

Дворец

Мы снова двинулись цепочкой по пустыне и вскоре миновали полу развалившиеся дома заброшенного шахтерского поселка Реал де Каторсе. Путь к Ла Унарре лежал через цепочку голых холмов (хотя большинство возвышенностей в той местности покрыто изумрудной травой). По мере того, как мы поднимались все выше в гору, воздух становился прохладней и влажнее. Перед нами открывалась все более широкая перспектива тянувшихся по пустыне холмов — ни деревца, ни дома, ни путника, только заблудившийся ослик маячил где-то вдалеке.

Оставались только мы, пилигримы. Я почувствовал прилив гордости: мы шли тем же путем, что и тысячи странников за многие века до нас. Мы, как и они, шли в поисках Духа, по той же земле, под теми же небесами. Мы не слишком отстали от этих путников, ибо карабкались вверх вовсе не ради спорта и не развлечения ради. Это было органической частью нашего пути, нашего духовного восхождения, начавшегося много лет тому назад. Мы тоже шли к Духу — мы тоже шли искать своего Голубого Оленя.

Однако я пока еще многого не знал, хотя и мог уже ясно чувствовать. Так, из космогонических легенд виррарика я знал, что эта гора — место, где творились чудеса, но знания этого оказалось недостаточно — я просто ощущал, что за этими скалами, за этим песком, скрывается нечто такое, что может открыться только тому, кто знает правильное заклинание.

Подъем становился все круче. Время от времени узкая, почти незаметная взгляду тропинка, по которой мы следовали, разделялась надвое у сходящихся холмов. Вершины Дворца отсюда не было видно, верхушки холмов загораживали ее. Я встал в “голову” цепочки, чтобы не сбиться с пути — иначе мы могли забрести на вершину совсем другой горы! “Прогулка внимания” продолжалась, и становилась все более напряженной. Я оглянулся и с радостью обнаружил, что цепочка не распалась — всем членам группы удалось выдержать единый ритм, мы двигались, как единое целое. Наконец-то эти люди научились двигаться правильно! На меня нахлынула волна ощущения причастности к единому энергетическому телу, словно мы оказались внутри огромного силового пузыря. И в самом деле, мы превратились в единое тело, целостность которого поддерживалась силой внимания. Это дремало, и так восхитительно было чувствовать себя членом группы. Как писал Октавио Паз: “Нет тебя, нет меня, есть только мы”⁴⁵. Но мы были связаны не только между собой — мы стали частью гораздо большего целого, Тлалтипак (Земли), или, как называют территорию виррарика, Татей Урианака. А через нее мы пребывали в гармонии со всем миром. Да, когда ощущаешь себя связанным с этой Матерью, путешествие не может наскучить. У нас не оставалось места для жалости к себе или тщеславия — мы были поглощены тем, что открывалось нашим глазам и другим чувствам, мы полной грудью вдыхали горный воздух. Вперед!

Наконец, перед нами предстала вершина горы Дворца. Мы двинулись вперед, все отчетливее понимая, почему эту гору называли священной. Это была святыня, где появился на свет Тамац Кахуллумари. Ощущение повышенной энергетики местности все

⁴⁵ См. “Piedra de Sol” в Octavio Paz, “Libertad Eajo Palabra”, Fondo de Cultura Economica, Mexico City, 1990.

возрастало, создавалось впечатление, будто мы приближались к реактору, только излучаемая энергия была неопасной, скорее, она навевала какое-то умиротворение. Мы чувствовали, что с каждой минутой наше существо меняется — на шумы внимания и ограниченное видение повседневной жизни накладывалось внутренне осознание.

Мы преодолели последнее препятствие на пути к вершине — склон был столь крут, что мы не видели цели своего путешествия, его загородила скала. Наконец, мы оказались наверху, и перед нами простерлась бескрайняя панорама пустыни. Перед нами лежала Хумун Куллуаби. Воздух был совершенно прозрачен, и вид открывался вплоть до самого горизонта. Крошечные деревеньки, которых и на картах не найдешь, нисколько не портили пейзажа. Тут правила только природа, только Дух. Я оглянулся на своих спутников, и понял, что они тоже до глубины души потрясены этим зрелищем. Глаза блестели, чувствовалось, как сильно повлияло на каждого из нас путешествие. Да, та прогулка перевернула каждого из нас!

Повсюду виднелись следы пребывания виррарика: круглая площадка, где они совершали приношения Предку Огня, и сами приношения — стрелы, *наерика*, оленьи рога, свечи, шоколад, зеркала, и прочее. Я распорядился, чтобы никто ничего не трогал, чтобы не прикасались даже к камням.

По вершине Дворца Правителя проходила трещина, рассекающая ее на две, резко отличные друг от друга, половины. На левой, где лежали приношения, виррарика, судя по всему, совершали свои жертвоприношения. Мы же стояли на правой половине, примерно в трехстах метрах от “сферы виррарика”. Свалив на землю нашу поклажу и разведя костер, мы приготовились принести жертву Силе Горы. На этот раз в приношение вкладывался совершенно особый смысл, которого мы не могли предвидеть раньше. Каждый произнес свою молитву в одиночку, по-своему, в том месте, которое казалось ему наиболее удобным. И это была кульминация нашего путешествия в этом храме, созданном самой Природой.

Было уже поздно, и мы решили заночевать на вершине. Собрав “топливо”, соорудили из камней кольцо и разожгли внутри костер. Больше делать было особенно нечего, и мы сидели вокруг костра, беседуя о том, о сем, о наших жизнях, нашей борьбе, о наших переживаниях, которые мы испытали на этом пути. Никто из нас не забудет этого двойного путешествия — телесного и духовного.

Ночью стоял ужасный холод, дул ледяной ветер. Мир повернулся к нам другой стороной, мистической и необъяснимой. Мы почти не спали в эту ночь. Утром нужно было возвращаться домой.

Когда лучи солнца коснулись вершины горы, я вылез из спального

мешка, сказал “Доброе утро!” утру, пустыне и Святой Горе, и тут же начал составлять план на обратный путь. Мои спутники еще спали, и я решил немного пройтись. Повинуясь какому-то бессознательному импульсу, я отправился на левую сторону вершины и тут вздрогнул, не веря своим глазам: наяву ли это, или во сне? По склону горы поднималась группа индейцев, явно направлявшаяся к вершине — вот этого я не ожидал! Конечно, повсюду были следы индейцев, но кто бы мог подумать, что в тот момент, когда мы уже собирались покинуть гору, здесь появятся они!

Индейцев было девять, они были одеты типично для виррарика: вышитые брюки, яркие рубашки с распахнутым воротом, шляпы с перьями, заплечные рюкзаки с провизией и прочими необходимыми вещами. Я снова не мог не восхититься их походкой, которую столько лет изучал — насколько точен был ритм и шаг! Они двигались в полной тишине. На лицах лежал отпечаток духовного подъема, говорившего о том, что восхождение на Ла Унарре — всего лишь завершающая часть многодневного физического и духовного пути.

Я так и остался сидеть на корточках, пытаюсь определить, нет ли среди виррарика моих знакомых. Похоже, никого! Эти индейцы явно были из другого поселения, в котором я никогда не был. Взглянув на своих спутников, я увидел, что они еще спят, и, следовательно, не могут помешать индейцам — можно было слегка расслабиться. Индейцы молча прошли мимо меня, мы только приветственно подняли руки. Разумеется, ведь это кульминация их паломничества, тут не до слов и всякого рода вежливостей. Впрочем, я видел только их тела — их сознание было где-то далеко, в мирах, которые, возможно, были недоступны даже мне.

Совершенно молча, не глядя друг на друга, они двигались ритмично и синхронно, направляясь прямо к месту жертвоприношений. Повинуясь какому-то импульсу, я повернулся и увидел, что проснулся один из моих спутников — как раз тот, кто лучше всего умел обращаться со вниманием и имел опыт общения с виррарика. Я слегка кивнул ему, подзывая поближе. Мы стали наблюдать за виррарика — они устроились в шестидесяти метрах от нас, встали в круг, и начали что-то обсуждать на своем языке, причем, не обсуждать, они совершали ритуал. *Маракаме* вынул свой *мувиери* и благословил каждого из паломников. Было и другое, чего я пока еще не мог понять.

Почему-то я ощутил такое волнение, что мне захотелось подойти поближе, оказаться в кругу совершающих ритуал. Мы осторожно приблизились и остановились в десяти метрах от виррарика, ожидая какой-либо реакции с их стороны. Если бы они сделали неодобрительный жест, мы немедленно удалились бы. Виррарика,

разумеется, заметили нас, но никак не отреагировали: они просто продолжали свой ритуал. Впрочем, ведь они видели мир совсем не так, как мы — они видели намного дальше. Я чувствовал себя в очень глупом положении — что-то “подталкивало” меня, но я не понимал, что происходит. С одной стороны, я чувствовал себя нарушителем спокойствия, с другой — я настолько восхищался этими людьми и их образом жизни, что не мог сдвинуться с места, замороженный ходом ритуала. Хотя я давно был знаком с виррарика, подолгу жил в их поселениях, и даже чувствовал себя сродни им, иногда мне казалось, что по части ритуала я — полный профан, поскольку в нем были целые области, в которых я ничего не понимал, и сейчас передо мной как раз развертывалось такое действо.

Меня никогда не приглашали и никогда не брали с собой в самое важное в духовном смысле странствие виррарика — в паломничество на Хумун Куллуаби. Разумеется, это место было мне хорошо известно, и я не раз посещал его с моими друзьями-индейцами, но никогда не был здесь в качестве настоящего паломника. Не то, чтобы я чувствовал какую-то неполноценность, — просто оставался целый мир, в который у меня не было доступа. Наверное, поэтому я и не хотел форсировать события и “напрашиваться” на то, чтобы меня тоже пригласили. Кроме того, я прекрасно понимал, что я все-таки не виррарика. Я совершал, конечно, духовные путешествия, и все-таки мог только гадать о том, как же совершают свои путешествия в сознании прямые потомки древних толтеков.

Глядя на то, как эти люди пели гимны Земле, горам и Силам Вселенной, я чувствовал, словно мне была дарована милость заглянуть сквозь толщу времени на много веков назад: за тысячу лет до того предки этих людей совершали в этом месте точно такой же ритуал. И та же сцена повторялась здесь пятьдесят, сто, двести и более лет назад, невзирая на то, каким путем развивалась западная цивилизация (и, несмотря на наше присутствие сегодня). О, сколь многому предстояло научиться нам у этих людей, до сих пор считавших Солнце, облака, горы и другие природные явления проявлениями лица Духа, и уже потому священными!

Я снова посмотрел на виррарика, занятых своим ритуалом на вершине Священной Горы и подумал — какое счастье, что они до сих пор не исчезли с лица Земли! Благодаря им, так называемое “знание индейцев” не утрачено полностью, оно еще живо и, если мы хорошенько постараемся, то еще сможем найти контакт с этим Знанием и сохранить его для себя, пока оно окончательно не исчезло. Я слышал столько легенд и сказок о толтеках, так часто видел их во сне — и вот они рядом, прямо передо мной!

Я вслушивался, вглядывался, вчувствовался в их действия и все-

таки не понимал сути происходящего, она ускользала от меня. О, как хотелось мне быть сейчас с ними, в их кругу, полноправным участником, а не посторонним зрителем. На мгновение я даже горько пожалел о том, что не родился виррарика, чтобы понимать их язык, так же, как они, вникать в магическую основу мироздания, быть среди них, быть одним из них. Но потом я опомнился, в конце концов, даже то, что мне было позволено видеть происходящее перед моими глазами — уже счастье.

Наконец, виррарика сделали перерыв, решив перекусить — достали *тортилас*, воду и занялись трапезой. Один из них подошел к нам, и мы немного поговорили: мы рассказали ему о том, что мы делаем на горе, и в каких индейских поселках мы побывали. Эти индейцы были из Сан Адреса. Виррарика рассказал о своем паломничестве, познакомил нас со своими соплеменниками, и мы договорились о новой встрече в горах. Затем мы расстались с ними, чтобы они смогли завершить свой ритуал и оставить жертвоприношения.

Вернувшись в лагерь, мы увидели, что остальные члены группы проснулись и изумленно смотрят на нас. Им явно не терпелось расспросить нас обо всем, но я сказал им, что расскажу все позже, а сейчас мы *должны* соблюдать тишину, пока виррарика не завершат свой ритуал. Наконец, все было кончено, и они удалились, безмолвно попрощавшись с нами. Я следил за их цепочкой до тех пор, пока она не скрылась за холмами. Почему-то я почувствовал в сердце надежду — не знаю, пришла ли она ко мне извне, или мое сердце готово было излить ее миру. А может, и то, и другое вместе?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПАЛОМНИЧЕСТВО
НА ХУМУН КУЛЛУАБИ

*Мы идем по пути,
По пути в рай.
Как прекрасен цветок пейота!
Мы идем в поле
Где ты растешь,
Где скрываешься,
Подобно оленю
В райской траве.⁴⁶*

Захватывающее начало

Маноло должен был наконец добраться в Ксонакату, где была назначена встреча с *маракаме* Антонио и *хикарерос* из Санта Марии. Сколько препятствий пришлось преодолеть на этом пути на Хумун Куллуаби! Грузовик, нанятый за три месяца до выезда из Мехико, сломался за десять часов до назначенного срока! Ни одна компания не смогла предоставить нам за такой короткий срок другую машину, даже за повышенную цену. Достать машину в университете или в ИНИ⁴⁷ оказалось практически невозможно — слишком много бюрократических препон нужно было преодолеть. А нас уже давно ждали! Грузовик требовался, чтобы отправиться с нашими друзьями в Паломничество, и если бы нам не удалось его достать, все пошло бы прахом.

Я решил, что Маноло нужно отправиться в Закатекас и попросить профессора Хосе Мария Палое из Государственного университета, помочь нам. Ведь этот Университет в частности, и профессор в особенности были заинтересованы в изучении виррарика. Остальные остались в Мехико и продолжали поиски там. Мы столько работали, чтобы это путешествие состоялось, и вот, в последнюю минуту, все грозило рухнуть! Ставка была слишком высока: мы были в долгу не только перед виррарика, но и перед Духом. Я висел на телефоне, делая один звонок за другим, а в голове билась одна мысль: “Что будет, если мы не справимся? Тогда все Паломничество пойдет прахом!”

Однако по телефону слышалось только “нет”. Отчаяние начинало захлестывать наши души, но мы не сдавались. “Мы не можем

⁴⁶ Индейская песня.

⁴⁷ Institute National Idigenista, Национальный индейский институт.

проиграть!” Диининг! И снова телефон!

— Вик! Мы достали в Университете Закатекас трехтонку! Я выезжаю в сторону Мекскитик, и оттуда прямо в Ксонаката.

— Маноло, слава Богу! Ты просто возвращаешь меня к жизни! Попроси кого-нибудь заехать за мной в аэропорт, я вылетаю в Закатекас первым же рейсом. Как только договоришься с остальными, оставь сообщение Эльвире, она сообщит мне, как нам найти друг друга.

Ксонаката

Старый университетский грузовик грузно подпрыгивал на колдобинах “дороги”, труднопроходимой даже для вездеходов. В машине сидели Луис Мануэль и Вентура, университетский шофер. Учитывая состояние дороги и изношенность трехтонки, им оставалось только молиться деве Марии и всем святым. Метрах в двадцати пылила машина с Маноло и его приятелем, также молившимся, чтобы подвеска и их желудки выдержали эту тряску.

Маноло пытался расслабиться, созерцая кипарисы по обочинам и наслаждаясь чистым горным воздухом. Он попытался “настроиться”, стремясь очиститься от сомнений и вернуть в свою душу Дух. Что там, в Ксонаката? Подождут ли они нас? Сумеет ли грузовик вместить их всех?

Дорога, по которой они ехали, шла по верху сьерры, а внизу виднелись каньоны и горы. Наконец, она начинает медленно опускаться вниз, в прекрасную долину, окруженную лесами Ксонаката! Лучи заходящего солнца расцветили небо голубыми, зелеными и радужными оттенками. Души моих товарищей словно погружались в сумерки сознания, знаменующие близость мистического. Хотя их “паломничество” началось несколько месяцев назад, “истинный дар” только начинал маячить на горизонте их осознания, и наступающий в душах закат знаменовал прощание с миром, ибо теперь для них оставались только Дух виррарика и узоры Тамаца.

Маноло нажал на газ, обгоняя автобус, чтобы поспеть вовремя. Фары “ниссана” высвечивали небольшой клочок дороги, терявшийся в беспредельности окружавшей нас кромешной темноты. Дорога шла все дальше вниз, пока появившиеся впереди и ниже огни костров не возвестили вскоре о прибытии к месту встречи с виррарика. По мере приближения к кострам напряжение нарастало. Темные силуэты индейцев в свете Татевари казались какими-то волшебными существами — да по сути, они такими и стали после того, как

отправились на Хумун Куллуаби. Паломников согревали четыре костра. Некоторые беседовали между собой, другие сидели молча.

— Это виррарика! Они ждут нас!

— Но как их много! Похоже, сюда собрались все *хикарерос*!

— Да, тут и *хикарерос*, и много кто еще. Да их, наверно, человек пятьдесят! Нам нужно найти Антонио!

Около одного из костров удалось обнаружить Лигию и Армандо, приехавших раньше на другой машине. После традиционных объятий и приветствий, Маноло рассказал им о всех перипетиях с грузовиком, о провале первоначального плана и как с большим трудом удалось достать другой грузовик, поменьше и к тому же из-за этого пришлось слегка опоздать.

— Да, дела обстоят не самым лучшим образом. Виррарика нервничают, они прождали нас уже несколько часов. К тому же, их пришло тридцать три человека. Они рассчитывали, что мы пригоним грузовик побольше, чтобы он доставил на Хумун Куллуаби всех сразу.

— Черт! Да в эту машину влезут максимум двадцать пять!

Пока они обсуждали эту проблему, к ним подошел Антонио, *маракаме* и вожак *хикарерос*.

— Тоньо, у нас проблемы с грузовиком. Но не волнуйся, мы достали еще один, он уже на пути к нам.

— Хорошо! Тогда идите к нам, споем и станцуем вместе!

Маноло и остальные подошли к разведенному виррарика костру. Там уже собрались остальные индейцы. Перед тем как вернуться к песням и танцам, они решили поинтересоваться тем, что случилось с грузовиком. Маноло снова стал рассказывать всю историю с поломкой старого грузовика и поисками нового. Все шло гладко до тех пор, пока он не возвестил им, что пригнанный нами грузовик может вместить только двадцать пять человек. Услышав это, виррарика озабоченно зашептались. В этот миг *теварис* (метисы) поняли, насколько большая ответственность возложена на них. И тут на арене появляется грузовик и один из виррарика разочаровано восклицает: “Ай! Там и в самом деле не поместится больше двадцати пяти человек, а нас тридцать три!” Тайяу, виррарика примерно тридцати лет, известный хорошим знанием испанского и поэтому отчасти выступающий в качестве представителя индейцев, излагает нам суть сложившейся ситуации:

— Понимаете, они так нервничают потому, что каждый потратил очень много сил, чтобы оказаться здесь. Если уж ты начал паломничество, и потом не попал на Хумун Куллуаби — это может плохо кончиться, можно заболеть или случится что-то в этом роде. А ведь у каждого есть свои, и очень важные причины дойти до Горы, и

каждый приготовил свои подарки Духу. Хикарерос должны завершить свою миссию, к которой они готовятся на протяжении вот уже пяти лет. Остальным нужна помощь Духа потому, что у них в семьях есть больные, а кто-то исполняет обет. Неужели мы оставим их здесь?

Пока Тайяу говорил, ропот среди виррарика все возрастал, пока они не загомонили все вдруг. Хотя они говорили на своем языке, в их речи то и дело мелькали испанские выражения, так что *теварис* поняли, что речь идет о том, каким путем осуществить отбор тех, кто поедет, а кто останется здесь. Кое-кто заявлял: “Нет, я не поеду!” или “Я останусь здесь!”, а другие наоборот, говорил: “Пусть едут только *хикарерос* — раз мы не можем поехать все, пусть едут те, кому это больше всего надо!” Хотя они не впадали в ярость, — вообще мне никогда не приходилось видеть, чтобы виррарика на что-то сильно сердились, — дискуссия продлилась не меньше получаса. Все это время мы — *теварис* — чувствовали себя последними свиньями, из-за которых и заварилась вся эта каша.

Все это время *маракаме* Антонио, и *уруквакалп* Лусиано, старейшие и самые уважаемые представите ли группы, лежали себе в стороне около костра, словно разгорающийся спор их совершенно не интересовал.

— Эй, Маноло, почему бы тебе не раздобыть другой грузовик, чтобы мы могли увезти всех? — спросил Тайяу.

Посоветовавшись, *теварис* пришли к выводу, что это невозможно. А если бы не удалось раздобыть тот грузовик? Маноло содрогался от одной мысли о возможных последствиях.

— Жаль, но мы ничего не сможем сделать, придется ехать только на этом грузовике.

На мгновение воцарилась тишина. И тут поведение виррарика резко изменилось, словно не найдя решения после долгой дискуссии, они решили, — просто решили, и все, — перестать тревожиться и волноваться, не придавать особого значения собственной значимости.

— Отлично! Если всем ехать невозможно, пусть наши старейшины (в это время все еще лежавшие у костра — решат, кому ехать, а кому оставаться!

Не говоря больше ни слова, виррарика принялись за работу: один индеец достал маленькую ритуальную скрипку, другой — такую же маленькую гитару. Они заиграли, а остальные, так же безмолвно, выстроились друг за другом в длинную цепочку, и начался ритуальный танец. Гитара и скрипка издавали характерные для ритуальной музыки виррарика короткие повторяющиеся аккорды, обладающие, при всей их простоте, колоссальным воздействием. Их никогда не устаешь слушать, и чувствуешь, что музыка как бы связывает тебя с какой-то неведомой силой, исходящей из неведомого

пространства, силой доброй и радостной. Эту мелодию легко услышать в походе, на танцах, на охоте за Хикури и за оленем.

Цепочка индейцев, превратившись постепенно в спираль, закружилась вокруг костра, все ближе и ближе придвигаясь к Татевари. Почти коснувшись пламени, спиралевидная цепочка вдруг изменила направление и начала раскручиваться назад. Индейцы двигались ритмично, ни разу не натолкнувшись, друг на друга. Казалось невероятным, нечеловеческим, но так и было: мужчины и женщины двигались вокруг огня в танцевальном ритме настолько слитно, что казались единым целым, только тени мелькали и слышался треск поленьев.

Время от времени кто-то из них произносил что-то на своем языке, тогда они останавливались и о чем-то совещались, время от времени радостно восклицая, а в это время другие свистели в рожки, сделанные из бычьих рогов. Все это знаменовало “прибытие” в одно из священных мест индейцев.

Мы, *теварис*, изумленно наблюдали за этим невероятно красивым и волнующим ночным представлением, и старались усвоить преподанный нам урок. Свое восхищение и признательность мы решили выразить в таком же танце, только несколько в стороне, так как не осмеливались влиться в индейскую группу. Когда виррарика увидели, что мы танцуем так же, не останавливаясь, не отдыхая, хотя прошло уже несколько часов, они начали подбадривать нас: “Ага! Вот так! Правильно!”

Часа через три танец прекратился, но не прекратилось состояние обостренного внимания. Один из индейцев начал выкликать имена, названия священных мест, произносил еще какие-то непонятные нам слова на своем языке, а все остальные хором подхватывали их, и сопровождали приветственными криками. Это было благословение всему самому важному в их мире, и одновременно призывание удачи для всех паломников, удачи в трудном путешествии, в которое они отправлялись. Среди этих слов мы разобрали даже названия наших машин и грузовика, к которым тоже призывалось благословение. Благословения призывались и на нашу голову.

Снова начался танец, продлившийся около двух часов. Затем все отправились спать. Путешествие на Хумун Куллуаби началось!

Огромное скопище зданий, небоскребов, улиц начало быстро уменьшаться в размерах, превращаясь в бескрайнее бетонное озеро. Самолет поднимался все выше, и вскоре город полностью скрылся за облаками. Я прикрыл веки и постарался расслабиться — наконец-то я на пути домой! Я еще плохо отдавал себе отчет в том, что же такое приключилось со мной там, в горах, однако чувствовал, что рано или поздно весь этот хаос впечатлений уляжется, и я сумею восстановить

внутреннее душевное равновесие. Еще раз я мысленно перебрал в памяти все эпизоды моего пребывания в Мексике, завершившиеся этим взлетом: горные маршруты, встречи с виррарика, духовный опыт, приобретенный в пустыне Сан Луис, работа с учениками.

Виррарика считают свою жизнь путем, на котором каждый прожитый день — это один шаг. Ведет этот путь к Духу. И я все время, с самого раннего детства, представлял себе свою жизнь точно так же, в этом же ключе. Каждое мое дело, каждое начинание приближали меня к Источнику Всего, к Началу. Путь мой проходил по удивительно странным местам, я переживал самые невероятные, и на первый взгляд, ничем не связанные между собой приключения. И все же я чувствовал — между всеми этими событиями есть какая-то внутренняя связь, что все они связаны с моими поисками своего подлинного “я”, осознания моей связи с Духом.

Сюда можно отнести и чтение книг о Мексике в детстве, мои приключения в походах, исследование Мексики, встречи с крестьянами и индейцами, проникновение в мир мистики, психологии, антропологии и затем — антиантропологии. Встреча с Духом Земли. Открытие моря и китов, разговоры с дельфинами. Полеты на планере, чем я зарабатывал на жизнь в течение года своего “отсутствия”. Рабочие группы, курсы, конференции в различных странах. Странствия по джунглям, пустыням, горам со снежно-белыми вершинами, по каньонам и горным рекам, спуски по речным порогам. Озера. Мое пребывание в мире *нагуаля*, ощущение смерти, стоящей всего лишь в нескольких сантиметрах от меня. Создание “Учения Дона Карлоса” и все, что за этим последовало.

Я двигался вперед, не позволяя себе и малейшей передышки, но труд этих лет, и ощущение слабого шепотка Духа, зовущего, ведущего меня вперед, я не променяю ни на что. Да, моя цель — приобщение к мистическому. Не знаю, куда унесет меня этот самолет, но теперь я спокоен — я был в том мире, о котором мечтал, жил той жизнью, о которой мечтал, так что теперь мне уже не о чем мечтать и моя борьба была не напрасной. Теперь я готов умереть с улыбкой на устах. Мне пришли на ум слова стихотворения, точнее, песни кубинского поэта и певца Сильвио Родригеса, называющейся “В конце пути”: “даже в объятиях смерти мы не перестанем улыбаться”.

И я был рад, что наконец-то начался мой путь на Хумун Куллауаби. Не научная командировка, не экзотическое путешествие в мир индейского фольклора, а еще один шаг, неизбежный шаг, на моем пути к Духу. Конечно, я часто слышал о Хумун Куллауаби от индейцев, знал из первых рук описания стоянок на этом священном пути, но то, что я должен пережить на этой горе... то, что переживают там индейцы — для меня это оставалось полной тайной. Я вспомнил

слова дона Хуана, переданные Кастанедой: “Тот, кто отправляется за Знанием, подобен воину, отправляющемуся на войну — он полностью осознает себя, испытывает трепет, но в то же время полностью уверен в своих силах”.

Даже мои драгоценные виррарика, и те испытывают страх и трепет. Однажды у меня состоялся с одним двадцатидвухлетним индейцем такой разговор:

— Эй, Фермин, ты уже ходил на Хумун Куллауаби?

— Нет, я только тут слоняюсь, надо мной уже смеются!

— А в чем дело?

— Просто мне страшно, вот и все!

— Да что такое там может с тобой случиться? К тому же, это ведь твой долг?

— Верно, долг, только все равно страшно. Я уже три года как должен был туда пойти, да вот никак не решусь. Мне нужно набраться мужества, а то как бывает — только я решу, что нужно идти, — тут же и струшу.

— Но чего ты боишься?

— Да страшно ведь. Сам посуди — туда отправляются затем, чтобы понять, в чем смысл твоей дальнейшей жизни, кем тебе предстоит стать: знахарем, крестьянином, *маракаме* или кем-то еще. И пейоту нужно столько съесть, просто страх.

— Да ты ведь пробовал уже пейот! И потом, все, кто его пробовал, любят пейот, все любят Хикури, чего же бояться?

— Нет, тут совсем другое дело. Самое главное тут — честно исповедаться. Перед тем, как отправиться на Хумун Куллауаби, каждый должен исповедаться перед всеми, рассказать о своих грехах, ничего не утаивая. Так нужно, чтобы очиститься. Ведь если ты что-то утаишь, то потом на Хумун Куллауаби, тебе придется туго, ты можешь навлечь на себя беду или заболеть. Можно даже умереть.

— А что же с пейотом?

— Ну, там совсем другое дело! Это не то что здесь, съел немного, так, чтобы веселее было ходить или работать, легче услышать советы Бога. Там тебе дают здоровенную порцию, и насильно заставляют ее съесть!

— А если откажешься?

— Тогда тебя будут бить! Они позовут таких парней, их называют шерифами, и они бьют тебя до тех пор, пока ты не съешь. И это надо сделать быстро, потому что остальные ждут своей очереди.

— А потом?

— Ну, потом... самое главное — это правильно исповедаться. Если сделаешь это хорошо, то увидишь и услышишь Тамаца, он расскажет тебе все, что ты хочешь узнать о будущем. Остается только сидеть и

слушать. А если ты исповедаясь плохо, то потом это выяснится, потому что такой человек начинает кричать и пытается убежать, — ведь ему является не Тамац, а демоны или другие страшные существа.

— Ну и что тогда бывает? Остальные помогают такому человеку?

— Они помочь не могут, это ведь твоя вина в том, что ты не исповедался до конца. Они такого человека привязывают к дереву и заставляют его принять положенные муки. Раз уж начал, то отступить нельзя!

— Ого! Теперь я понимаю, что тебя страшит. Придется и мне хорошенько задуматься над этим!

— В общем, я тебе сказал, самое главное — правильно исповедаться, до конца. Тогда есть шанс, что на будущий год я смогу присоединиться к *хикарерос*.

Вместе с друзьями и группой виррарика, я направился к Сапотекас, что на границе штата Сан Луис Потоси. Вдруг машины остановились у обочины шоссе. Вся группа паломников была в сборе — 26 *хикарерос* и один *маракаме*. Нас, *теварис*, было шестеро, включая меня. *Хикарерос* стали совершать какие-то странные действия. Некоторые из них зажгли свечи, а остальные собрались вокруг, что-то оживленно обсуждая на своем языке.

Матевамес

Хикарерос накрывают лица *матевамес* (“тех, кто еще не видел, но узрит”) — тех, кто идет на Хумун Куллауаби в первый раз. Вот и теперь *уруквакаме* Лусиано, вместе с двумя молодыми помощниками, надевает на *матевамес* повязки. Их надевают и на моих друзей *теварис* (я-то уже был на Хумун Куллауаби). Я поясняю им смысл этого ритуала (насколько понимаю его сам): повязка, закрывающая лоб и, отчасти, глаза (так, что можно было видеть землю под ногами, но нельзя смотреть по сторонам и вверх), символизирует духовную слепоту тех, кто поднимается на Хумун Куллауаби впервые. Такие люди должны сконцентрироваться и сосредоточить свое внимание, чтобы совершить путешествие в рай виррарика, который им посчастливится посетить еще при жизни. Они не должны снимать этих повязок до тех пор, пока не прибудут на гору и не завершат охоту на Оленя-Пейот.

Я замечаю, как на глазах изменилось внутреннее состояние паломников: они как-то подтянулись, в их глазах появилось

понимание серьезности момента. Да, совсем не то, что было еще несколько часов назад. Это признаки внутренней духовной трансформации, и дело не только в том, что они направляются в место, где могут вступить в прямой контакт с Силами, управляющими миром, дело в том, что само это путешествие свято. Теперь это не просто мужчины и женщины. После того, как был совершен первый ритуал, знаменующий начало путешествия, они словно начали превращаться в духов. Отныне, особенно с этого момента, возврата в прошлую жизнь нет. Каждый шаг, каждый поступок приближают их к проникновению в святая святых своего “я”, туда, где человеческая природа сливается с природой управляющих миром Сил.

Матевамес опускают головы в знак уважения и с почтением внимают словам *уруквакаме*. Мы — Лигия, Маноло, Рене, Луис Мануэль, Армандо и я — раскрыли сердца словам Лусиано, хотя смысл этих слов нам неясен. Да это и не важно — разве дело в смысле каких-то слов? Универсальный язык чувств сблизил нас за время путешествия с этими мужчинами и женщинами, ставшими нам за эти дни *теокарис* — братьями и сестрами, нашими товарищами в этом паломничестве к Величайшей Тайне нашей жизни.

После покрытия голов *матевамес*, произносится общее благословение, и мы садимся в машины. Следующая остановка в месте, которое укажут Антонио и Лусиано. Там мы заночуем, именно там нам предстоит участвовать в самом важном моменте паломничества: исповеди.

Антонио едет в кабине грузовика, вместе с Лусиано. Они пристально вглядываются в ночь, стремясь не пропустить знак, по которому им надо будет остановиться. Примерно через сорок минут путешествия через ночь, они вдруг дают сигнал: стоп! Несмотря на темноту, я различаю вокруг свойственную полупустыне растительность, а когда утихает гул моторов, звуки ночи помогают сориентироваться в пространстве. Несмотря на то, что мы едва съехали с обочины шоссе, звука проезжающих машин почти не слышно. Да, виррарика умеют устроиться в нашем мире так, чтобы он почти ничем не нарушал их привычного существования. В конце концов, они-то давно обитали здесь — еще до появления этого шоссе и *теварис*. На небе не видно луны, только несколько звездочек поблескивают сквозь тучи.

Ночь виррарика

Мы молча двигаемся в сторону от асфальтовой полосы шоссе. О

чудо! Из своих небольших мешков виррарика извлекают маленькие поленца, примерно одинаковые по размеру и толщине. Через несколько минут они укладывают поленца для костра, причем так, что их концы смотрят на восток — туда, где живет Тау (Солнце). Но прежде, чем зажечь Татевари, Лусиано обращается к нему с просьбой принять пищу, заготовленную для него виррарика. Еще он просит защитить нас во время паломничества. Глядя на него, мы понимаем, что его любовь к Татевари, которую он питал всю жизнь, это действительно неподдельное, искреннее чувство, это живая сила. Лусиано подносит спичку, и тут же, словно он открыл дверь в иной мир, вспыхивает яркое пламя. Каждый из нас бросает в костер полено или ветку — это наши приношения Предку Огню. Но прежде, чем положить приношение в костер, индейцы снова произносят названия своих священных мест, указывая одновременно в их сторону поленьями или ветками, словно это стрелки компасов — тем самым они черпают силу этих мест. “Рапавийяме! (озеро Чапала) Аурраманака! (храм земли в Дуранго) Арамара! (побережье Сан Блас) Хумун Куллауаби!” Каждое название сопровождается приветственными выкриками всех присутствующих. После призывания духов святых мест, паломники подходят к костру и бросают туда топливо. Затем виррарика достают из сумок немного кукурузной муки, ее тоже кладут в огонь (не забыв обратиться и к ней с просьбой и молитвой).

Эль кавитеро

Наконец, один из *хикарерос*, пятидесятилетний индеец по имени Хуан, начинает что-то взволнованно рассказывать, размахивая руками. Он говорит очень быстро, а все остальные начинают хихикать. Затем он замедляет темп речи, и постепенно засыпает, и даже храпит, от чего все остальные смеются еще громче.

Мы, разумеется, не понимаем смысла происходящего. Тогда Хуан снова приступает к своей “проповеди”, он показывает на огонь, на людей, куда-то вдаль, в пространство, и потом начинает рыдать! Однако никто из индейцев, к нашему изумлению, не спешит ему на помощь, более того, они начинают просто хохотать. И чем громче его плач и отчаяннее стоны, тем громче они смеются. Я подхожу к Тайяу, который должен *служить* для нас переводчиком и гидом, и спрашиваю, что происходит?

— Он кавитирует!

— Что-о-о?

— Это *кавитеро*, и он излагает историю мира.

Тут только я понял, что происходит, и рассказал об этом своим

спутникам: это просто *кавитеро* пародирует поведение другого *кавитеро*⁴⁸. В данном случае, он пародирует Лусиано, который, судя по всему, веселится больше всех остальных. Хуан делает вид, что заснул — это самый *тяжким* проступок, который может совершить *кавитеро*. Когда же Хуан пародирует слезы и стоны, которым настоящий *кавитеро* должен сопровождать свой рассказ, индейцы просто начинают кататься от хохота. Так продолжается примерно час, а затем приходит время ритуала смены имени.

Смена имен

Антонио, Лусиано и Хулио начали распределять роли, а вместе с ними настоящие и мнимые обязанности: здесь были титулы шерифов, секретарей, судей, казначеев, командоров, и прочие пышные звания, главное, чтобы каждому досталась какая-нибудь роль. Последним оказался Рене, и ему досталась роль президента, ни на что другое у наших друзей фантазии уже не хватило. Ему также присвоили, — под приветственные крики и смех собравшихся, — имя Карлоса Салинасаде Гортари. В большинстве своем, эти титулы не имеют никакого значения, однако все-таки шерифам приходится ловить и возвращать беглецов, стремящихся в последнюю минуту избежать церемонии. Кроме того, были изменены названия всего на свете — *тортиллас*, воды, сумок, приношений, неба, земли, огня, машин. Новыми названиями и именами нужно было пользоваться вплоть до окончания паломничества. За соблюдением этих правил следят, кстати, шерифы — они накладывают на нарушителей штрафы. Так что все постоянно посматривают на шерифов — не ошиблись ли они в чем-то? Насколько я понимаю, это не простая игра — это обостряет внимание, и к тому же придает происходящему оттенок торжественности и необычности.

Танец хикарерос

После церемонии наречения новых имен начался танец *хикарерос*. Так же, как и в Ксонаката, они выстроились в цепочку, изогнувшуюся в спираль, и по сигналу двинулись задом наперед. Хулио играл на гитаре, Галиндо на скрипке. Их мелодию я бы назвал “гипнотической” или “психоделической”, и при этом она была веселой и бодрой. Только одно отличие было от прежнего танца: когда спираль практически смыкалась вокруг огня, стоящий первым в цепочке разворачивался и начинал двигаться в противоположном направлении, так что в итоге одна часть цепочки движется внутрь, а

⁴⁸ Этот *кавитеро* — самый старший по возрасту в нашей группе, должен во время паломничества излагать историю возникновения и развития мира, то есть индейскую космогонию.

другая — наружу, при этом ритм и четкость движения нисколько не нарушались, время от времени раздавались радостные крики и пение рожков.

Они снова выкликали названия священных мест и их чудес. Теперь я понимал, что это не простой ритуал, а воплощение всего пути паломников, приносивших жертвы в каждом из этих мест — и всегда в центре всего находился огонь Татевари. Танец *хикарерос* не только приводит к возникновению состояния повышенного осознания, которое может длиться часами, но и укрепляет в них веру в то, что они движутся к своей цели все вместе, как единое целое.

Исповедь

Наконец, настал самый тяжелый для *теварис* час, то, чего они боялись больше всего — исповедь. Дело не в том, что приходилось признаваться в каких-то личных грешках, а в том, что придется это делать перед лицом наших *теокарис*, и самое главное, — перед Татевари, которого нельзя провести. Кроме того, для нас было непривычно понятие “греха” в представлении индейцев: нам следовало вслух, громко перечислить перед собравшимися всех тех, с кем приходилось находиться в сексуальных отношениях за всю нашу жизнь — а ведь среди них могли оказаться и присутствующие! Тут между нами возникла дискуссия: кое-кто утверждал, что не считает свои сексуальные приключения “грехом”, поэтому не считает нужным признаваться в них. Я настаивал на том, что нечего дискутировать о том, что такое “грех” — раз мы находимся на территории и группе виррарика, то и *должны* понимать этот термин так, как понимают его они. И к тому же мы должны исповедаться в тех грехах, которые сами считаем грехами. И в итоге сама реальность дала нам те ответы на вопросы, которые мы не могли получить путем дискуссий.

Первыми должны были исповедаться *маракаме* и *уруквакаме*. Мы молча расселись вокруг костра, и, когда настало время, один из шерифов схватил за руку Лусиано и вывел его к огню, громко призывая его признаться во всех грехах до единого. Лусиано начал перечислять все грехи, совершенные на протяжении всей своей долгой жизни. Так как исповедь длилась долго, наверно, любовниц у него было немало. Как только он называл имя какой-то женщины, шериф громко повторял его вслух, а другой *хакареро* завязывал на длинной веревке маленький узелок. Окончив перечисление, Лусиано произнес нечто вроде: “Да отпустит мне Предок Огонь мои грехи”, и отряхнул свои одежды, словно стряхивая с них грехи. Тут же все откликнулись хором: “Да будет так!”. А веревка с грехами полетела в

огонь.

За Лусиано последовал *маракаме*, а потом и остальные виррарика — шериф по-прежнему громко повторял имена их любовников или любовниц. Никто не избежал этой процедуры, независимо от пола или возраста, а также присутствия супругов. Судя по выражениям лиц и тону голоса исповедовавшихся, можно было понять, что иногда их признания довольно болезненны.

Судя по длине некоторых веревок с узелками, можно было подумать, что виррарика довольно темпераментные люди... Впрочем, когда настала наша очередь, мы убедились, что ничем особенно от них не отличаемся. При этом они, в отличие от нас, все-таки делали свои признания в кругу соплеменников.

Конечно, ситуация несколько облегчалась активностью шерифов — во-первых, как только наступала очередь следующего паломника, некоторые из них явно стремились удрать, и тогда шерифы хватали их и грубо усаживали около огня (спиной к пламени); а во-вторых, когда исповедующийся начинал мяться, шериф хлестал его по спине ремнем, призывая признаваться во всем. Это имело глубокое значение: смех и шутки при виде наказания облегчали атмосферу признания, и при этом несколько не умаляли серьезности происходящего. Ведь от успеха исповеди, от степени “очищения”, как называют это сами паломники, в значительной мере зависит успех паломничества в целом.

Шли часы, и было ясно, что в эту ночь никто не уснет. Я сознательно уселся поближе к Тайяу, чтобы он переводил мне слова индейцев, и я мог лучше понимать происходящее. И тут я узнал, что в число сексуальных объектов входили не только женщины или мужчины, но и — так как они все-таки живут в сельской местности — козы и коровы, также упоминалась и мастурбация. Было ясно, что исповедовавшиеся и в самом деле откровенны в своих признаниях, не упуская ничего, связанного с сексом.

— Ну, не подкачай, Виктор! Это не просто, но только очистившись ты можешь продолжить путь на Хумун Куллауаби. Лучше побыстрее пройти через это и отправиться в путь.

Мне пришлось собрать все мужество, чтобы встретить свою судьбу и предстать перед собравшимися. Я знал, как велика ставка, и собирался встретить испытание с открытым забралом, но когда приготовился начать свою исповедь, произошла странная вещь: я специально уселся среди *теварис* так, чтобы замыкать цепочку исповедующихся, но виррарика, оказалось, ведут отчет в противоположном направлении, и вместо того, чтобы оказаться одним из последних, я оказался одним из первых.

Когда ко мне подошел шериф, я встал и решительно направился к

костру, думая, что легко смогу начать исповедь — не тут-то было! К своему ужасу, я понял, что я... онемел! С огромным трудом мне удалось выдать только: “Перед тобой, Предок Огонь, и перед всеми моими *теокарис*, я признаюсь в том, что...” И тут во мне началась внутренняя борьба. Я стал пытаться припомнить всех своих половых партнеров, начиная с юности. Во мне боролись самые противоречивые чувства — боли, радости, а рассудок пытался справиться с внезапно охватившей меня “амнезией”. Каждый раз, когда я называл имя, шериф громко повторял его, чтобы все его услышали и еще один узелок добавился к веревке моей жизни. Я и вправду хотел рассказать все, как было, только вот мой язык перестал повиноваться мне, хотя внутри меня все кипело. Наверно, Антонио понял, что со мной происходит, потому что вдруг резко крикнул: “Скажи, сколько их! Если их было много, скажи, сколько!” “Спасибо, Антонио, — подумал я, — ты снова спас меня от пытки!” Я с облегчением назвал число своих любовниц и даже сумел рассказать пару эпизодов, наиболее тяжелым грузом лежавших на душе.

И я почувствовал колоссальное облегчение, какую-то внутреннюю чистоту. Не то, чтобы я был всем этим доволен, радовался или тосковал... это было совершенно иное ощущение, словно я нашел в себе что-то такое, чего и не подозревал... И точно — то, чем в этот миг был “я” — было нечто отличное от моего прежнего “я”. Новое “я” отчетливо осознало, что оно собой представляет и зачем оно существует, хотя, будучи исполнено спокойной, молчаливой мудрости, оно не могло выразить себя рационально. Я понял, что тот “грех”, о котором говорили виррарика, не имеет ничего общего с нашей моралью, что у него скорее энергетический смысл. Да, этот ритуал был необходим, чтобы настроиться на тот спектр чувств, с которым только и можно позволить себе подняться на Хумун Куллауаби.

Итак, виррарика и *теварис* исповедовались по очереди. Следя за тем, как исповедовались мои друзья, я испытывал чувство облегчения и гордости за их мужество. Можно было не сомневаться — они подготовились должным образом и заслужили это путешествие на Святую гору.

Тау

Ночная исповедь продолжалась, и к рассвету все паломники очистились. Увидев лучи солнца, все пришли в какое-то невероятное состояние восторга: Тау приветствует их и благословляет своим светом и теплом! Радость была бескрайней, так как мы предвкушали то, что ожидает нас на вершине Хумун Куллауаби. Рассвет мы

встретили пляской вокруг костра — о, какое счастье! мы идем на Хумун Куллуаби, мы идем на встречу с Тамацем! Ура!

После танца все собрались вокруг *маракаме* (символизирующего Солнце). Высоко подняв *мувиери* и потрясая им в воздухе, он произнес краткую речь о новом единстве *хикаперос*. Каждый прикоснулся к веревке, символизирующей наше единство. Теперь, после исповеди, очищения и возникновения нового единства группы, мы были готовы вступить в пределы Хумун Куллуаби.

Примерно в восемь утра мы поели. Прежде чем приступить к трапезе, виррарика бросали в огонь маленькие кусочки пищи — таков древний обычай. “Сначала Татевари!” — говорили они, предлагая пищу поочередно остальным священным местам, и только потом ели сами.

Во время паломничества мы ели только единожды в сутки, и меню наше было скудным: *тортилас* и вода. Лишь иногда, когда мы проходили вблизи поселений, удавалось разжиться чем-нибудь более вкусным. Но мы всегда делились своей пищей с остальными. После завтрака мы снова оказались на шоссе, только на этот раз на дороге в Сапотекас, а оттуда — в Сан Луис Потоси.

Да, наша паломническая кавалькада представляла собой живописное зрелище — впереди пылил университетский грузовик, наполненный виррарика в индейских головных уборах, среди которых было и несколько *теварис*. Теоретически, у грузовика были борта — в метр высотой, не больше — так что нам, с одной стороны, приходилось бороться с высотой, с другой — с постоянной опасностью выпасть из кузова. Однако, хотя на этот раз мы ехали несколько часов, никто из паломников не издал ни единой жалобы — все казались рады и довольны тем, что приближаются к цели. За грузовиком ехали две пыльные разбитые легковушки, нагруженные *теварис*, а также нашими пожитками.

Однажды нас остановил полицейский, за пересечение центральной линии шоссе, он изумленно пялился на необычных путешественников, пока ему не растолковали, в чем тут дело, и почему университетский грузовик набит столь странно одетыми пассажирами.

Оказавшись в штате Сан Луис, мы направились к одному из поселений на границе с пустыней. Здесь виррарика нужно было запастись массой нужных вещей: зеркальцами, свечами, шоколадом, небольшими кувшинчиками (им впоследствии была уготована важная роль). Мы, *теварис*, покупали то же, что и они, хотя еще не понимали, что же со всем этим придется делать потом. Просто брали “на всякий случай”.

Но вот наступает момент, когда мы должны оставить шоссе и

углубиться в пустыню. Нам еще предстоит пройти около полутораста километров до Хумун Куллауаби, причем практически полностью по пересеченной местности.

И вот мы в пустыне. Вокруг — только серая унылая равнина, там и сям мелькают небольшие заросли какого-то кустарника. Теперь наши легковушки в полной мере ощутили на своей шкуре, что такое “попасть в руки Бога индейцев”. Зато грузовичок катит довольно бодро. Так мы продвигаемся вперед, прямо к горе, время от времени меняя маршрут по указанию *уруквакаме*. Как они выбирают путь — полная загадка, поскольку никаких ориентиров в пустыне нет, повсюду одна и та же голая равнина. Проехав так около полусотни километров, а дорога становилась все сложнее и сложнее, мы остановились в каком-то ничем не примечательном месте.

Пицца для Татевари

Виррарика мгновенно высыпали из грузовика и принялись за работу. Маракаме указал им какую-то точку, вокруг которой они сложили свои пожитки, послышался характерный призыв рожка, и индейцы, снова выстроившись цепочкой, — правда, на этот раз Лусиано и Антонио остались в стороне, — направились в пустыню. Все произошло так быстро и неожиданно, что только некоторые из нас сумели пристроиться к цепочке, остальные же остались у грузовика. Впрочем, так же поступила и треть индейцев.

Колонна бодро продвигалась вперед; время от времени слышался зов рожка, который подхватывали остальные рожки, — гитара же и скрипка просто не умолкали. И все это на ходу, с непостижимой верностью ритму и не замедляя шаг. Было в этом шествии что-то непередаваемо праздничное.

Вообще, стоит мне снова увидеть или вспомнить танец *хикарврое*, а также свои ощущения при этом, я каждый раз удивляюсь тому, как индейцы умеют создавать хорошее настроение, особое — можно сказать, фестивальное — состояние сознания. Ведь это настроение обычно отождествляется с фиестой — то есть, тем, что мы обычно определяем как расслабленное, праздничное состояние — или состояние рассредоточения внимания. Меня уже давно удивляло, что они называют свои праздники фиестами — фиеста риса, фиеста барабанов, и так далее. Насколько я сумел понять за это время, — особенно, поучаствовав в этих ритуалах, — их ощущение праздника радикально отличается от нашего. Разумеется, это радостное, праздничное настроение и все-таки, это вовсе не “праздничные выходные” представителей западной цивилизации. Внимание

индейцев во время фиесты не рассеивается — напротив, оно концентрируется в еще большей степени. Таким образом, они радостны, но вовсе не праздны, не расслаблены. Эта радость часто внезапно и полностью замещается другими чувствами, например, печалью или созерцательностью. Виррарика вообще мастерски владеют своим сознанием, они очень гибки в ментальном отношении, и им ничего не стоит в нужный момент сконцентрировать внимание. Вот этим и характеризуются их длительные походы — никаких разговоров, люди движутся ритмично и слаженно, внимание каждого в высшей степени сконцентрировано, и это благодаря всепроникающей, с повторяющимися аккордами (но не монотонной), радостной музыке скрипки и гитары, к которым время от времени присоединяются торжествующие звуки рожков.

Процессия подошла к одиноко стоящему дереву высотой примерно метра два, но очень ветвистому, и участники окружили дерево, продолжая танец. Примерно через двадцать минут танец и музыка прекратились, завершившись пением рожков. Один из *хакарерос* подошел к дереву и обратился к нему с длинной, прочувствованной речью, иногда даже ударяясь в плач. Затем он отрезал у дерева ветку, сантиметров примерно в сорок, ободрал с нее кору, заострил — получилось нечто вроде стрелы. Этой стрелой он начал указывать на все четыре стороны света, продолжая молитву Духу дерева. Тут к нему присоединились остальные присутствующие. Затем они подошли к дереву, срубили его и разрубили на небольшие одинаковые чурки, с которых также ободрали кору. Прошло, казалось, всего несколько минут, а дерева как не бывало, зато у каждого виррарика оказался кусок пищи для Татевари. Затем процессия развернулась и поспешила назад.

Начинало темнеть, *пурукеакаме* развел костер, обратившись предварительно с молитвой к духу Огня. К этому заклинанию, такому же, что мы слышали в ночь исповеди, присоединились на этот раз все мы. Когда все было готово, Антонио попросил нас, *теварис*, отправиться спать, так как предстоящий ритуал предназначался только виррарика. Я же попросил его разрешения прогуляться перед сном, и он разрешил, наказав только соблюдать осторожность. Мы воспользовались этой возможностью еще раз потренировать нашу способность к передвижению по пересеченной местности без фонарей и свечей. Я давно понял, что такая прогулка позволяет обострить внимание, заставить тело активизировать иные способы восприятия, нежели зрение, которое тут играет только вторичную роль. Таким образом, мы слились с окружающей темнотой, чувствуя себя в то же время вполне уверенно.

Отойдя от лагеря примерно на три-четыре километра, мы сели на

землю, образовав энергетическое кольцо — спинами в круг, лицами наружу. Такое кольцо позволяет получить обзор местности на 360 градусов и хорошо способствует соединению внимания всех участников. За тем отклонили головы назад, запрокинув их так, чтобы соединилось наше восприятие звездного неба. В этом положении мы оставались около часа, не нарушая тишину ни единым звуком. Наконец, начали шепотом (чтобы не нарушить голосом энергетический баланс местности) переговариваться, обсуждая сложившуюся ситуацию. Затем поднялись и вернулись в лагерь, двигаясь с максимальной скоростью. Все мы ощущали потребность в движении. Перед тем, как войти в лагерь, мы остановились и выровняли дыхание.

В лагерь мы вошли в полной тишине, и поэтому виррарика нас не заметили — они о чем-то беседовали. Причем разговор был явно не простой — обсуждалось что-то важное. Они говорили по очереди — один говорил, а все остальные слушали. Постепенно мы начали понимать, что они обсуждают подробности маршрута на несколько следующих дней. Прошло примерно полчаса, и все отправились спать. Было около двух часов ночи⁴⁹.

Татей Матиниери

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что виррарика уже грузят свои пожитки на грузовик. Мы начали быстро паковаться, так как я не сомневался, что теперь мы немедленно выступим на Хумун Куллауаби. Однако, к моему удивлению, после того, как вещи оказались погруженными на машины, индейцы, вместо того, чтобы забраться в кузов, выстроились в длинную цепочку — и мы последовали их примеру. Зазвучали рожки, и процессия двинулась вперед. Через некоторое время мы добрались до небольшого поселения, или скорее, скопления ранчо, состоявшего из нескольких глинобитных хижин и пары кирпичных построек. Обитатели поселка, похоже, несколько не удивились появлению из пустыни живописной группы незнакомцев, судя по всему, это место находилось на обычном пути Паломничества. Мы прошли через поселок и дошли до прямоугольной площадки примерно триста метров в длину, окруженную проволочной оградой. Здесь была на удивление пышная для пустыни растительность. В ограде была небольшая дверь,

⁴⁹ Кстати, об этой “ничем особо не примечательной ночи”. Тайяу рассказал нам, уже во время другого путешествия в горы, примерно через три месяца после описанного события, что это была очень важная ночь, так как именно тогда *маракаме* Антонио “открыл дверь” на Хумун Куллауаби. После того, как все уснули, он вернулся к огню и говорил с ним, пока не появились олени рога. Когда это произошло, он ухватился за них, вытащил их из костра и отбросил прочь. Это означало, что теперь мы можем отправиться на Хумун Куллауаби и начать охоту на Хикуру.

миновав которую мы попали на площадку. Перед входом висела табличка, из которой я узнал, что это место представляет собой храмовое сооружение виррарика, охраняемое Национальным индейским институтом. Еще было написано, что вход и прогон животных строго запрещен — под страхом штрафа или даже ареста компетентными органами. Я понял, что мы в одном из важнейших мест на пути к Хумун Куллуаби.

Войдя, виррарика усадили на землю, скрестив ноги. Теперь-то я понял, почему тут такая растительность и такой приятный воздух — мы у Татей Матиниери, родника в пустыне, места обитания почитаемой виррарика Богини Воды (кроме того, она Богиня озера Чапала в Халиско и побережья Сан Блас, Найярит).

Я много слышал об этом месте. Виррарика упоминали о нем с большим почтением и считали его красивейшим местом на свете. И в самом деле, оно прекрасно, — не только из-за удивительно красивого родника и купы деревьев вокруг, чудесного зрелища для пустыни, — тут была какая-то особая атмосфера. Когда попадаешь в Татей Матиниери, чувствуешь, что словно оказался в другом измерении — о пустыне мгновенно остается только воспоминание. На душе у меня стало удивительно хорошо, словно меня окутала любовь Богини Воды.

Усевшись, виррарика достали из сумок цветастые накидки-банданны, положили около бьющего из земли родника, и начали выкладывать на них свои приношения: свечи, стрелы, оленьи рога, шоколад, пирожные, монеты, *ниерика*, разноцветный рис, пейот, вышивки и так далее. Я еще раз убедился в справедливости поговорки, что в сумке виррарика может скрываться все что угодно, независимо от того, какого размера или веса этот предмет. Мы тоже разложили наши приношения, и молча, как и подобает *теокарис*, усадились рядом.

Ритуал начал Антонио, обратившись к Татей Матиниери с молитвой, слова которой мы понимали с еще большим трудом, чем обычный язык виррарика — настолько он был переполнен словами восхищения, любви и признательности. Причем для него Богиня явно не была каким-то абстрактным и далеким божеством, нет, он говорил с ней как с близким человеком. Потом он достал из сумки несколько бутылочек с водой, и, с кончика *мувиери*, sprysнул ею воду, вытекавшую из родника. В бутылочках была вода с побережья Сан Блас и озера Чапала. Они всегда были в сумке Антонио. Потом он встал на колени и со слезами на глазах опустил в воду одно из своих приношений. Затем к воде подошел Лусиано и повторил действия Антонио. Затем остальные паломники сделали свои жертвоприношения, обратившись с молитвой к Духу Воды.

Потом Антонио, Лусиано и еще два *хакареро* перешли на другую сторону родника. К ним перешли другие паломники, расселись рядами и склонили головы, причем *матевамес*, ожидая своей очереди, сняли свои повязки. Они набирали по очереди воду из источника и передавали ее Антонио и Лусиано, которые spryskivali ею головы паломников, окунув в воду перья своих *мувиери*, и произносили слова благословения. Высшего блаженства паломники достигали в тот момент, когда *маракаме нуруквакаме* буквально выливали воду на их головы. Они были счастливы принять эту “ванну”, смеялись и растирали воду по телу. Когда подошла моя очередь, я приблизился к Тайяю.

— Эй, Тайяю! Почему виррарика так любят Татей Матиниери?

Он широко улыбнулся, устремив на меня свой чистый взгляд:

— Татей Матиниери — это глаза Матери Земли!

Я внутренне сжался, впервые поняв величие момента, и почувствовал в себе невероятную любовь к этим мужчинам и женщинам, живущим в такой тесной связи с Землей. Благодаря им мы могли научиться правильному пониманию того, что такое по-настоящему жить на Земле и любить Землю.

Все внутри меня дрожало от радостного предчувствия и предвкушения того, что произойдет со мной сейчас. Я услышал голос *маракаме*, меня коснулся его жезл *мувиери* и голову оросили капли чистой воды. Какая благодать! Чистая вода источника словно возродила меня к новой жизни, я постиг величайшую тайну — что это значит, любить Землю и чувствовать себя среди живых!

После ритуального омовения в водах Татей Матиниери, у меня словно раскрылись глаза на окружающее и я понял, кто мы и что мы: нет, мы не просто виррарика, не просто *теварис*, не индейцы и не местизос — нет, мы просто энергетические оболочки, движущиеся на встречу с глубочайшей тайной жизни. Мы едины! Среди нас нет лучших или худших, мы все — *теокарис*, и единый свет призывает нас! Влага Глаз Земли смешалась с влагой моих глаз, я обернулся к *теокарис* и понял, что они переживают те же самые чувства. Теперь мы готовы идти на Хумун Куллауаби!

После омовения мы предложили источнику свои дары, и говорили с Татей Матениери, раскрывая ей свою душу, все то, что накопилось в ее глубинах за время этого путешествия, называемого жизнью. Мы просили ее о даровании нам помощи, ее совета, ее силы. Некоторые плакали, поскольку их сердца раскрылись особенно глубоко, но Богиня Воды ответила всем, и всем даровала душевный покой.

Перед уходом мы наполнили, купленные по дороге сюда, кувшинчики святой водой из источника. Она еще пригодится нам в должное время. Наполнив сердца и сосуды, мы приготовились к

отбытию. Подойдя к грузовику, Антонио попросил поднять капот, и sprыснул мотор своим *мувиери*. То же самое он проделал и с другими машинами. И теперь я не сомневался — они выдержат дорогу! Мы расселись по машинам — и вперед, на Хумун Куллауаби!

Хумун Куллауаби

Дорога усложнилась, в общем-то, дороги просто не стало, была лишь пустыня, которую во всех направлениях пересекали узкие тропинки. Жесткие ветки кустарника хлестали по бокам машин, затрудняя движение. Мы попали в настоящий лабиринт, выход из которого пришлось искать намного дольше, чем нам казалось вначале. Я то и дело спрашивал Антонио — когда же мы прибудем, и он лаконично отвечал: “Скоро”.

Наступила ночь. Мы продвинулись не слишком далеко, и *уруквакаме* решил устроить ночлег, так как ночью невозможно “найти правильное место”. Поговорив с *хикарерос*, я понял, что для них это тоже не простое дело — найти Хумун Куллауаби. Даже старейшим из них, неоднократно бывавшим там, настолько трудно ориентироваться в пустыне, что каждый раз приходится прилагать большие усилия, чтобы найти в пустыне освященное традицией место.

В эту ночь никто не танцевал и не проводились никакие ритуалы. Мы надеялись только на новое появление Тау, которое осветит нам путь к святому месту. Однако без помощи Татевари было не обойтись, без него виррарика чувствуют себя совершенно беспомощными, так что мы быстро разожгли огонь и устроились на ночлег.

Как только солнце выглянуло из-за горизонта, все надвигалось, зашевелилось. *Хикарерос* начали танец вокруг огня. Так как мы были в пустыне, ночи стали холоднее и мы довольно сильно озябли — танец был как раз кстати. Виррарика образовали привычную цепочку, загудели рожки, зазвучали скрипка и гитара. На этот раз мы, *теварис*, танцевали в общей цепочке раз от раза все лучше понимая значение этого танца. Я только сейчас понял, насколько глупо танцевать вне общего строя, и пристроился за Антонио, которого знал лучше других. К моему удивлению, виррарика пришли от этого в восторг и замахали приглашающе руками, призывая остальных *теварис* занять места в цепочке.

К тому времени мы настолько покрылись дорожной пылью, что отличить индейца от *теварис* было попросту невозможно. И теперь, танцуя в общем строю, я заметил, наконец, многое из того, что не был способен определить, наблюдая за танцем *хикарерос* со стороны. Движение цепочки имитировало путешествие по святым местам, а

звуки рожков возвещали: “Мы прибыли в Рапавияме!”, “Ура!” ответствовали остальные, “А теперь я вижу озеро Чапала! Я вижу даже маленькие лодки!” Танец продолжался долго, он требовал мобилизовать все свое осознание, предельно обострить его, чтобы следовать движениям танца, держать правильную дистанцию между впереди стоящим и сзади стоящим товарищами. Особенно это важно, когда цепочка начинает двигаться назад, и, не поворачивая головы, нужно ощутить присутствие и движение сзади стоящего партнера. Цепочку возглавлял Хулио, игравший на скрипке. Его музыка так воодушевляла нас, что мы были готовы следовать за ним куда угодно, хоть на край света.

После этого приветственного танца, мы почувствовали себя в силах вернуться к поискам святого места. К тому же, он окончательно разрушил барьер между виррарика и *теварис*, впрочем, может быть, этот барьер существовал только в нашем воображении? Впоследствии Антонио сказал мне, что отныне мы можем принимать участие во всех ритуалах, и более того, этого от нас ждут остальные. Раз уж *хикаперос* приняли нас, то приняли до конца. Больше сомнений в этом не оставалось.

Нас всех охватило совершенно необычное состояние внимания. Мы искали нечто очень важное, но постоянно ускользавшее от нас. Мы были убеждены в победе, только вот когда она наступит? Никто не мог нам этого сказать. Путешествие на Хумун Куллауаби никогда не считалось легкой прогулкой. Беспокойство *матевамес* росло. Они уже не понимали, на то ли место, воспетое в бесчисленных песнях и легендах, они попали? Похоже, с каждым шагом мы не только не приближались, а наоборот, отдалялись от него.

Многочисленные тропинки пересекали пустыню во всех направлениях, превращая ее в какое-то шахматное поле. Машины с трудом двигались по этим тропинкам, так как колеса проседали и днища машин скребли по поверхности земли. Несколько раз нам приходилось выходить из машин, чтобы протолкнуть их дальше, а свернуть в сторону было невозможно из-за кустарника. Время от времени мы пересекали небольшие хутора, по всей видимости, населенные призраками. Что могли здесь делать люди, чем заработать себе на жизнь? Во всяком случае, название одного из этих поселков — “Души” — было достаточно многозначительным.

Вдруг грузовик остановился, и мы высыпали наружу посмотреть, что случилось. Один из виррарика сказал нам:

— Мы на Хумун Куллауаби!

Я огляделся вокруг. Это место ничем не отличалось от окружающей пустыни, по которой мы бродили уже много часов. Виррарика сложили свою поклажу на небольшой полянке около

мескитового деревца. Такие деревца всегда растут на священных местах, и я подумал мимоходом, а ведь это первое, встреченное нами после Татей Матиниери. Что же тут такого особенного? Вокруг валялись пустые жестянки из-под сардин, бутылки из-под лимонада, и всякий мусор. Под ближайшим кустом я обнаружил несколько кактусов пейота, посаженных в каком-то странном порядке, словно они образовали алтарь. Кроме того, тут было костровище и остатки дров — здесь кто-то недавно побывал. Антонио сказал мне, что все *хикарерос* посещают это место каждый год в одно и то же время. В данном случае, *хикарерос* из Санта Марии оказались последними, кто оказался на этом месте.

“Устроившись”, *хикарерос* из своих мешков вынули разные сумки и пакеты, а также ножи. Мы сделали то же самое, не понимая еще смысла этой затеи. Я спросил Тайяю:

— И что теперь?

— Будем охотиться на оленя! — ответил тот.

Мы выстроились в цепочку, и, под завывание рожков отправились вперед. После того, как мы отошли от лагеря на несколько километров, *уруквакаме* приказал нам остановиться. Антонио вышел вперед, и все взгляды обратились на него. Он вынул *мувиери* и медленно очертил им некое пространство в пустыне, прямо перед собой, что-то при этом медленно и торжественно говоря, создавалось такое впечатление, что он молился. Было ясно, что очерченное его жезлом пространство — это загон для охоты на оленя. Тайяю объяснил нам, что мы должны разбиться по одному, подальше от двух товарищей слева и справа, и двигаться цепочкой по загону, прочесывая его в поисках “олененка” (пейота). Однако срывать одиночные кактусы нельзя до тех пор, пока кто-то не найдет группу кактусов, по форме напоминающую оленя — Хикури. После этого *маракаме* пронзит фигуру стрелой, и это будет сигналом к началу охоты: каждый должен будет захватить как можно больше хикури. Разумеется, более других отличится тот, кто первый найдет кактус в форме оленя — ему повезет больше всех. Но прежде, чем приступить к поискам, мы все сорвали с ближайших кустарников по веточке и натерли тело листьями — это позволит нам предохранить себя от атак мелких животных, которые могут встретиться на пути во время охоты.

Охота на пейот

Снова прозвучали рожки и *маракаме* взмахнул своими стрелами — сигнал к началу поисков. Мы растянулись широкой цепочкой примерно в восемьдесят метров шириной и двинулись вперед. Такой способ поисков позволял не пропустить ничего, обшаривая местность

сантиметр за сантиметром, точно такой же тактикой виррарика пользуются и для охоты на “настоящего” оленя.

Итак, наконец-то мы на Хумун Куллауаби, и охотимся на Хикури! Хотя мы, *теварис*, не собирались употреблять пейот, но все-таки пока обстановка позволяла нам идти вслед за индейцами, мы приняли участие в поисках, полностью сосредоточившись на этом занятии. В любом случае, собранный нами пейот станет нелишним взносом в общую копилку пейота, которая будет расходоваться виррарика из Санта Марии во время “фiest” на протяжении всего последующего года.

Время шло, а Хикури так и не появлялся. Мы шли вперед, следуя по выбранному маршруту, и время от времени, глядя на друзей, я жестом спрашивал их: “Ну, что?”. “Ничего”, — отвечали они таким же жестом. Я начал подумывать о том, что после столь многочисленных посещений индейцами виррарика этого места, пейот здесь должен был бы давно истощиться... Я еще долго пытал себя такими грустными мыслями, но потом вспомнил, как ведут себя в таких случаях виррарика, и просто отбросил их. И буквально через несколько минут слева, в метре от себя, я обнаружил гигантский хикури! Я обернулся и увидел, что ближайший ко мне виррарика срезает кактус и решил, что кактус в форме оленя уже найден. Я двинулся дальше, не говоря ни слова. Прошло еще десять минут, но новых кактусов я так и не обнаружил. Я принялся напевать про себя старые песни о пейоте — мне стало все равно, найдем ли мы много хикури, или не найдем ни одного. Ведь мы в доме Тамаца, и его сила чувствуется повсюду, независимо от того, есть ли у нас кактусы или нет. И стоило мне успокоиться, как повсюду стали появляться кактусы! Попадались даже группы из трех кактусов. Я стал срезать их, предварительно прося у них прощения за то, что мне приходится прерывать их жизни, но они нужны моим друзьям виррарика для того, чтобы обратиться к Тамацу. Мне казалось, что они понимают меня. Я срезал их очень осторожно, стараясь оставить корень в земле, чтобы на этом месте впоследствии вырос новый хикури.

Вскоре моя сумка наполнилась пейотом. Мои друзья тоже нашли немало кактусов, хотя и не всем везло. Один из них нашел всего два или три. “Не отчаивайся”, — сказал я ему, — “количество тут не играет никакой роли.” Я оглянулся на виррарика — большинство из них набили свои сумки почти доверху. “Боже мой! Как им это удастся?”

Мой друг Тайяу отправился в это паломничество со своей молодой женой Алисой и их маленьким сыном, которого Алиса обычно носила на груди или на спине. Она принимала участие в охоте наравне со всеми и собрала немало кактусов. Да, несомненно, большинство

индейцев бывало в этих местах с детства, и разумеется, они не стремились к обретению бессмысленных галлюцинаций, как это свойственно горожанам, употребляющим галлюциногенные растения. Благодаря тому, что индейцы принимают пейот только в ходе ритуала, и немалое время уходит на подготовку к его проведению, мир для них не исчезает в облаке дурмана, хотя они и видят его несколько иначе, чем мы.

Человек, притягивающий пейот

Моя сумка с кактусами не шла ни в какое сравнение с огромным рюкзаком на спине Антонио, битком набитым пейотом. Я решил следовать за ним, чтобы понять, как это индейцам удается находить хикури так быстро и в таких количествах. Куда бы Антонио ни пошел, везде его поджидал Хикури! Складывалось впечатление, что он выходил ему навстречу!

— Эй, Антонио, как это тебе удается найти столько Хикури?

— Да его тут полно, просто нужно приглядеться получше!

— Приглядеться? — я подошел к нему поближе и осмотрелся — ничего!

— Ну, в чем дело, почему ты не хочешь срезать вот эти? — удивленно спросил Антонио, остановившись рядом.

— Какие это?

— Да вот, справа!

Я пристально посмотрел на землю, куда он указывал.

— Где-где?

Антонио подошел поближе и показал на место, при мерно в сорока сантиметрах от моей ступни.

— Да вот!

Я был просто потрясен.

— Да я уже раза четыре тут искал, и ничего не нашел!

— Ну, это бывает. Ладно, срежай их!

Следуя за Антонио, вокруг которого, словно из-под земли появлялись все новые и новые кактусы, я быстро наполнил хикури свою сумку, и помог самому Антонио набрать второй мешок.

Решив, что этого достаточно, *маракаме* направился к огромному дереву, со стволом толщиной как ствол пальмы и большими желтыми листьями, окружавшими его вершину, как венчик цветка. Тут уже собрались несколько охотников, развесив свои сумки на ветвях дерева. Прозвучали рожки, и к нам подошли остальные паломники.

Час матевамес

Когда все собрались вместе, из нескольких расстеленных на земле платков был сооружен алтарь. На него водрузили олени рога, вязаные картины с изображением паломничества, маис и много кактусов. Каждый из нас зажег по свече, а *маракаме* и *уруквакаме* принялись читать молитвы, которым мы внимали с должным благоговением. Прикасаясь к приношениям, а потом и к нам, орлиными перьями своего *мувиери*, Антонио благословлял нас всех. Он заговорил каким-то странным речитативом, похожим скорее на песню, чем на обычную речь виррарика.

Пока Антонио умолял Силы, населявшие Хумун Куллуаби, о снисхождении, некоторые виррарика начали очищать пейот и нарезать его на мелкие кусочки. Настал звездный час *матевамес!*

Когда набралось достаточно кусочков пейота, специально назначенные *хикарерос* начали раздавать маленькие кусочки остальным. Перед тем, как положить кусок в рот, паломники клали его на глаза, на лоб, на уши и на сердце, чтобы лучше “видеть, слышать, чувствовать”. Бывалые виррарика получали по небольшому кусочку и съедали его молча, *матевамес* же получали большую чашу. Я с благоговением получил свой маленький кусочек пейота и благословение Антонио, с любопытством наблюдая за гримасами моих друзей, впервые отведавших горечь пейота. Разумеется, хоть они и были *матевамес*, никто не принуждал их к потреблению большого количества пейота. Они сами могли выбирать, сколько кактуса им съесть.

“Растения силы” вместо наркотиков

Взаимоотношения виррарика и пейота — это нечто необычайное, не имеющее ничего общего с широко распространенными представлениями наших современников о растительных галлюциногенах и потребляющих их племенах. Дело, разумеется, в том, что виррарика в течение всей жизни проходят специальную подготовку к употреблению пейота, так что последствия приема этого галлюциногена должным образом трансформируются в полноценный духовный опыт.

Для неподготовленного горожанина потребление пейота ничем не отличается от приема любого другого наркотика — марихуаны, гашиша, ЛСД, и так далее, — и они не получают ничего, что отличалось бы от привычных им ощущений наркотического опьянения. Напротив, виррарика не только не опьяняются и не

подвержены кошмарам хаотических видений. Они попадают в высший мир, о котором им с детства рассказывали старейшины, к вхождению в который они постепенно готовились путем тренировки внимания и восприятия.

Коллективное сновидение

Педро де Харо рассказывал мне, что виррарика не верят в богов — зачем “верить” в того, с кем лично общаешься? Он имел в виду, что благодаря ритуальному употреблению пейота, виррарика обладают доступом к иной реальности, которую они все вместе посещают на протяжении уже многих столетий. Боги и духи, с которыми виррарика общаются на Хумун Куллуаби, в сущности те же самые, которым их предки поклонялись много веков назад.

Если пользоваться терминологией Кастанеды, мы могли бы сказать, что Хумун Куллуаби — это магическое место, расположенное в иной реальности, но соотношенное с определенной точкой в пустыне, и оно представляет собой коллективную иллюзию, которую виррарика сумели построить и заставить непрерывно функционировать на протяжении веков, благодаря постоянству исполнения ритуала и специальных практик⁵⁰. Виррарика воспринимают эту реальность как нечто особенное, существующее независимо от них самих, и не только потому, что каждый из них способен сдвинуть свою точку сборки⁵¹ и зафиксировать ее в таком положении, что это позволит ему воспринимать особую реальность Хумун Куллуаби. Дело в том, что они практикуют коллективно и каждый фиксирует свою точку сборки в той же позиции, что и все остальные, то есть они воспринимают коллективно одну и ту же иную реальность — точно так же, как их предки-виррарика столетия назад.

Употребление пейота вовсе не является важнейшим средством для изменения системы восприятия (подвижки точки сборки). Главное тут — особое использование внимания и сбереженной энергии, полученной благодаря особым практикам воздержания: посту, половому воздержанию и воздержанию от гнева. Все это приводит к возникновению соответствующего намерения, а съедение маленького кусочка пейота — не более чем запускающая этот процесс “искра”, и его значение скорее символическое, нежели физическое. Только новичок (или *матевамес*) нуждается в большом количестве пейота, опытному *хикареро* достаточно небольшого кусочка — и он уже готов к проникновению в иную реальность. В быту же постоянно

⁵⁰ См. Кастанеда К. “Искусство сновидения”.

⁵¹ См. Кастанеда К. “Огонь изнутри”.

приходится видеть *пейотерос*, поедающих небольшие кусочки Хикури.

Лично я убедился на собственном опыте, что поедание небольших кусочков пейота, размером не больше оливки, не только не приводит к появлению галлюцинаций, но напротив, от этого проясняется сознание и появляется особая бодрость, позволяющая без труда переносить длительные путешествия на ногах. Кстати, этого же вполне достаточно для исцеления не слишком тяжелых заболеваний типа простуды или мышечных болей.

Истинный ключ к ритуалу

Употребление небольших кусочков пейота — это только часть ритуала, причем такая, которая не искажает реальность. Чтобы достичь иной реальности, нужно еще многое — в частности, *приношение силы*⁵², посты и половое воздержание, развитие внутренней дисциплины, остановка внутреннего диалога⁵³, танцы и многое другое. Кстати, другие группы толтекского происхождения, например, нахуа, способны достигать таких же измененных состояний сознания, как и виррарика, причем не используют для этого пейот или другие энергетические растения.

Обычный горожанин или обкурившийся хиппи просто не обладают достаточным запасом энергии, чтобы почувствовать влияние столь небольшого количества пейота. Им нужна масса пейота, чтобы быть способными “галлюцинировать”, и это приводит к еще большему ослаблению организма.

Итак, мы продолжали сидеть вокруг алтаря с приношениями, ожидая, пока *матевамес* прикончат свои чаши с пейотом. Я вдруг понял, что эти молодые люди (а им было от восемнадцати до двадцати двух) поедают горький пейот без малейших признаков дискомфорта. А вот лица моих друзей, впервые попробовавших пейот, мне никогда не забыть! Хотя я предупреждал их о вкусе, они не могли себе представить насколько он горек, пока сами его не попробовали. Тем не менее, они съели все до конца, впрочем, им полагались меньшие порции, чем виррарика. Разумеется, у них было гораздо меньше опыта общения с Хикури, чем у *хикарерос*, зато мы могли воспользоваться таким оружием, как тренировка внимания, остановка внутреннего диалога, достижение осознания другого “я” и состояний измененного сознания — причем без всяких наркотиков. Это уравнивало наше

⁵² Я имею в виду те необычайные усилия, которые приходится приложить в повседневной жизни, чтобы получить необходимый для обретения связи с Духом опыт.

⁵³ См. Виктор Санчес, “Учение дона Карлоса”, глава VI.

положение как “новичков” при проникновении в область, принадлежащую только виррарика.

Земной рай

Хотя я давно общаюсь с виррарика и совершил несколько самостоятельных путешествий в иную реальность, это паломничество на Хумун Куллауаби оказалось сложным и было связано с гораздо более глубокими переживаниями. Это стало очевидно не только в ходе выполнения ритуала, но и по тем обостренным состояниям внимания, которых нам удалось при этом достичь. Причина заключалась отчасти в том, что мы совершили паломничество и проделали весь ритуал, но главное, наверное, благодаря самому месту – не случайно виррарика придают такое значение Хумун Куллауаби. Они считают Хумун Куллауаби земным раем, местом, где они узнают свою судьбу, домом Тамаца Кахуллумари — учителя *маракаме* и одной из главнейших Сил для каждого из виррарика. С самого начала я чувствовал, как опасаются этого места *матевамес*, еще не бывавшие на Хумун Куллауаби, и радостное возбуждение *хакарерос*, которые там уже бывали.

Вообще, все паломничество (начиная со вступления в сьерру) проходит в состоянии повышенного осознания, и в пространстве, которое нельзя считать обычным пространством — это иная реальность. Каждый раз по дороге на Хумун Куллауаби, проходя через стоянки священного пути, мы то и дело попадали в иной мир, где встречались с виррарика. Иногда мы проникали внутрь этих видений и сами отчасти становились волшебными существами, населяющими иной мир. А иногда находили в них ответы на самые насущные вопросы нашей жизни; они давали нам более четкое представление о вещах, которые в обыденной жизни мы воспринимали в искаженной хаосом прочих дел, замутненной перспективе. Во всяком случае, в ходе этого паломничества нам удалось решить многие такие вопросы.

Когда попадаешь в состояние за пределами описаний своего *эго*, вне его пут самоутверждения, это дает чувство глубочайшей свободы. Здесь, в пустыне, среди этих мужчин и женщин, в этот момент история уже ничего не значила — ни личная история, ни мировая. Мы были равны, мы, всего лишь горсточка пыли в этом самом загадочном из миров. Поразительно! Какое же глубокое спокойствие снизошло на наши души, чтобы мы сумели забыть это ложное “я”, с которым нам приходится жить большую часть нашей жизни!

Как только *матевамес* покончили со своим пейотом, мы собрали

вещи и снова выстроились в цепочку, чтобы вернуться в лагерь. Каждый паломник нес с собой здоровенный мешок с пейотом. Охота была удачной — добрый знак! Паломничество было удачным!

Разумеется, все родные и друзья *хакарерос* оставались в курсе происходящего с паломниками, будь они в Калихуэй или Санта Марии, благодаря Предку-Огню, и наверняка были довольны тем, что все идет хорошо.

Был почти полдень, и солнце оказалось в зените, когда цепочка паломников подошла к лагерю. Пустыня вновь резко переменила облик, впрочем, она изменилась не внешне, — просто ее дух как-то стал особенно ясно чувствоваться. Мы поняли, что это место вовсе не пустынно — тут обитали еще многие существа, которые не были заметны глазу. Наконец, мы прибыли в лагерь, и начали готовиться к сегодняшней ночи — ночи Хикури. Каждый отлично знал, что ему делать.

Трон Татевари

Пристроив мешки с пейотом и остальные пожитки, большинство паломников принялось собирать топливо для костра, так как принесенного с собой явно не хватило бы. Вернувшись, они принесли довольно необычные куски дерева — ровно обструганные, одинакового размера.

Я понял, что пищей для Татевари может служить не всякий кусок дерева. Для ритуала используется совсем иное дерево, чем для обычного походного костра — иной формы, степени сухости и размера. Так как Предок Огонь очень стар, на этот раз его предстояло кормить “зеленым” деревом, более мягким, чем обычное, чтобы ему легче было разжевать⁵⁴.

Было приготовлено место для трона Татевари. В качестве подушки было положено большое бревно, указывающее одним концом на Восток, откуда восходит солнце. На него положили множество бревнышек поменьше. Зажечь костер могли только *уруквакаме* Лусиано или *маракаме* Антонио, как старейшие в группе, либо их

⁵⁴ Представляю себе, как мои умные читатели улыбнулись: да ведь сухое дерево горит гораздо лучше, чем еще не высохшее. Однако, как это ни удивительно, у виррарика все наоборот — я лично в этом убедился. Когда во время путешествия с ними мне впервые удалось увидеть, как они собирают зеленые ветви, я поразился. Считаю себя большим знатоком в области костров, я подумал: “зеленое дерево просто не станет гореть”. Но когда эти нарубленные куски подсунили под низ костра, они, к моему удивлению, занялись на удивление быстро — можно сказать, что дерево просто вспыхнуло. Появились огромные языки пламени. Не знаю, почему это случилось, и к тому же у меня были другие поводы для изумления. В общем, я еще раз убедился, что мы, горожане, любим бахвалиться своей осведомленностью во всем, а на самом деле мир совсем не таков, каким мы его представляем.

непосредственные помощники — Тамац Кахуллумари Мануэль или Татевари Хулио. Вот Антонио подходит к месту, где должен возгореться Татевари и прочувствованно произносит молитву, рассказывает о паломничестве, о том, каких усилий нам стоило добраться до Хумун Куллауаби. Он просит Татевари оставаться с нами и охранять нас во время этой ночи. В обмен он обещает кормить его и заботиться о нем, подносить ему зеленое дерево и пиноле⁵⁵.

Спускается ночь, и паломники продолжают есть пейот. Луны сегодня нет, царит крошечная тьма, разрываема только светом Татевари, согревающего и защищающего нас. Большинство сидит вокруг огня, скрестив ноги и склонив головы на колени, почти касаясь подбородками груди. *Хикарерос* приступили к битве — они стремятся обрести новое зрение. Если им повезет, то сегодня они встретятся с Голубым Оленем.

Песня Татевари

Я не знаю, что будет дальше — будем ли мы танцевать, или *маракаме* будет петь. Пока это неясно, и я прилег отдохнуть под мексикой, положив голову на свой спальный мешок. Я смотрел на звезды и думал о своей жизни. О, моя жизнь! Как далека от меня ее повседневность, пусть она не была такой уж рутинной, все-таки временами она утомляла меня. Столько времени уходило на руководство группами, доклады на конференциях, лекции. Столько народу сочиняло обо мне всякие байки, высасывая их чаще всего из пальца! Как было хорошо тогда, когда никто не знал Виктора Санчеса, никого не заботила его судьба! А на самом деле только эта ночь знает мое подлинное “я”. Я стараюсь проникнуть в ее тайну, подслушать что-то о себе самом. Но, бесполезно. В таинстве этой ночи нет ответов на мои вопросы.

Становится прохладно, я придвигаюсь поближе к Лигии и Луису Мануэлю и они согревают меня своим теплом, хотя мы даже не соприкасаемся телами. Никто не произносит ни слова — виррарика, похоже, спят, хотя я-то вижу, что это не так. Куда умчались их души? Насколько они далеки от нас? Я могу только надеяться, что когда-нибудь мне удастся догнать их и самому увидеть, куда они уходят и что делают там.

Тут я вспоминаю о костре, хотя и не гляжу в его сторону, я чувствую его тепло и свет, несмотря на то, что нас разделяют двенадцать метров, они достигают меня. Спасибо тебе. Учитель

⁵⁵ В Мексике так называют кукурузную муку, которую обычно смешивают с холодной или горячей водой и пьют.

Огонь! Да, виррарика знают, кого избрать себе в учителя — они предпочитают учиться не у людей, а у природы: Солнца, Огня. Ведь это старейшие, мудрейшие Силы, правящие миром — кто еще может сравниться с ними?

Долгое время я уже ни о чем не мог думать, следя только за тем, как Татевари поддерживает существование мира. Я понимал, что огонь не только снаружи, но и внутри меня, как и у любого живого существа. Как это мы живем, не воспринимая этот огонь? Не зная ничего о силе, таящейся внутри каждого из нас? Сколько времени уходит на поиск того, что и так таится в каждом! Теперь я понимал, почему мои друзья виррарика столько времени проводят за созерцанием огня.

И вдруг я осознал — я пою! Когда это началось? Я почувствовал, что это продолжается уже некоторое время, хотя в отличие от нормальной ситуации, я себя не контролировал. И верно, это было время *нагуаля*, и мое *эго* молчало. Более того, его вообще нигде не чувствовалось! Моя песня исходила ... даже не знаю, откуда. Но она мне нравилась — это была песня о Предке Огне, хотя я и не сочинял ее. Это был дар Татевари, дар, который я мог унести с собой, и петь в минуты грусти или нужды. Песня переполняла меня всего. Она заполняла все вокруг, беря начало в моей груди и растекаясь повсюду. Пели не мои губы, не мое горло — пело мое энергетическое тело, и более того, тот, кто пел, был не тот, кого я знал как свое “я”. Это была *моя энергия*! Дар оставался у меня примерно час. О, как я благодарен тебе, Предок!

Когда песня кончилась, я стал оглядываться — не обеспокоил ли я своим пением виррарика? Я повернулся, и увидел, что никто не обращает на меня внимания. Виррарика были уже где-то далеко, они улетели на крыльях восприятия. Ближе к огню сидел Рене и еще один виррарика, певший огню свою песню. Вдруг я осознал, что он поет на испанском. Я начал вслушиваться в слова его песни... но он же поет “мою” песню! Я не знаю, где он услышал ее — от меня, или Татевари научил его так же, как меня, но я был счастлив, что слышу ее от виррарика. В конце концов, снова воцарилось молчание.

“Это”

Так мы просидели довольно долго, и захотелось встать, размяться — в общем, пробежаться по пустыне. Но ведь изначально предполагалось, что мы будем вести себя в точности так, как виррарика? Впрочем, теперь я понял, никакого общего пути не существует, каждый идет своей дорогой, сам ищет свое видение, и

свою встречу. Вдруг я услышал слова Антонио, хотя он не раскрывал рта, что мы можем идти, только надо быть осторожнее и держаться вместе. Позже мы снова встретимся.

Теварис поднялись и, накинув куртки, двинулись цепочкой в пустыню, мы двинулись очень быстро, не освещая путь фонариками. Без света фонарей, без лунного света пустыня выглядела совсем по-другому, чем днем. Но наши глаза быстро привыкли к темноте, и мы ясно могли различать все, что окружало нас: кактусы и кустарники были окружены светящимися венчиками. Мы медленно двинулись по тропинке, но нечто — какая-то тень — следовала за нами справа, так что пришлось ускорить шаг, мы почти побежали. Тень не только можно было видеть, но и слышать — кустарник потрескивал от ее прыжков. Мне казалось, что мы ни в коем случае не должны бежать или терять строй. Метров через триста от лагеря, на песчаной полянке, мы остановились и стали спрашивать друг друга, все ли видели эту тень? Никаких сомнений, все видели ее. Мы еще немного поговорили про “это”, и решили, что больше не следует отходить друг от друга — даже если кому-то срочно понадобится.

Становилось все холоднее. Мы разложили спальные мешки и улеглись как можно ближе друг к другу, словно сосиски в упаковке, а сверху накрылись куртками, свитерами и одеялом, которое кто-то из нас догадался захватить. Мы чувствовали себя единым целым, нас объединяло нечто более высокое, чем слова или какие-то договоры. Нас объединяли совместные битвы, а мы провели их немало. Нас объединяло то, что мы оказались здесь вместе.

Видения

Мы посмотрели на небо: представление уже начиналось, там появилась падающая звезда, сияющая почти как солнце. Таких падающих звезд мы еще не видали! Вдруг Мануэль показал вверх:

— Видели волка?!

— Волка...? Где?

— Да вон там, в небе!

Мы посмотрели туда, куда указывал его палец, и точно, в небе виднелись очертания волка, с глазами в виде горящих звезд. Я весь задрожал, но не от страха, а от волнения: ведь у меня с волками особое сродство. Я присоединился к друзьям, и мы вместе переживали эти мгновения тишины и видений, открывающих перед нами такие стороны мира, которые в обыденной жизни были недоступны, — они открывали нам правду мира во всем ее откровении. Вдруг Луис Мануэль откатился от нас примерно метра на четыре. Это нас

обеспокоило, и мы начали звать его обратно, но он не хотел нас слушать. Тогда я поднялся и подошел к нему.

— Луис, давай назад. Чего ты от нас ушел?

— Вик, оставь меня! Я хочу побыть в одиночестве. Я вижу сейчас нечто важное, такое, что было со мной всю мою жизнь, и только теперь я вижу это... я хочу остаться здесь один, хотя бы еще немного.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Разумеется!

Я понял, что сейчас с ним происходит, и вернулся к остальным, которые уже собирались идти на поиски Мануэля. Я остановил их, уверил, что с ним все в порядке, и что нам лучше сейчас не тревожить его.

И правда, через некоторое время он действительно вернулся к нам, и пристроился ко мне сбоку очередной “сосиской”. Мне показалось, что он отчего-то печален. Небо пересекла очередная падучая звезда. Я стал подбадривать Мануэля:

— Ты видишь эту звезду, такую большую?

— Да, вижу, — откликнулся он. Я не стал поворачиваться к нему, потому что и не глядя на него мог понять, что он плачет.

— Почему ты грустишь? Разве ты не видел звезду?

— Видел, поэтому-то я и плачу.

— Но почему, почему это так печалит тебя? Разве она не прекрасна?

— Прекрасна, но как недолговечна...

И тут я понял, что его гложет — я присоединился к его эмоциональной сфере и заплакал так же горько, как и он. Да, я буквально видел утрату любимого существа, его исчезновение и трепет оставшейся любви. Я обнял друга, до глубины души прочувствовав его боль, и попытался утешить его. Некоторое время мы просто плакали вместе. А потом Луис Мануэль спросил меня:

— Мы ведь теперь братья, правда, Вик?

— Да, Луис, мы братья!

А когда мы успокоились, я высказал ему то, что понял только сейчас:

— А что ты знаешь о падучих звездах? Ты знаешь, чем они хороши?

— Чем же?

— На самом деле, мы не должны слишком скорбеть о них. Ведь если жизнь их коротка, зато они так прекрасны, и свет их так ярок, что благодаря им наша жизнь становится хоть ненадолго светлее, хоть немного радостнее, пусть даже всего на миг?

— Это верно!

— Но есть и еще кое-что.

— Что же?

— Когда звезда исчезает, это не значит, что ее больше нет — просто мы перестаем ее видеть. Но она не исчезла совсем. Так что не грусти, Луис, твоя звезда не исчезла, просто она сияет теперь не здесь, а в другой части нашей прекрасной вселенной.

Мы задумались о мире и о своей жизни: каждому приходится вести свою битву, и подчас весьма отличную от других... Лично я был счастлив, потому что ясно видел свой будущий путь — он пусть и не легок, но прекрасен и светел.

Опекун

— Ты слышишь эту мелодию? — вдруг спросила меня Лигия, лежавшая слева от меня.

— А верно! Какая прекрасная! — мы стали прислушиваться к ней, пока я не понял, что кто-то, должно быть, просто поет.

— Кто же это поет? — спросил я.

Так как все мы лежали, укутанные в одеяло и куртки, никому не хотелось подниматься, чтобы посмотреть — откуда же доносится эта мелодия? Мы стали обсуждать эту проблему вслух. Каждый высказывал свою точку зрения, и все они были различны. В конце концов, никто не признался в том, что это он поет.

— Я знаю, кто это поет, — снова сказала Лигия.

— И кто же?

— Это виррарика по имени Мартин.

— Как?...

— Мартин, который должен заботиться о нас.

Я слегка приподнялся и посмотрел налево. В самом деле, там сидел накрытый одеялом виррарика, сидел, закрыв лицо руками. На голове у него виднелась бейсбольная кепка и между ее козырьком и краем одеяла, укрывавшим его лицо, виднелись ярко сиявшие глаза. Мартин временами мог показаться самым бестолковым среди виррарика, например, он понимал по-испански, но сказать мог только несколько слов. Однако временами мне казалось, что он отлично понимает, что делает.

— Мартин! Что ты тут делаешь? — спросил я его, но он не ответил — просто улыбнулся.

— Он следит за нами, — сказала Лигия. — Он уже полчаса сидит тут и поет, наблюдая за нами. Они его специально послали сюда.

— Это правда, Мартин? — но Мартин промолчал и снова улыбнулся.

Поиски огня

Снова наступило молчание и мы вернулись в мир своих видений, а Мартин бесшумно растворился в темноте — так же незаметно, как и появился. Мы даже не заметили, как он исчез. Примерно через час Рене сказал:

— А я знаю, почему нам всем грустно!

— Ну и почему? — начали спрашивать остальные.

— Потому, что мы отошли далеко от Татевари!

— Предок Огонь! Верно! Нам нужно раздобыть топлива и зажечь костер! Кто пойдет за хворостом?

Наступила тишина. Пока где-то в кустах прыгает “это”, не очень-то хотелось выходить из круга.

— Я пойду с тем, кто отважится на это, — сказал я, обращаясь ко всем.

— Я пойду с тобой, — ответил Рене.

— И я, — промолвил Маноло.

— Ну, так идем!

Мы снова образовали “индейскую цепочку” и направились к лагерю виррарика. Скачущая тень снова принялась охотиться на нас, на этот раз она была слева, причем гораздо ближе, чем раньше. Я даже слышал ее повизгивание. Нужно было как можно скорее пробраться к огню, и мы ускорили шаг. Я облегченно вздохнул лишь когда впереди замаячил силуэт университетского грузовика. Наконец-то мы добрались до лагеря!

Виррарика лежали на земле, закутанные в одеяла, но было ясно, что они не спали. Оказавшись в лагере виррарика, мы почувствовали себя словно под “куполом внимания” — все было под контролем. У огня стоял Тайяу и еще один виррарика. Мы спросили его, можно ли взять немного топлива для нашего костра, и рассказали ему про то, что прыгало в кустах.

— А, разумеется! Только очень опасно выходить наружу без защиты Татевари. Удивительно, как вы еще живы!

— Так что, мы берем топливо?

— Разумеется, только поторопись! Не оставляй остальных надолго одних!

Мы забрали, сколько могли, дров и снова отправились в путь, на этот раз стараясь не оборачиваться и не обращать внимания на “это”. Идя мимо зарослей, мы старались выглядеть как можно более непринужденно, но тварь на этот раз вела себя так агрессивно, что мы не могли не ускорить шаг. Мы инстинктивно подняли вверх по полену, чтобы в случае нападения защититься от нее и, сами не

понимая как, побежали что есть сил к друзьям.

Подражая действиям виррарика, мы разожгли костер. При виде пламени мы успокоились, хотя оно не очень-то согревало, наоборот, становилось все холоднее. Чтобы справиться с холодом, мы снова приняли позу “сосисок”, и как можно плотнее укутались в наши тряпки. Пустыня, до самых дальних границ, была полна звуков, и мы лежали, вслушиваясь в них.

Огненные люди

Поднялся ветер, и мы закутались еще плотнее, так как холодный воздух грозил отморозить нам кончики носа. Однако через какое-то время я услышал, как меня зовет Маноло, стоящий где-то за пределами круга наших спальных мешков:

— Эй, Вик, иди сюда, посмотри на это! — Я высунул лицо из-под одеяла и увидел Маноло, пристально вглядывавшегося в кустарник.

— Что ты там разглядываешь? Возвращайся!

— Да нет, Вик, ты тоже должен это увидеть, иди сюда, не пожалеешь!

Любопытство пересилило страх перед холодом, я поднялся и пошел к нему. Оказалось, что он смотрит в направлении лагеря виррарика. Я присмотрелся, и увидел маленький огонек в зарослях, который прямо на глазах начал расти, пока не озарил весь горизонт.

— О черт, вот это да! Скорее идите сюда, смотрите! — крикнул я остальным.

— Что такое? Что происходит? — встревожились они, а потом подошли к нам и тоже замерли в изумлении, не в состоянии поверить собственным глазам.

Перед нами горел костер в лагере виррарика — хотя на самом деле мы не могли его видеть из-за расстояния и из-за кустарника. Но мы видели костер, видели самих виррарика, сидящих вокруг него и погруженных в свои видения. Только вид у них был странный, словно они представляли собой разноцветные шары, словно свечение вырывалось из-под их шляп и одеял. Они были сотканы из той же ткани, что и Татевари, и прекрасно знали это. Тут они поняли, что мы их видим, и двое виррарика повернулись к нам. Нас охватил страх, потому что глаза у них были огненные. Они слегка улыбнулись и снова повернулись к огню. Мы же несколько минут не могли прийти в себя от восторга.

И тут языки пламени взмыли вверх и превратились в образ гигантского оленя с огненными рогами. Огненные глаза оленя смотрели прямо на нас! Мы терли глаза, словно стремились очнуться

ото сна, но то, что мы видели сейчас, был не сон — это был сам Тамац Кахуллумари! Мы все, все шестеро, видели его! И это зрелище огромного пылающего оленя среди виррарика было прекрасно — от него исходила волна силы и величия, принадлежащих иному миру. По моим щекам текли слезы счастья. Мы не могли сдержать свой восторг, и то и дело восклицали:

— Невероятно красиво! Вы видели? Просто потрясающе! А ты видел?

Видение длилось около четверти часа. Чуть позже Огненный Олень растаял, и перед нами снова оказались одни сияющие виррарика. Двое сидели у огня, остальные стояли. То, что они были сотканы из огня, было не только зрительным ощущением — мне казалось, что я телом чувствую исходящий от них жар, колоссальную энергию, скрытую под одеждой. На миг показалось, что эта одежда вот-вот вспыхнет и обратится в пламя. Тот, кто сидел у огня справа, делал что-то такое, смысл чего мы не могли сначала понять — он ритмично раскачивался, наклоняясь в сторону огня. Но вскоре мы поняли — да он же просто разговаривает с огнем! Это *маракаме* Антонио говорит с огнем! И огонь ему отвечает! очевидно, что между ними царило полное взаимопонимание — ведь они одной природы. Пока Антонио разговаривал с огнем, остальные фигуры стали понемногу уменьшаться, словно они готовились к взлету. Я просто физически ощущал, насколько виррарика, и в особенности Антонио, любят огонь. Только Антонио в эти минуты был не совсем тот Антонио, которого я знал, это был сгусток чистой энергии. Да, поэтому виррарика и любили огонь до самозабвения: ведь они — его народ. Наверное, сейчас на всей Земле бодрствовали только они одни, и они позволили нам подсмотреть их тайны. Я понял, какой колоссальный груз несут они на своих плечах, уже столько веков, да что веков, тысячелетий, не давая забыться основному, ради чего живут на этом свете, поддерживая в состоянии готовности каналы, соединяющие наш мир с источником всего сущего.

Свет мира

Окружившие костер светящиеся желто-красные фигуры начали вдруг подниматься, пока не застыли в воздухе, примерно в полуметре над землей, продолжая созерцать Татевари, связь с которым явно не прерывалась. На фоне черного ночного неба они казались маленькими солнцами. *Маракаме* явно удвоил усилия — он умолял Татевари войти в него, отдать ему свою силу. Из пламени костра вырвалась толстая лента жидкого огня, и впилась в фигуру *маракаме* где-то

вверху живота. Фигура начала разрастаться и проливать вокруг себя ослепительный свет. *Маракаме* освещал мир! Я просто не мог сдержаться, я плакал и смеялся одновременно — теперь-то я понял! Я наконец понял, какова миссия *маракаме* в нашем мире: они призваны освещать его! В древних легендах говорилось о воинах, которые взяли на себя миссию солнца, но оказалось, что это не простая метафора. Прямо перед моими глазами она претворялась в жизнь, и я от всей души возблагодарил высший Дух за то, что он не оставил нас одинокими на Земле. Я благодарил его за то, что остались еще такие существа, которые напоминают нам о нашей высшей природе и назначении — мы ведь светящиеся тела, маленькие солнца! Я благодарил его, и одновременно клялся всем святым, что никогда не забуду того, что увидел сейчас. Я не забуду, и вся моя жизнь превратится в служение этому чуду.

В эту ночь произошли и другие чудеса, однако это видение, несомненно, дарованное нам Антонио, было самым ярким и сильным, оно настолько переполнило нас, что я бы не хотел более рассказывать о событиях той ночи⁵⁶.

Приношения Ла Унарре

На следующий день мы проснулись с лучами восходящего солнца. Перед рассветом мы все-таки немного соснули, а когда проснулись, было уже около девяти утра. Радостные ощущения от того, что мы видели этой ночью, переполняли наши сердца. Все-таки правостороннее сознание не полностью подчинило нас себе. Тем не менее, настал новый день, и нужно было выполнять то, что следовало, так что мы решили не обсуждать случившееся этой ночью, занявшись привычными делами. Я не знал, достигло ли Паломничество своей цели, но инстинктивно принялся готовить грузовик и паковать вещи для обратной дороги, хотя возвращаться в “цивилизацию” совершенно не хотелось. Мы немного устали, но были готовы к новым испытаниям. К этому времени мы уже привыкли мало спать и есть, и не раздумывая делали то, что требовалось.

Но про себя я начал размышлять над тем, что пришлось испытать на Хумун Куллауаби и в особенности, прошлой ночью. Все ли я хорошо запомнил? Хорошо ли я понял, какие последствия это будет иметь для меня, для моего будущего? Мне казалось, что частично я

⁵⁶ Это возвышенное явление еще раз наглядно демонстрирует тщету человеческой гордыни — какая самонадеянность! Сколько усилий, сколько энергии тратится зря, в то время как наша природа едина с природой Солнца. Люди по природе солнечны, и при этом живут в такой грязи! О, насколько же глуп человек!

могу ответить на эти вопросы положительно, хотя мой рассудок явно пасовал перед этими событиями. Я решил не насиловать себя — в свое время все станет ясным само собой. Я видел, что некоторые виррарика уже пакуют свои вещи, другие же явно не собираются трогаться с места.

— Антонио, что ждет нас теперь?

— Ла Унарре!

— Ла Унарре?

— Да, Виктор, тебе предстоит путешествие на Ла Унарре, — просто ответил *маракаме*, складывая в мешок свои пожитки. Я подошел к Тайяу и принялся расспрашивать его подробнее:

— Тайяу, ты тоже готовишься отправиться на Ла Унарре?

— Вовсе нет, туда отправятся только самые-самые!

— Почему же только самые-самые, вроде все собираются туда?

— Разумеется, нет — только самые важные персоны — *маракаме*, *уруквакаме*, Тамац Кахуллумари, Хулио и те, кого выберет сам Антонио. Он главный.

— А почему же не все?

— В этом нет смысла — дорога очень трудна, и те, кто взберется на вершину, отнесут с собой приношения всех остальных, и поблагодарят Бога за то, что паломничество завершилось удачно, и что он помнит о нас. Это очень святое место — именно там появился на свет Тамац Кахуллумари, и лишь потом он спустился вниз и помчался на свое нынешнее место, на Хумун Куллауаби, а из отпечатков его следов поднялись розы (пейот)⁵⁷, вот почему оно такое святое.

Я повернулся в сторону, где на горизонте должен был маячить пик Ла Унарре. И в самом деле, он был там, ведь это самый высокий пик среди местных гор. Путь туда так далек, что даже на грузовике и машинах нужно будет добираться несколько часов.

После слов Тайяу я понял, что *теварис* не светит взойти на Ла Унарре, так как среди нас “самых-самых” не было. Но в любом случае, нужно быть готовым к тому, чтобы доставить паломников к подножию горы.

Я рассказал моим друзьям о предстоящем походе, и мы приготовили наши приношения на случай, если все-таки нам повезет, и нас попросят “сопровождать” старейшин в путешествии к горе. К тому же это даст нам возможность немного подремонтировать машины и сменить масло — они уже давно в этом нуждались. Виррарика, которые не собирались идти на вершину, тоже взобрались на борт грузовика, чтобы воспользоваться тем, что мы будем

⁵⁷ Хотя виррарика Санта Марии практически никогда не называли пейот розой, мне была знакома эта метафора, так как ей пользовались другие племена, с которыми я работал.

проезжать через Лос Вальдес⁵⁸ и кое-что купить.

Я решил на этот раз ехать в кузове — мне ужасно хотелось послушать, что мои *теокарис* виррарика будут говорить о прошлой ночи, и может быть, мне тоже удастся поделиться своими впечатлениями. Виррарика, как всегда, были в прекрасном настроении. Мы ехали стоя, привязав шляпы ленточками, чтобы их не унесло ветром. Я стал спрашивать их, как все прошло ночью, и они отвечали — отлично. Они многое увидели и узнали, но от конкретного обсуждения увиденного виррарика уклонились. Из уважения к их чувствам, я сменил тему разговора.

Горы постепенно приближались, и я невольно подумал о том, насколько изменились отношения между индейцами и *теварис* — холодок недоверия сменился дружелюбием и близостью. Хотя я уже был знаком ранее с половиной паломников, в том числе и со старейшинами, на этот раз все было немножко иначе — я оказался в самой гуще незнакомых *хикарерос*, многие из которых путешествовали с семьями, а другие присоединились в последнюю минуту. Кроме того, это был первый год пятилетнего цикла, в соответствии с которым *хикарерос* исполняли свои обязанности, да и вообще первое их паломничество в таком составе, так что не удивительно, что они нервничали. Но теперь, когда цель паломничества была достигнута, все немного расслабились и отношения стали проще.

По мере приближения к месту назначения, пейзаж менялся удивительным образом — перед нами была совершенно плоская равнина, на краю которой, без всякого перехода в виде предгорий или холмов, начали вырисовываться горные вершины. По крайней мере, так казалось с того места, где мы находились. Я уже бывал на Горе, только сейчас мы подъезжали к ней с другой стороны, и я прикинул, что подъем будет не столь легким, как раньше — здесь придется начинать восхождение прямо от пустынного подножия горы, в то время как обычно мы восходили на нее со стороны Реал де Каторсе, то есть почти от самой вершины, куда, к тому же, подходил автобусный маршрут. От его конечной остановки было недалеко до Дворца.

Мы подъехали к Лос Валдес, типичному поселению в центре пустыни Потоси, разве что оно было чуть побольше тех поселков, что мы миновали по ходу Паломничества. Мы пропылили по центральной улице до ближайшего продуктового магазина, и тут нам пришлось разделиться — две легковушки должны были остаться в городе для мелкого ремонта, а грузовик должен был отправиться к Горе с теми,

⁵⁸ Название небольшого городка в пустыне.

кому выпала честь взойти на нее и поднести наши дары — даже отсюда до нее оставалось еще прилично.

Мы, *теварис*, договорившись с группой Антонио о месте и времени следующей встречи, занялись было своими делами, как вдруг один виррарика подошел к нам и сказал, что мы должны послать одного-двух представителей нашей группы, чтобы они доставили на гору и наши приношения. Мы были просто поражены! Тут же началась жаркая дискуссия о том, кому же ехать — в кузове оставалось два места, а ехать хотелось каждому. Наконец, Маноло сказал:

— Мне ужасно хочется поехать, но я уже был там, поэтому пусть поедет тот, кто еще не всходил на Гору. Я уступаю свое место!

Я присоединился к нему из чувства солидарности и тоже отказался от своего места, предложив выбрать из тех, кто никогда еще не был на Горе. Таких оказалось трое, и все они приготовились, на случай, если вдруг удастся втиснуться на, эти два места втроем. Мы передали им наши приношения и наши послания Силам, обитающим там, вверху.

Когда все было готово, я подошел к Антонио; рассказал ему о нашем решении, и еще раз спросил о месте и времени следующей встречи, когда они спустятся с горы.

— Ты должен идти с нами, Виктор, — спокойно сказал Антонио, глядя мне прямо в глаза, и я понял, что никаких отговорок он не примет. В этот миг у меня произошло внезапное переключение внимание: только что, пока Антонио молчал, у меня было обычное правостороннее внимание, и вдруг все переменялось — внимание обострилось до крайности, я просто физически чувствовал, как все мое тело вибрирует. Мир воспринимался как-то особенно ярко, свежо и ясно, я еще интенсивнее ощущал его. Мне казалось, что должна быть какая-то точка для фиксации этого внимания, и, посмотрев на горы, я понял — это был призыв. Антонио прав, я должен отправиться во Дворец Правителя — Солнца. Говорить было не о чем. Я вернулся к своим и сказал Маноло, что *маракаме* приказал мне идти с ним. Через несколько минут те, кому выпала честь ехать, погрузились в грузовик, и он устремился к Ла Унарре.

Примерно через час мы подъехали к маленькой деревушке у подножия Священной Горы. Все приготовились к восхождению. Мы попрощались с Вентурой и договорились встретиться в четыре часа дня (неужели?! а ведь было уже одиннадцать утра!). Но я не стал высказывать вслух своих сомнений и приготовился к подъему. В группе было семь виррарика и четыре мексиканца. Мы выстроились в индейскую цепочку и быстро двинулись вперед. Я был не новичок в такого рода переходах, однако скорость, с которой двигались

виррарика, даже от меня потребовала полной отдачи и предельной концентрации.

Подъем сопровождала музыка: шедший в конце цепочки Галиндо играл на гитаре, а Хулио, шедший передо мной, играл на скрипке. Я давно обратил внимание на то, что во всех танцах *хакарерос* Хулио всегда занимал позицию в начале цепочки и как-то направлял ее движение. Сейчас впереди Хулио шел Антонио, а впереди Антонио — уважаемый Тамац Кахуллумари (Мануэль), наконец, перед ним — *уруквакаме* Лусиано, старейший из паломников.

И вдруг я “исчез”, точнее, исчезло мое восприятие “я”, я словно стал частью одного большого энергетического поля, созданного всеми нами, идущими в одной цепочке. О, какое это было приятное и радостное ощущение — быть частью “этого”, быстро движущегося целого. Так мы прошли несколько километров, отделявших деревню от подножия горы, останавливаясь только тогда, когда одному из нас нужно было ненадолго отлучиться “по делу”. И вот я уже созерцаю Священную Гору от самого подножия — как она прекрасна и величава! Впереди виднелось широкое ущелье, постепенно уходящей вверх, к самой вершине горы. Я ощутил необыкновенный прилив чувств — да, там, впереди, меня обкидает нечто совершенно необычное, и мне не терпелось уже подняться и узнать, что же это.

— Иди передо мной, ты же *уруквакаме*.

Голос Хулио вывел меня из состояния блаженного созерцания. Я, конечно, знал, что такое *уруквакаме* (тот, в то укажет путь), но не понимал, что он, собственно, имеет в виду? Тем не менее, я без звука подчинился его приказу и оказался прямо за Антонио — это хорошо, теперь я смогу в точности повторять его движения, ступая за ним след в след. Мы начали восхождение, и вдруг позади меня послышалась мелодия, Которую я узнал сразу — это та самая песня, которой меня научил Татевари на Хумун Куллауаби! Хулио повторял целые строфы из “моей” песни, да притом на испанском. Мне, конечно, льстило, что ему понравилась моя песня только вот откуда он мог ее узнать? Мы запели хором.

И вот мы преодолели последнее расстояние, отделявшие нас от горы, и вступили в ущелье. Начался подъезд. Дорога была крутой, но я легко, не чувствуя усталости, следовал всем ее поворотам и подъемам. Мы двигались четко, ритмично, и этот ритм задавал Лусиано. Несмотря на свои семьдесят с гаком, он мчался вверх, как горный козел, делая большие прыжки и легко обходя валуны. Иногда мне даже казалось, что он просто испытывает нас — а способны ли мы удержать этот темп, и этим объясняются его наиболее рискованные па. Антонио, впрочем, тоже было за семьдесят, но несмотря на это, он двигался в своих соломенных сандалиях гораздо

легче, чем я в своих специальных горных ботинках.

И все-таки подъем был непростым — двое наших друзей стали отставать. Мы не останавливались, и я надеялся только на то, что они сумеют удержаться. За мной двигались двое виррарика, за ними — Луис Мануэль, идеально усвоивший ритм движения. По мере того, как подъем становился круче, Антонио восклицал: “О Боже? О Боже! Я слишком стар для этого”, а остальные отвечали на это смехом и шутками, не замедляя шага. Очевидно, Антонио просто шутил. Но этот момент очень хорошо демонстрирует легкость отношения к жизни и ее трудностям среди виррарика. Они никогда не выпячивают собственную значимость. Антонио явно подтрунивал над собой, чтобы облегчить работу остальным, а это вовсе не легко, шутить и смеяться, когда ты поднимаешься в гору с такой скоростью.

В общем, все были в прекрасном настроении, за исключением двух отстававших. Через пару часов такого подъема мы вышли к огромной расселине в стене ущелья и, пройдя немного по ней, оказались у ручья. Тут мы остановились и отведали воды, струящейся из глубин Горы. Она не только освежала, но и наполняла нас какой-то невероятной энергией. Я прошел еще немного дальше, и обнаружил небольшую пещерку, заваленную камнями. Отодвинув один из камней, я осветил внутрь фонариком. Так вот откуда берет начало ручей! Я тут же вспомнил, каким мистическим значением наделяют виррарика источники на Хумун Куллауаби.

Антонио махнул мне рукой, словно приглашая продолжать отваливать камни, и я начал расчищать вход в пещеру. Когда отверстие оказалось достаточно велико, я протиснулся внутрь и обнаружил святилище — в нем оказалось немало приношений виррарика. Я возблагодарил Духа местности и тоже оставил свое приношение. Когда я выбрался наружу, то обнаружил у входа *маракоме*, обращавшемуся с молитвами к духам места: он помахивал своим *мувиери*, “открывая” дверь в святилище. Каждый из виррарика оставил приношение богине воды, родственнице Татей Матиниери. Затем Антонио наполнил чашу водой из источника и с помощью своего *мувиери* обрызгал нас всех, раздавая благословения. Мы радостно приветствовали этот душ. Тут, как раз вовремя чтобы принять благословения, подошли и двое отставших товарищей.

Я уселся у входа в пещеру, купая в лучах Солнца свое тело, освеженное душем из святой воды. Я наслаждался *местом*, временем и обществом людей, с которыми мне посчастливилось оказаться здесь. Вдруг кто-то легонько похлопал меня по плечу. Я повернулся, и обнаружил за спиной Тамаца Кахуллумари-Мануэля, протягивающего мне *мувиери*. Это была маленькая стрелка, украшенная пряжей и перьями. Виррарика очень почитают *мувиери*, и все, за исключением

маракаме (прячущих их в чехлы из пальмовых листьев) носят их на *шляпах*. *Каждый мувиери* считается трофеем, полученным за победу в нелегкой духовной борьбе, или в связи с каким-либо важным событием, предпочтительно связанным с Духом. Однажды я слышал, как прикрепленный к шляпе *мувиери* так и называли “духом”.

Я часто с интересом разглядывал *мувиери* виррарика, но и думать не смело том, чтобы изготовить себе такой же. Это было бы просто невысказано. Я никогда не стремился купить настоящий *мувиери*, или выпросить его. Теперь я принимал его из рук самого Тамаца Кахуллумари с величайшим почтением. Тамац показал мне, как прикрепить подарок к шляпе, затем я надел ее и почувствовал, что теперь это стало неким важным действием. Я знал, что буду надевать эту шляпу только на территории виррарика, или же по особым случаям.

Взбодренные привалом, мы быстро двинулись вперед, к вершине. Подъем становился все круче. Я обратил внимание, что пожилые виррарика управлялись с ним даже легче, чем молодые — те не то что шли медленнее, просто среди виррарика так уж повелось, что для них самое важное — это духовное, а более пожилые имели в этом отношении большую практику, чем молодежь, и они были не только мудрее, но и крепче, бодрее. Вот и сейчас Лусиано и Антонио задали такой темп, что молодые виррарика едва поспевали за ними. Я шел прямо за Антонио, не прекращая удивляться его ловкости, казалось, чем дальше мы шли, тем легче он двигался.

Колонна снова остановилась, чтобы дождаться двух отстававших паломников. Я прикинул, сколько нам осталось идти, и понял, что самое трудное еще впереди. Я посмотрел на Антонио — он не промолвил ни слова, но я понял, что ни при каких обстоятельствах он не бросит отставших. Когда мои друзья подошли к нашей группе, я спросил их, смогут ли они и дальше выдерживать этот темп, или же им лучше вернуться и подождать нас у подножия горы? Они посмотрели вперед, на вершину, и решили вернуться назад. Мне было жаль, что они не пойдут с нами, но я понимал, что это наиболее приемлемое решение в данной ситуации. Они передали нам свои приношения, и начали спускаться вниз, мы же развернулись и пошли вперед, и тут произошло нечто невероятное.

Мне показалось, что с нас свалилась какая-то тяжелая ноша — мы рванулись вперед, несмотря на то, что подъем стал еще круче. Казалось, что нам приделали крылья, так быстро мы поднимались вверх. Вдруг Антонио остановился, и, показывая на гору справа от нас, спросил: “Видите поезд? Как красиво!” Все засмеялись, и стали говорить, что это необычайно красивое зрелище. Я лично никакого поезда не видел, но понял, что это не простая шутка. Когда я видел,

как легко эти уже пожилые люди поднимаются в гору, я думал о том, что уже много дней они почти не спят и не едят; что в этом году, перед тем, как совершить паломничество на Хумун Куллауаби, они обошли немало мест: Рапавиллаяме (Чапала, Халиско), Арамара (Сан Блас), Аурраманака (Дуранго) и многие другие; о том, что в каждом таком месте они участвовали в длительных ритуалах, ночных бдениях, постах. Я думал о том, сколько ночей Антонио провел, исполняя духовные песни, (иногда он пел, не прерываясь в течение трех дней). Я думал о том, сколько уже мы прошли и сколько нам еще осталось пройти, прежде чем Паломничество завершится.

Я знал, насколько беден, в материальном отношении, этот старик, идущий впереди меня, и только теперь осознал, что же это значит — жить, не впрягаясь в ярмо собственной значимости. *Маракаме* почти не знает покоя, но ему никогда не платят — ни деньгами, ни продуктами. Напротив, ему самому приходится нести многочисленные расходы, которые ему никто не возмещает. Зачем он делает это? В чем его выгода? Только в Духе — не в деньгах или благах *эго*. Я понимал, что мне выпало невероятное счастье видеть этих людей, чья жизнь посвящена служению другим; людей, взваливших на себя колоссальную ответственность — не дать человечеству забыть о самом главном, поддерживать в готовности пути, ведущие к Духу. Это были поистине *люди знания*! Значит, можно-таки справиться с раздуванием собственной значимости!

Этот нищий старик передо мной был, несомненно, гораздо чище и величественней всех этих магов и “мастеров”, о которых ходит немало легенд и написано множество книг. Ну что толку в этих книгах, когда вот — живые люди, о которых я ничего не знал, ничего не читал, но с которыми меня связала моя судьба! И я не променяю даже самой малой части того, что переживаю сейчас, на все эти потрясающие фантазии, что описаны в глупых книжках. Я сделал правильный выбор — нужно жить самому и для себя. Нужно на собственном примере, собственными руками и ногами ощутить эту радость. Вот в чем величие истины! Да, это будет посильнее всех магических историй и бредней, которые я штудировал некогда в поисках Духа. Конечно, Антонио не совершенен, зато у него есть то, что мы никак не можем пробудить в себе — он живет в согласии с Духом. А самое главное, мне ничего не стоит сейчас прикоснуться к такому человеку, пожать его руку! Я вижу и осязаю его, мы здесь, в месте, где обитает Тамацин!

Мы продолжали подъем, и я, наконец, понял, в чем суть восхождения на Ла Унарре — на этом пути я сумел пережить и осознать все, что мне удалось понять и научиться на протяжении всего Паломничества, найти смысл этого в моем внутреннем “я”.

Наконец-то я обрел то, что искал, искал сначала в школе, потом в книгах; то место, которое я ошибочно искал где-то вне меня, всегда было во мне! Самое главное, что мне удалось постичь — все начинается и кончается внутри нас. Нужно идти не вширь, а вглубь себя — только там скрывается подлинная правда. И только чрезмерное почитание эго, иногда маскирующееся под почитание чего-то другого (любимого человека, ложного знания, сковывающего нас, или свободы, якобы даруемой нам “совершенным учителем”) — вот что не позволяет нам постичь эту простую истину. Да, ожидание того, что кто-то придет и научит нас — это лучшее оправдание собственной лени и нежелания обучаться самостоятельно.

Какой великой энергией обладает эта гора! Я чувствовал, как она переливается внутрь меня, вливается через ноги и растекается по телу, и благодаря этому я вижу все яснее и отчетливее. Да, мои глаза словно заново открывались, позволяя мне увидеть то, что я не мог заметить раньше. Теперь-то я понимал, почему виррарика так почитают это место — ведь это начало всего. Это и есть маяк, освещающий мистический мир виррарика, это путь, это истина. Вот почему они говорят о рожденном в этих местах Голубом Олене как об Учителе праведной жизни. Теперь все встало на свои места, и картина предстала во всей полноте. Да, восхождение на Ла Унарре, это ключ ко всему, это катализатор “внутреннего” восхождения. Начав свой маршрут, мы были обычными людьми, но в процессе подъема постепенно превращались в святых, и этот процесс завершится на вершине горы.

А они все приближалась, и волнение мое нарастало — что-то очень важное ждало меня там, наверху. Когда мы окажемся там, то сами станем магическими существами и частью магического мира. Мы оказались в центре и источнике всего сущего, **В центре Вселенной!** Это и есть начало всего. Тут все началось, и тут по-прежнему берет свое начало! О, какая радость! Наконец-то я понял это!

Исполнение обещания

Поднявшись на вершину, мы устремились на левую половину площадки — сторону виррарика. Антонио сразу же обратился с благодарственной молитвой к Силам места, благословил нас и все наши приношения своим *мувиери*. Потом он обратился к Тамацу и поведал ему о том, какие трудности мы преодолели, чтобы попасть к нему, какие духовные схватки выдержали. Когда Антонио говорил с Голубым Оленем, на его глаза навернулись слезы, и мы тоже не

смогли сдерживать слез. Все теперь обрело свое значение, буквально все — то; что делает Антонио, я, все мы. И тут меня поразило осознание того факта, что я где-то это видел! Я вспомнил, как много лет назад я стоял уже на этой горе, правда, на правой половине площадки, и в этот момент мимо меня прошла цепочка индейцев виррарика, в состоянии повышенного внимания взошедших на гору. Тогда я еще подумал: как мне хотелось бы быть в этой цепочке, быть одним из них, принять участие в жертвоприношении!

И вот сбылось! Я стоял на этой вершине среди *хикарерос* из Санта Марии, и видел все, все понимал, во всем принимал участие! Я плакал и смеялся одновременно — значит, мне суждено было понять, что мы связаны со всем сущим, что Дух слышит меня, когда я обращаюсь к нему в своем сердце, и что наши сны не бессмысленны, они сбываются. Спасибо тебе, Ла Унарре! Спасибо тебе, Тамац Кахуллумари! Спасибо тебе, Хумун Куллауаби! Спасибо вам, Антонио и *теокарис хикарерос*. Но здесь мое странствие еще не окончено — оно только начинается.

Я посмотрел на Луиса Мануэля и понял, что он тоже переживает нечто подобное. Мы обнялись, радуясь тому, что вместе оказались здесь, за пределами обыденной реальности. Да, мы теперь действительно братья!

Исполненные благоговения, мы приступили к приношению даров. Виррарика посоветовали нам как можно лучше спрятать их, чтобы местизо не утащили. Среди приношений самих виррарика были и чудесные олени рога, которые водружались на алтари во время всех ритуалов, исполненных в процессе паломничества. Я знал, как дороги эти рога виррарика, не только потому, что это часть животного, которое они почитают больше всего, но и потому, что именно эти рога добыты в ходе ритуальной охоты (только так можно обрести такую драгоценность). То, что она приносится в жертву, является выражением истинной щедрости, выражением высшей искренности паломников. Среди принесенных рогов была самая прекрасная пара из всех, что я видел — огромные, покрытые золотистым мехом.

После возложения даров мы обратились к Силам Ла Унарре с молитвой, рассказывая о том, что значат для нас эти приношения, и прося Духа принять их. Здесь, в этом месте, царят иные законы, нежели законы пространства и времени, гораздо более сильные. Я верил, что еще вернусь сюда — и телом, и духом. Я вернусь сюда в последний миг перед смертью. Теперь я понимал значение тех лучей, исходивших из горы, что мы видели некогда в пустыне рядом Хумун Куллауаби — ведь Ла Унарре, по сути и есть маяк, указующий путь в волшебном мире. Его свет будет сопровождать меня всю жизнь, и ничто и никто не сможет уничтожить его.

ЭПИЛОГ

ВРАТА СИЛЫ НА ЛА УНАРРЕ

Принеся дары, мы приготовились к отбытию. Мы хором вознесли последнюю благодарственную молитву и в последний раз насладились красотой мира, какая открывается только с вершины Ла Унарре. Я вытянул ладони, ловя в них настроение этого места и момента, и потом прижал их к груди, стараясь запечатлеть в своем сердце. Мы построились в цепочку и начали спуск. И снова “старики” не давали нам роздыху — теперь они не то что шли быстро, они просто мчались с крутого склона. Да, этот спуск можно назвать маршем силы по мокрому песку, обломкам скал, кустарнику и колючим кактусам. Времени на отдых больше не оставалось, начав спуск, мы больше не останавливались, пока не прибыли к подножью горы.

Вскоре после начала спуска, у меня появилось такое чувство, что мои уши словно “раскрылись” от перемены давления, и мне показалось, что внутри меня что-то “лопнуло”, открылось. Благодаря состоянию повышенного внимания, мне удавалось не терять контакта с энергетическим каналом, проложенным теми, кто мчался впереди меня. Мое место снова оказалось за Антонио. Но на этот раз не слышалось звуков музыки — музыкантам приходилось концентрировать все внимание на том, чтобы не отстать от стариков. Да и всем нам приходилось предельно концентрироваться на спуске, стоило мне хоть на мгновение расслабиться, и я наверняка покатился бы в колючий кустарник или оступился на обломке скалы. Не думай, не думай, просто лети, просто беги, отдайся этой силе и чувству — повторял я про себя.

Мы продолжали мчаться вниз, и я услышал какой-то внутренний голос — это был не голос моего осознания. Этот голос подробно, в деталях описал мне значение эпохи, в которой мы живем, и роль, которую мне предстояло сыграть в ней. Мне подробно объяснили, что я должен и чего не должен делать далее. Я получил исчерпывающий ответ на мои сомнения, что мне следует писать или не писать в моей следующей книге — мне были продиктованы нужные строки, слово в слово. Я не мог бы изменить в этом ни единой буквы! Мы мчались вниз, а голос продолжал нашептывать мне строки моей книги. Я прислушивался к нему, стараясь не упустить ничего, понимая, как непросто будет справиться с этой задачей⁵⁹. Из-за колоссального душевного перенапряжения мои силы начинают покидать меня,

⁵⁹ Увы, я должен признаться, что, несмотря на все усилия, я так и не смог воплотить в этой книге то, что было продиктовано мне во время этой прогулки силы, даже в грубом приближении.

временами даже голос ранит меня. Какая-то часть моего сознания хочет даже, чтобы он прекратился — но другая часть интуитивно понимает, что это чудо долго не продлится, поэтому я делаю отчаянные усилия удержаться, не сорваться. Однако скорость передачи послания такова, что я не смог бы сохранить его целиком, даже если бы записывал на магнитофон. Но как это ни удивительно, я отлично понимал все, что было сказано!

Когда я спустился с горы, то был совершенно измотан, но не физически, не из-за тяжести спуска, а оттого, что слишком много энергии было потрачено на усвоение в мельчайших деталях того, что говорил мне голос. Я был на грани изнеможения. Но на равнине бег сменился быстрым ритмичным шагом. Темнело. На моих часах было десять минут восьмого, когда мы ворвались в поселок и обнаружили наш грузовик, около которого, потягивая содовую, стоял Вентура. Однако мои друзья, повернувшие назад с половины пути, еще не прибыли! Я начал подавать сигналы гудком грузовика, так как они не могли уйти слишком далеко. И точно, через несколько минут они подошли к нашей группе. Оказалось, что они потерялись и долго бродили по окрестностям, прежде чем вышли к поселку с другой стороны, нежели мы. Получилось так, что мы вернулись практически одновременно. Мы выпили лимонада, сели в грузовик, и уже в полной темноте отправились назад. По дороге никто не произнес ни слова.

В Лос Вальдос мы нашли остальных паломников, это было не так трудно, так как мы быстро обнаружили припаркованные на улице легковушки. О чудо! Они сияли, как новенькие, словно не было этих дней странствия по пыльной пустыне. И наши друзья тоже сияли, как новенькие — они приняли ванну и постриглись. Только теперь я понял, как же мы были грязны, хотя это ничуть не мешало нам чувствовать себя счастливыми. Мы решили немного отдохнуть и поесть сандвичей, приготовленных нашими друзьями, прежде чем отправиться в пустыню, где расположились лагерем виррарика. Но Антонио и остальные виррарика решили ехать немедленно, им не терпелось успокоить своих близких. Ладно, подумал я, мы еще успеем за ними, ведь легковушки едут гораздо быстрее грузовика.

Итак, в городке остались только *теварис*. Мы ели сандвичи и обсуждали события этого дня. Мне еще трудно было говорить о том, что случилось на спуске с Ла Унарре, и я сказал им только, что подъем на Гору не простое путешествие, это ключ ко всему паломничеству.

Возвращение в горы

Выехав из города, мы быстро потерялись в лабиринте тропинок, пересекающих пустыню. В темноте не было никаких ориентиров, и мы просто скитались по пустыне, так что я начал уже опасаться, как бы мы не застряли здесь без топлива. Только огни Лос Вальдес давали еще какой-то ориентир и служили маяком на крайний случай. После двух часов блужданий в пустыне, мы решили вернуться в город. Я подумал, что виррарика, видя, что мы не приехали, решат вернуться за нами. Так что, в крайнем случае, мы просто проведем ночь здесь, а днем нам наверняка повезет гораздо больше.

Примерно через полтора часа сигнал грузовика возвестил о возвращении Вентуры и виррарика. И началось новое путешествие в сьерру.

"Хумун Куллауаби, Хумун Куллауаби

Кто знает, почему

Плачут розы⁶⁰?

Кто ответит?

Кто догадается?

Хумун Куллауаби, Хумун Куллауаби,

Кто знает,

Почему плачут розы⁶¹?

⁶⁰ Розы, или розочки — так виррарика называют пейот.

⁶¹ Индейская песня, она содержится в собрании Фернандо Бнитеса, Los Indios de Mexico, том.

Сталкинг тени дона Хуана

Журнал “Гнозис” (Gnosis Magazine),
зимний выпуск 1996 г.

Виктор Санчес. Учение дона Карлоса: практические применения трудов Карлоса Кастанеды. Перевод Роберта Нельсона. Санта-Фе, Нью-Мехико: “Безр энд Компани”, 1995, 247 с., \$12,95 (The Teaching of Don Carlos: Practical Applications of the Works of Carlos Castaneda by Victor Sanchez, translated by Robert Nelson. Bear & Company, P.O. Box 2860, Santa Fe, NM 87504, 1995; 247 pp., \$12,95)

"Когда книга *“Учение дона Карлоса”* с ее выполненной в психоделических цветах обложкой, ее обращением к “немыслимому” наследию Кастанеды и с помещенным в ней портретом энергичного Виктора Санчеса, попала мне на глаза в отделе изданий по “саморазвитию” нашего книжного магазина, я был почти уверен, что это всего лишь очередная попытка лихой магической автобиографии. Успев продраться совсем недавно через *Небесное пророчество* (The Celestine Prophecy) и *Послание Мутанта* (Mutant Message Down Under), я был совершенно готов к тому, чтобы написать на книгу Санчеса разгромную рецензию, после ознакомления с одним-двумя абзацами из этой книги.

Однако, заглянув в нее, я был поражен ясностью, точностью и глубиной слов Санчеса. Еще не успев осознать это, я приобрел книгу и, начав читать, ощутил себя перенесенным в мир Карлоса Кастанеды и его учителя дона Хуана Матуса, — при этом не в какой-то воображаемый мир фантазии, в котором мне так нравилось пребывать подростком, но в реальный мир иного “я”, которого, вероятно, можно достичь, следуя многочисленным практикам и методикам, описываемым в данной книге.

Но кто такой этот Виктор Санчес? В книге говорится, что он “жил пятнадцать лет среди коренных народов Мексики, затерянных в горах и сохранивших в неприкосновенности духовный путь древних толтеков. Его работа среди индейцев не была этнографическим исследованием академического толка, (он жил среди них на равных, участвовал во всех сторонах их жизни, посвятил себя сохранению и продолжению их традиций”.

Подобные слова, напечатанные на обложке книги, зачастую являются преувеличением, но, принимая во внимание качество и детальность описываемых в данной книге практик, можно сказать, что

работа Санчеса действительно имеет реальную ценность. Может быть, он и не является настоящим магом, способным легко перемещаться в альтернативные вселенные или оборачиваться, по своему желанию, вороном. Речь, скорее, идет о том, что он смог понять природу магической трансформации, понять, как можно научить других изменять свое сознание, понять, как в качестве “воина” следует готовиться к встрече с таинственным.

“Воин”, конечно же, является одним из терминов того искусства, которое Санчес описывает как мировосприятие последователей учения “дона Хуана”, и книга достаточно близко следует принципам, заданным в книгах Кастанеды. Что касается вопроса, существовал ли в действительности дон Хуан, Санчес пишет:

Сам я не очень-то интересуюсь тем, пришли ли эти идеи от дона Хуана или от Кастанеды. Существенно лишь то, что они существуют и, что важнее всего, они работают. Внедрение этих указаний в практику показывает, что в каждом из нас спрятано иное осознание, осознание иного “я”, которое открывает неограниченные возможности восприятия и опыта... Я воздерживаюсь от высказывания своей точки зрения на то, что полностью находится вне пределов моей досягаемости — я не подтверждаю и не опровергаю реальность существования кого-то, кого никогда не видел.

Как показывает эта цитата, именно конкретный подход Санчеса делает книгу такой эффективной. Хотя она и написана достаточно сложным языком, книга, тем не менее, легко читается, и лишь иногда читатели сталкиваются с проблемами, вызванными несовершенством перевода с испанского.

После объяснения своей методики и важности работы в группе, после объяснения того, что он не является “учителем” для своих групп, Санчес сосредотачивается на трех предметах:

- 1) метафизика и космология “по дону Хуану”, где особое внимание уделяется важности накопления личной энергии (которая никогда не должна теряться и всегда должна сохраняться);
- 2) конкретные указания по правильному образу жизни “воина”; и
- 3) детальные инструкции о том, как конкретно выполнять широкий спектр упражнений, большинство из которых упоминается в трудах Кастанеды, но не объясняется в них детально. По всем этим трем предметам Санчес дает исчерпывающую информацию.

Начнем с того, что его, описание мировосприятия “по дону Хуану” во многих отношениях является более простым, элегантным и всеобъемлющим (хотя, возможно, и не таким поэтическим), чем-то,

что мы можем найти в какой-либо из книг Кастанеды. Его описания таких понятий, как “безупречность”, “сталкинг”, “сновидение”, “энергетический кокон”, достаточно детальны, ясны и должны быть признаны безусловно удовлетворительными. Во многих случаях Санчес дает прекрасный подробный разбор таких тем, которые мы уже давно хотели бы видеть детально разобранными. Например, “что именно увидел бы человек, наблюдающий превращение мага в птицу”? (Ответ Санчеса заключается в том, что это зависит от способности наблюдателя *видеть*: то, что для человека с достаточным опытом *видения* может оказаться ценнейшим опытом, для другого человека, с обычным *видением*, будет выглядеть как созерцание спящего.)

Проповедь Санчеса о том, как и почему необходимо жить безупречной жизнью “воина”, представляется достаточно убедительной:

Миф о “воине” является приглашением превратить его в нашу собственную внутреннюю реальность. Формирование мировоззрения “воина” начинается с привнесения небольших порций магии в нашу повседневную жизнь: вместо того, чтобы действовать подобно запрограммированным изнутри машинам, мы выбираем целеустремленное действие... Действительный вызов для тех, кто избирает путь воина, заключается в том, чтобы напряженно работать, с тем, чтобы те магические моменты, в которых воплощается миф, стали более частыми и продолжительными, — до тех пор, пока магия не начнет доминировать над повседневностью, а гармония — над хаосом; до тех пор, пока сновидение о силе и свободе не возобладает над хаотической реальностью повседневной жизни; пока мечта, сновидение не станет реальностью.

И наконец, широта и глубина предлагаемых упражнений образуют реальную сердцевину книги. Некоторые из них могут и должны выполняться только в группе, но многие вполне применимы и в индивидуальных практиках. Практически все указания выглядят так, что становится очевидно — они даны человеком, который действительно проверил все эти упражнения на себе, и который уже имеет реальный опыт обучения этим упражнениям других. Действие ради действия, походка силы, получение энергии от Солнца, прекращение внутреннего диалога, преодоление чувства собственной важности и многие другие практики описаны убедительно и детально. Для любого человека, который когда бы то ни было увлекался мировидением Карлоса Кастанеды, “Учение дона Карлоса” окажется на редкость стимулирующей и полезной книгой.

Джордан С. Грубер (Jordan S. Gruber)